

84(2-632.16

K-594

Лазарь Кокышев

ДЕТИ ГОР

-291365-

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллич. пред. выдач _____

Сух. тип. № 7. 10296 — 10.000 000.

Лазарь
Кокышев

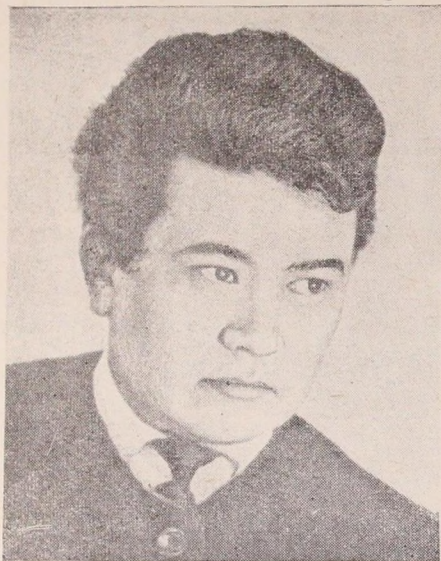
ДЕТИ ГОР

ПОВЕСТЬ

Перевод
с алтайского
ВИКТОРА
СИНИЦЫНА

84(2=632.1/6-4
K599

С (Алт)
K. 599.

Лазарь Васильевич Кокышев (1933—1975) — талантливый алтайский поэт и прозаик. Он автор более десяти поэтических сборников, двух крупных романов и нескольких детских повестей. Его произведения переведены на русский, казахский, тувинский, украинский, якутский и другие языки. Кокышев является автором первого алтайского романа «Арина». Он был блестящим юмористом, тонким и нежным лириком, художником широкого диапазона, человеком разностороннего дарования. Он работал во всех жанрах литературы. Его произведения отличаются народностью, идейностью, высоким художественным мастерством. Он был и остается самым любимым писателем алтайского народа.

Повесть «Дети гор» в какой-то степени автобиографична. В ней рассказывается о жизни детей суровых военных лет. Повесть пронизана тонким юмором, светлым лиризмом.

291365

Горно-Алтайская областная
библиотека. Абонемент.

Б-КЛБ ДТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

У низкой двери шестиугольной юрты ругались две женщины. Знойное летнее солнце давно уже скатилось за отроги гор, лениво мыча, тянулись с пастбищ коровы, а звонкая трель бабьей перебранки все не утихала.

Одна из них — приземистая кривоногая старуха с тощей косичкой, суматошно скакавшей по плечам, — налетала на горбоносую молодуху, тыча ей в лицо грязный кукиш.

Молодая, отклоняясь, презрительно щурила черные глаза, зло хохотала в ответ, сжимая тонкие губы.

— А ну, убери! Убери руки! — цедила она.

Старая взвизгивала:

— Я вот своих вырастила! Да! Дети как дети. А твои — разбойники! Верное слово — разбойники! Голодранцы и только! Не учены, не одеты, не обуты...

— Э-э, перестань! — усмехнулась молодуха. — Не строй из себя богачку! Лучше вспомни своего братца Улачи: ни рубахи, ни порток... Если бы не ворожил на бобах, с голоду давно околел бы!..

— Ты Улачи не трожь! Не трожь! — топнула ногой старуха. — Он у тебя чего брал? Не давился курдюком при коммуне, как твой свекор. Ох, куда-й¹, прости мой грешный язык!.. — она зажала рот рукой, точно опомнившись.

— Ах, так! — вскинулась молодая и грозно двинулась на старуху. — Вспомни-ка своего дядю Карамая! Кто надумал выкрасть черную овцу у Каланчи? Кто?! Да спьяну перепутал. Зарезал свою единственную! Забыла? Пусть народ скажет. А на свадьбе у Кабака?! Жрал, жрал — все мало! Аж ремень от брюк потерял. А кто полез в колхозный амбар зерно воровать? Да его — за шкурку! По закону...

— Поглядите на нее: законница! — обозлилась старуха.

— Катись, катись! — наступала молодая. — А то переломаю твои кривые ножки!

¹ Куда-й — бог.

— Оставь мои ноги! Лучше вправь головы своим бандитам пока не поздно...

И перебранка разгорелась еще жарче.

А виновник скандала, тринадцатилетний черноволосый Карабаш, прятался шагах в двадцати от разъяренных женщин в заброшенной развалившейся избушке...

С утра мать послала его с братишкой Койлой пасти колхозную свинью с восемью поросятами. А ребята увлеклись игрой на склоне оврага: лепили из глины «городок», который видели на картинке в старом букваре. Тут были дома, улицы, по которым сновали прохожие и машины, а в центре дымил большой завод. Карабаш и Койла соорудили высокую глиняную трубу, пустив из нее дым от подожженной березовой коры. И проглядели, конечно, как колхозная свинья со своими свинскими дитятками забралась в председательский огород и принялась рушить картофельные грядки...

Об их обязанностях напомнил запах дымка и печеной картошки, которым несло со стороны деревни и в котором чулился давно забытый запах баранины: пришло время обеда. Мальчишки ринулись на лужайку и, не обнаружив там свиньи, сразу смекнули, где следует искать свою подопечную...

Подкравшись к изгороди, они увидели свинью, саппетитом пожирающую молодую сочную картошку. Она даже глаза от удовольствия прикрыла, негодная...

— Ии-эх! Усь, проклятая! — только и смог прошептать пораженный зрелищем Койла.

Вооружившись палками, они гнали визжащую свинью до самой опушки, нахлестывая ее с двух боков. Едва поросят не порастеряли... Потом пустились домой, перекусить.

Мать уже пришла с фермы. Она сидела у очага и колдовала над куском кожи. «Кроит сапоги», — решил Карабаш.

Ребята стали у порога, не отваживаясь войти. Они сразу поняли, что мать не в духе. Видимо, о председательском огороде ей все уже было известно.

Койла нетерпеливо пошмыгал носом: уж очень хотелось есть, хоть реви в голос.

Не глядя на них, мать заворчала:

— Что, шайтаны? Беду учуяли? — она подняла выкройку на свет, примериваясь, и снова склонилась. — Опять свинья забралась в огород к Тырышпакову? Другого места для нее нет, что ли?

— А она... сама! — брякнул первое, что пришло в голову, Койла. И снова пошмыгал носом.

— Что сама?! — взорвалась мать. — Может, кому другому поручили пасти поросят, а?

— Она сама ушла, — неуверенно пояснил Койла.

— Ушла! А вы где были?! — закричала мать.

Карабаш и Койла замерли. Но мать вдруг сникла, отвернулась. Плечи ее мелко затряслись. Карабашу показалось, что она смеется. В самом деле: скажет же такое Койла!

— Иди сюда, тощий чертенок! — не оборачиваясь, сказала мать.

И Койла сразу понял, что это относится к нему. Он подошел к матери, которая, орудуя иголкой, быстро зашивала что-то, потом откусила нитку.

— Залатала твои штаны, — сказала мать, оглядывая их на свет. — Порвешь еще — будешь ходить нагишом! Так и знай. Если уж телячья кожа не выдерживает, то попроси кузнеца склепать тебе штаны из жести. Заруби себе на носу! Одевай! И не мельтеши перед глазами, точно горный козел!

Койла напялил починенные матерью штаны и горделиво оглянулся на брата. Вдруг лицо его сморщилось, и он испуганно ойкнул.

— Дьо, дьо-о! Колется! В живот колет, мама!

— А что у тебя там в животе? Налопался чего-нибудь, чертенок?

— Ничего я не лопал. Ой, ой! Больно!

— Да что такое? Что случилось? — забормотала мать. — Снимай, я погляжу! Вот еще — колется ему... — ворчала она, но лицо у нее было растерянным.

Койла снял штаны. Мать взяла их, торопко ощупала пальцами и тихонько вскрикнула.

— Ах! Вот слепая, — выругала она себя. — Забыла иголку. Койла, сынок, и как же ты себе пузо не проколол? Ну, это я виновата.

— Говорил тебе — колет, — прогнусавил братишка, почувствовав ласковые нотки в голосе матери.

У Карабаша от голода тонко ныло в животе, ему надоела возня со штанами Койлы, и он недовольно прогудел из темноты:

— Картошка не сварилась еще, что ли?

Мать, намаявшаяся на ферме с утра и не знавшая за что приниматься, — столько дел набиралось дома! — цыкнула на него:

— Чего стоишь, как колода? Неси дрова!

Карабаш нехотя вышел из аила и посмотрел из-под ладоши за реку. Свиной не было! Куда они могли подеваться?

Приглядевшись, Карабаш ахнул: перейдя обратно вброд,

свинья с поросятами забрела в огород бабки Кабайчи и так пахала землю, что только комья летели в стороны...

Карабаш побледнел со страху. Что такое бабка Кабайчи, знала вся округа! В два прыжка он очутился у изгороди, но было поздно. Тут же раздался истошный вопль старой Кабайчи.

Выскочив из своего аила, она кинулась на свиней и гнала их, наверное, с целый километр. Вопли ее не умолкали ни на минуту. Запустив напоследок в свиней комком земли, она направилась к дому Карабаша, изрыгая в адрес его матери все, какие есть на свете, проклятия...

Карабаш замер. Что делать? Куда бежать? Он — старший, и ему попадет в первую очередь. К тому же Койла штаны примерял, и он как бы в стороне. Мать, наверное, и не вспомнит, что они свиней вдвоем пасут...

Пока бабка Кабайчи с пронзительным криком приближалась к их аилу, перед глазами Карабаша мелькали картины расправы. Эх, удрать бы куда-нибудь на несколько дней! Пусть его поищут. Вот мать поволновалась бы! А потом вернуться как ни в чем не бывало. Все позабудут про этих трехклятых свиней...

Бабка Кабайчи уже лезет через изгородь, а голос ее, осипший от крика, напоминает гортанные переливы диких гусей, собирающихся в стаи на отлет в далекие теплые края.

Заметив Карабаша, она взъерилась еще пуще и замаяхнулась на него прутом, который так и не выпускала, как выскочила из аила.

Карабаш метнулся в сторону и, пригнувшись, побежал.

Наискосок от их аила приютилась полуразрушенная избушка с тремя окошками, без крыши, с густо разросшимся бурьяном на потолке. Когда-то в ней жил колхозный чабан дядя Дегор. Но он заболел туберкулезом, быстро сдал и больше не ходил с отарой, а изредка появлялся у управления, опираясь на палку. Через каждый десяток шагов он останавливался и мучительно, надрывно кашлял, а разговаривая с односельчанами, прикладывал ко рту платок и отворачивался. Дела его шли худо, и вскоре он бросил эту избушку и со всей семьей уехал в далекий Кузнецкий край, в село Каянча. Сказывали, там был климат получше и еще была большая больница. Карабаш не раз пытался отыскать это село на школьной карте, но не находил его.

Ему и Койле было жалко дядю Дегора, но постепенно они забыли о нем, а пустующая избушка стала любимым местом их игр. Не прошло и недели с отъезда дяди Дегора, как соседи разломали его изгородь, потом сняли крышу, повыдерги-

вали рамы, и полное запустение пришло в этот двор. Еще быстрее на плоском, засыпанном землей потолке поднялся бурьян, и все деревенские куры облюбовали это место для откладывания яиц. Для Карабаша и Койлы наступила удивительная пора. Они таскали домой еще теплые яйца и вели беспощадную войну за обладание столь выгодным объектом с соседским дружком — заикой Баськой...

В этой избушке Карабаш и спрятался. Закрывшись на крючок, он сидел на полу и битых два часа слушал отчаянную перебранку матери и бабки Кабайчи. Пол развалюхи был покрыт белой мучнистой пылью, заносимой сюда в щели ветром, и Карабаш от нечего делать рисовал на ней поросячий морды и бараньи рога...

— ...Фулиганка! Порядочный человек к тебе и в дом не зайдет! — совсем уже осипла от крика бабка Кабайчи. Даже на шепот перешла. Но этот зловеющий шепот Карабаш слышал отчетливо.

— А ты — старая скряга! — звонко и насмешливо отвечала ей мать Карабаша. — Скряга! Вот ты кто! Дядя в гости приехал, а у тебя, кроме чая с тараканами, ничего и нет! Что, не так? Барашка резать пожалела?

По всему чувствовалось, что они уже позабыли, с чего началась их ссора, и Карабаш немного успокоился.

Мать с бабушкой Кабайчи все переругивались, но уже вяло, без охоты, и цветистости в их проклятиях и оскорблениях становилось все меньше. А мычание приближающихся коров и вовсе прекратило эту стычку. Махнув друг на друга руками, женщины кинулись к своим аилам...

Карабаш затаил дыхание, но ничего не слышал. Наступила какая-то зловеющая тишина. Он вскочил на ноги и, подбежав к окну, приложился к щели между забитыми изнутри досками. Где же Кабайчи? Что там сейчас, на улице? От реки неслись голоса играющих ребятишек.

Найдя щель пошире, он снова взгляделся, но весь свой двор охватить не смог. Карабаш перебежал к другому окну, и первым, кого увидел, был Баська-заика. Его, конечно же, привлекла брань матери Карабаша и бабки Кабайчи, и он примчался сюда увидеть, как будут драться Карабаша

Баська-заика сидел верхом на изгороди, и его чумазая рожица так и светилась в предвкушении этого события. Рядом в земле копался совершенно голый Койла, которому мать так и не успела натянуть штаны. Высунув кончик языка, Койла старательно лепил что-то из глины.

Баську-заика недели две назад тоже выпороли. Он прошляпал годовалого теленка, и тот, пристроившись к матери,

утрюмой пятнистой корове, налопался молока. Баськина мать, вернувшись с покоса и увидев рыгающего телка, не говоря лишних слов, выдернула аршинный прут и гоняла Баську по всему двору, хлестко гуляя этим прутом по его спине и приговаривая:

— Опять телка проглядел! Опять тот ушел на подсос! Будешь знать, как бездельничать! Ах, чтоб тебя...

Баська-заика так уморительно корчился под прутом, что Карабаш с Койлой животы надорвали. Теперь, чувствовалось, Баська дождался своего торжества! Услыхал крики — и тут как тут! Ждет теперь его, Карабаша, позор...

Карабаш грустно вздохнул и отошел от окна. Еще обиднее было от того, что Койла, братишка, ничего не боялся. Сидел на корточках, слушая перебранку матери и бабки Кабайчи, и лепил себе каких-то человечков. Опять он в стороне! Ему по малолетству все с рук сходит. Карабашу приходится отвечать! А свиней пасли вдвоем...

Бабка Кабайчи и мать, верно, помирившись, застряли где-то и теперь трепяся, жалуясь друг другу на свою бабью судьбу, на войну и на голод. Этим часто у них кончалось. А Карабашу высунуть носа нельзя. Баська-заика того и ждет, чтобы крик поднять.

По шуму голосов Карабаш догадался, что и другие ребята прибежали с реки. Баська-заика, сидя на заборе, щелкал себя ладонью по щекам и затылку, убивая комаров, и с жаром объяснял ребятам, что над Карабашем назревает расправа. Даже не глядя в окно, Карабаш все это живо себе представлял.

Пацаны и девчушки сгрудились у калитки. Старшие, наверное, держат на закорках своих младших братьев и сестренку и слушают Баську, шмыгая носами. И собаки собрались со всей деревни: их всегда разбирает любопытство при скоплении людей. Усядутся где попало и глазают, зевая, по сторонам, ожидая чего-то необычного.

Неожиданно из аила послышались громкие возбужденные голоса. Дверь с треском распахнулась, и бабка Кабайчи — откуда она там только взялась, — вылетела пулей.

Ребятишек как ветром сдуло.

Зацепившись ногами за порожек, бабка Кабайчи едва не растянулась на земле, и сейчас же раздался ее страшный вопль:

— Дьо-о! Дьо-о-о! Остановите эту фулиганку! Она мне чуть нутро не отшибла! О-о, мои старые кости!.. Моя седая голова!..

Впрочем, она не стала дожидаться, когда мать Карабаша

появится наружу, а, подхватившись, побежала через речушку к себе домой. Тысяча проклятий сыпались на голову Карабаша и его матери! Бабкин гортанный крик напоминал крик обезумевшего от боли гусака...

Карабаш догадался, что разговор в аиле перекинулся на него: видимо, бабка Кабайчи вспомнила про свои исковерканные свиньей грядки. Он с испугу кинулся за печку, и пыль там взвилась столбом. У Карабаша запершило в горле, он оглушительно чихнул и испугался: не выдал ли он себя? Но на дворе было тихо.

Опять защекотало в носу. Давясь от спираемого воздуха, Карабаш держался изо всех сил. Только бы не чихнуть! Услышит еще этот Баська-заика, тогда все...

Вдруг какой-то большой паук упал ему на шею и, быстро-быстро щекоча кожу мохнатыми лапками, побежал по спине. Карабаш, всхрипнув, как молодая лошадка, подскочил на месте и с испуганным вскриком вылетел из-за печки.

Шум и грохот от его движения были так резки, что наверняка выдали бы его, если б не пронзительный девчоночий визг на улице:

— Ой, Койла! Береги-ись!

И вслед за ним гнусаво взвыл Койла:

— Ва-уу!..

Потом послышался дробный топот и такой подсекающий хлест травы, точно мимо аила промчался резвый жеребенок.

Зазвучал хриплый, прерывающийся голос матери: «Ах ты, чертенюк! Ах ты, чертенюк!» Вслед за этим восторженно взвизгнул Баська-заика и, как шмели, загудели ребятишки. Потом все быстро удалилось, и вот уже где-то у реки вновь откликнулся жалкий гнусавый голосок Койлы:

— Вя-аа-аа!

Карабаш прильнул к доскам.

От аила к реке во всю прыть мчался Койла. Его голые, потресканные до красноты ноги мелькали, как спицы колеса. За ним спешила мать, волоча по траве длинный гибкий прут, которым она обычно загоняла телят. А сбоку двигалась любопытная орава.

На бегу мать дважды хлестнула прутком. Карабаш видел, как он достал ляжки Койлы. Тот подпрыгнул, как ужаленный, но только прибавил ходу, потом как бежал напрямую, никуда не сворачивая, так и кинулся в воду. И только там заплакал, потирая ужаленное место, обратив к матери сморщенное, как кулачок, лицо.

Мать на берегу грозила ему прутком и что-то кричала.

Подобрав подол, она сделала было шаг, но Койла запрыгал с камня на камень и, не оглядываясь, добрался до середины. Вдруг он поскользнулся и под общий хохот ребятни грохнулся в воду. Так, на четвереньках, как маленький паучок, побежал Койла на другой берег, мелькая бледным, незагорелым задом...

Мать, обозленная тем, что не догнала его, кричала охрипшим незнакомым голосом:

— Ну, погоди, худоба несчастная! Придешь мне домой! Голод — не тетка! Накормлю я тебя твоей глиной!

Койла, то ли напуганный матерью, то ли обрадованный, что ему удалось улизнуть от нее на другой берег, издал торжествующий вопль и помчался дальше.

Сплюнув с досады, мать пошла обратно мимо шеренги чумазых с горящими глазами ребятишек. Собаки, поджав хвосты, подавались в сторону, косясь на ее прут. Тут мать, видимо, и вспомнила про Карабаша.

— А куда же подевался этот дылда? Всю кашу заварил и смылся! Ребята, вы Карабаша не видели?

Малышня усиленно задвигала носами, переминаясь с ноги на ногу, но молчала. Никто не знал, где спрятался Карабаш, а то охотно показали бы: зачем же лишать себя удовольствия?

И тут круглая физиономия Баськи-заики расплылась в хитровой и мстительной улыбке. Он заторопился:

— А я в-в-идел!

— О, дьяйла!¹ Да разрази тебя гром! Говори же ты, сын Сатлая! — подтолкнула его мать Карабаша. — Застрял на одной букве. Где Карабаш?

— О-он зззалез в избушку дяди Д-де-егора...

— Ой, врешь! Она же заколочена!

— А о-он зззалез!

— Куда?

— Вввв окно.

— В какое окно?

— Д-дегоровой избы!

— С этого бы и начинал! Нет, из этих сыновей Момон не будет никакого толку, — махнула на него рукой мать Карабаша.

Во главе ватаги ребятишек, замирающих в немом восторге от предстоящего, она направилась к избушке Дегора. Поднявшись на крыльцо, мать Карабаша рванула на себя дверь в сени. Несколько кур, усевшихся там для своих дел,

¹ Дьяйла — боже мой.

посыпались на нее, теряя перья и оглушительно кудахтая.

— Ах, чтоб вас! — вздрогнув от неожиданности, крикнула мать Карабаша и вытянула одну из них прутом.

Потом она дернула за ручку дверь в избу, но дверь не поддалась.

— Открой! — приказала она Карабашу.

Карабаш не отвечал.

— Открой, негодник! — потребовала мать. — Ну, хорошо. Сиди там, сиди! — погрозила она. — Не хочешь выходить — ночуй в этой халупе! Вместе с домовым дяди Дегора!

Карабаш, услышав это, внутренне заколебался. Страх перед домовым готов был одолеть его, но гибкий блестящий прут в руках матери, казалось, пугал больше.

— Пусть, пусть ночует с домовым, — продолжала грозить мать. — Он еще не знает, какие они бывают!

Тут Карабаш не выдержал. Он выбрался из-за печки и подкрался к окну. Надо было оценить обстановку.

Выглянув в щель, он увидел Баську-заика, сидевшего верхом на заборе и лениво жевавшего серу. Тот спокойно ожидал развития событий и, видно, не сомневался, что Карабаша выживут из избушки.

Карабаш пожалел, что не догадался убежать отсюда, пока мать ругалась с бабкой Кабайчи. Убежище его оказалось ненадежным. Ишь, Баська-заика сразу почуял, где он прячется! А вечером еще явится жена председателя, тетка Майша, и все повторится...

Карабаш в растерянности присел на пол. «Бабка Кабайчи еще ладно! — думал он. — Покричит, и на том кончится. А вот Тырышпаков — председатель колхоза, у него медаль «За боевые заслуги». И строгий. Матери здорово достанется! Вот она и злится. А что со мной будет?..»

За дверями слышался голос матери, она все уговаривала его выйти, пугая нечистой силой. Мальчишки тоже усердствовали. Избушка дяди Дегора казалась Карабашу крепостью, обложенной со всех сторон неприятелем, и сколько он не думал, сводилось к одному: ему тут не отсидеться. Мать это дело так просто не оставит. Он уже не очень боялся ее прута, только не хотелось, чтобы Баська был свидетелем его позора. Его даже злость разбирала, и про себя он мечтал, чтоб тот или упал с забора, или еще какая оказия случилась, но чтобы Баськи вдруг здесь не оказалось...

Ребятня между тем заехала на изгородь и внимательно обзревала посаженную избушку. Чей-то писклявый девчоночий голос сообщил:

— Мать Карабаша! А, мать Карабаша! Я вижу его грязные ноги на полу. Он, наверное, вышел из угла. Вон, у окна сидит!

— И я вижу! — подхватил другой тоненький голосок.

Карабаш поспешно отошел от окна подальше.

Неожиданно одна из собак завизжала, а остальные зло закатились лаем, и вслед за этим раздался тягучий противный голос, поносящий все и вся на свете. Карабаш съежился: это был голос жены Тырышпакова, Майши.

Карабаш выглянул на улицу и увидел ее на тропинке. Она мчалась к аилу Карабаша на всех парах. Запутавшись в длинном подоле, она споткнулась и чуть не упала и потому со злости огрела откуда-то вывернувшегося пса. Тот взвизгнул и отлетел в сторону. Остальные оскалились на Майшу, но это была не та тетка, чтобы их пугаться. Она мимоходом поддала ногой еще какому-то псу и по-прежнему орала так, что от ее крика звенела вся окрестность. Визгливое эхо металось в горах, как разлившаяся ртуть на полу.

Майша была не коренная алтайка. Тырышпаков привез ее откуда-то издалека. Она очень странно выговаривала слова и, когда особенно торопилась, изо рта у нее вылетали звуки, будто мячики: гук, гук, гук... За это ее в селе прозвали «татаркой». Тырышпаков здорово злился, когда это слышал, но ничего поделать не мог. Кличка, как и имя, пристанет — не отвяжешь...

Когда она бежала по тропинке и кричала что есть мочи, казалось, что добрый десяток кукушек шумел наперебой. И только во дворе аила стало ясно, кого Майша поносит.

— Ой, люди! — кричала Майша. — Опять кабаны всю нашу картошку перерыли! И куда смотрит Советская власть? Где этот чумазый разбойник? Ой, люди! Дайте мне этого Карабаша на расправу!

Дальше Карабаш вынести не мог. Одно дело, когда, содрав штаны, тебя порет мать при всем честном народе — это, конечно, стыдно, и в особенности при Баське-заике. Но совсем другое — когда на тебя кричат чужие, а ты не можешь ничего ответить и прячешься, как трус. Вообще-то Карабаш именно так в эту минуту не подумал, но почувствовал всем нутром. Баська-заика как-то отодвинулся далеко, словно бы его совсем не было. Карабаш даже забыл о нем. Он решительно откинул крючок и вышел на улицу, высоко задрав голову.

Малышня тут же завизжала:

— Ой, ой! Глядите! Карабаш вышел!

Совсем недавно Карабаш читал какую-то книжку про героев гражданской войны и хорошо запомнил, как они отдавали свою жизнь за дело революции, как смело смотрели в глаза врагу, презирая смерть. Нечто такое случилось и с ним. Он понимал, что от наказания уйти невозможно, и решил его принять с достоинством. В глаза ему сразу же бросился прут в руках матери. Он всей кожей почувствовал тонкий обжигающий удар и незаметно вздрогнул. Ему стало не по себе и еще... как-то стыдно. Но потом Карабаш заметил грязную улыбающуюся Баськину мордашу, и вспомнив, как Баська, визжа, бегал от такого прута по всему двору, Карабаш улыбнулся.

Мать и Майша обе кинулись к нему.

— Ты, шайтан, почему свиней загнал в мой огород? Ты это нарочно сделал? — завопила жена председателя.

— Ах, непослушный чертенок! — крикнула мать. — И долго ты меня мучить будешь?

Майша и мать почти одновременно стеганули его по ребрам. Карабаш вздрогнул от удара, поежился, но затем опять гордо выпрямился и уставился с презрением на Баську. Тот улыбался и строил ему рожи. Карабаш сплюнул.

Мать разозлилась и шлепнула его ладонью по спине.

— Тебе мать не указ? Да? Плюется! Видели?!

Карабаш промолчал.

Мать и Майша теперь принялись орать друг на друга, время от времени награждая его подзатыльниками. Но Карабаш даже не смотрел на женщин. Он смотрел за реку и видел багровый вечерний закат, отблески которого дрожали на снежных вершинах. Речушка, путаясь в зарослях тальника, широко бежала по луговине, и красный свет тоже плескался в ее воде.

А еще он увидел Койлу. Чтобы загладить свою вину, этот пройдоха успел сгонять за свиньей и ее поросятами и теперь гнал их через речку к колхозным кошарам. Он, конечно, слышал крик во дворе их аила, потому что непрерывно оглядывался, спотыкаясь на крупной гальке. И один раз даже упал. Карабаш отсюда почувствовал, что брат заплакал от боли, но ему нисколько не было его жалко...

Вечер наступил так быстро, точно кто-то набросил на деревню темную кисею. Вершины самых дальних гор еще отсвечивали в лучах закатного солнца, а долина реки уже окуталась туманом.

С сенокоса потянулись косари. Они переходили речку по камням, и было далеко слышно, как вызванивают на их поя-

сах жестяные кружки и позвякивают литовки. А где-то в далеких лугах взвилась песня. Горы подхватили мелодию, и, кажется, она плывет на мягких белых клубах тумана. Эхо, удаляясь, еще долго звенит среди вершин, как колокольчик.

Над аилами курятся дымки. Тут и там брякают ведра, мычат сытые коровы, то и дело слышится крик матерей на расшалившихся ребят. Вот где-то раздался визг — опять кто-то из малышни проглядел между игрой, как теленок высосал свою мать-корову.

Особый шум стоит возле колхозной фермы. К вечеру здесь всегда весело, оживленно. Хозяйки несут на ферму сдавать молоко, сюда сбегаются дети, чтобы послушать разговоры взрослых, и собаки, которые яростно дерутся из-за пены обрат, сливаемой прямо на землю. Под мерное гудение сепаратора поют девушки, вращая его длинную ручку. Нет-нет да и взревет племенной колхозный бык.

Телятницы, ожидая молоко для молодняка, собрались вокруг костра, который разложил здесь пастух-старичок, он балует женщин всякими небылицами, невозмутимо попыхивая крепчайшим самосадом.

Карабаш любит бывать здесь. Его молоко уже давно пропустили через сепаратор, а он все еще сидит, слушает рассказы пастуха, разговоры женщин, которые, вздыхая, обсуждают редкие письма с фронта, и ему совсем не хочется идти домой...

Колхозная ферма вечером — место передышки для намаявшихся за день людей. Девушки щеголяют в ярких косынках, снуют туда-сюда, парни-допризывники, стоя группами и сплевывая на землю, степенно разговаривают или отпускают в сторону девушек шуточки. Почти у всех ярко вышитые кисеты, хотя мало кто из ребят приобщился к курению. Держатся они независимо и гордо, не замечая грустных взглядов матерей, которые только и молятся, чтобы скорей окончилась война. Карабаш с завистью наблюдает за парнями, прислушивается к каждой вскользь брошенной фразе...

К позднему вечеру толкотня на ферме затихает. Разошлись хозяйки по домам, одна за другой покидают ферму молодые доярки, которых провожают парни; пастух затаптывает костерок и, нехотя пощелкивая кнутом, гонит колхозное стадо на луга. Только тогда Карабаш спохватывается: пора и ему домой. Давно пора. Ребятишек уже никого нет, даже собаки разбежались по деревне, а он все сидит...

Карабаш подхватывает бидон с обратом и бежит домой.

Тропинка едва угадывается в темени. Иной раз, налетев на камень, Карабаш скулит, скачет на одной ноге, ухватясь рукой за другую, и пенистое молоко выплескивается из бидона на землю. Белую лужу на земле и в темноте долго видно. Обрата в бидоне — всего лишь на доньшке! Опять его ждет взбучка...

В аиле — ни огонька. Мать спит. Карабаш ставит у стенки среди других ведер свой бидон и лезет на крышу. Летом они всегда с братом спят на крыше. Он ужом вползает в во-рох овчинных шкур, в которых уже сладко посапывает Койла. Прижимаясь к его теплому боку, Карабаш смотрит в небо. Высоко-высоко блещут чистые, яркие звезды. Карабаш вспоминает рассказ учителя о том, что там на звездах, возможно, есть такая же, как у нас на Земле, жизнь. Жаль, Койла уснул, а то они бы поговорили сейчас о звездах, о той жизни, которая там существует!

В алтайских сказках много рассказывается о звездах. Есть очень красивые и интересные легенды. Карабаш их много знает. Когда-то ему рассказывала их бабушка, а потом — мать. Карабаш почти все помнит наизусть. Деревенские мальчишки иногда приходят сюда на крышу, чтобы послушать Карабаша. Даже Баська-заика приходит. И Карабаш не возражает против этого. Пусть слушает! Зато на следующий же день между ними снова вспыхивает вражда. Ох и вредный этот Баська! Карабаш помнит с чего все это началось. С избушки дяди Дегора. Как только он уехал, рябая несущка из Баськиного двора сразу же повадилась класть на ней яйца. А Баська-заика выследил свою рябую курочку. С этого и началась «война» и продолжалась, хотя потом избушку Дегора стали наведывать и другие куры.

Карабаш считал, что гнездо принадлежит им, так как избушка дяди Дегора перешла им вроде бы по наследству; а первое яйцо являлось собственностью Момон, матери Баськи-заики, но ни одна из сторон не хотела признавать окончательное право другой, и потому все решала драка.

Как только рябая курица взлетала на крышу, оба враждующих лагеря залегали в засаду. С одной стороны — Карабаш с Койлой, с другой — Баська со старшим братом Тимом. Баська, нудно заикаясь, тянул:

— Если бы не наша несущка, то другие куры не сажались бы на ваше гнездо!

— А если бы не наше гнездо, то не было бы твоего яйца! — парировал Койла.

На этом перепалка кончалась, и все, замерев, ожидали, когда рябая несущка слетит с крыши. Как только раздавал-

ся шелест перьев и довольное кudahтанье, обе «армии» кидались на штурм...

Карабаш лежит на крыше, смотрит в небо на звезды и никак не может уснуть, все вспоминает...

Яйцо всегда доставалось победителям. Когда старший брат Басыки, Тим, уходил в бригаду возить копыны, яйцом легко завладевали Карабаш с Койлой. Сброшенный с крыши Басья тихонько скулил внизу. Но чаще, сцепившись с Карабашем, они вместе катились с крыши, а удачливый Койла, подхватив яйцо и не дожидаясь окончания боя, улепетывал во все лапки.

Но с братом Басья-заика обычно выигрывал. Тим был старше их всех и сильнее. Он уже ходил на игрища, носил вышитый кисет, как все взрослые парни, покуривал, заигрывал с девушками...

Вот и сегодня утром. Как только Карабаш с Койлой взлетели на крышу избушки, а Тим и Басья-заика — уже там. Плечистый, высокий Тим насмешливо и как-то снисходительно поглядывал на братьев. Зоркий Койла тотчас же определил, что яйцо лежит в кармане Тима, и шепнул брату. Карабаш поплевал на ладони и пошел на Тима.

Тим передал яйцо Баске и встретил Карабаша. Оба покатились по крыше. А Койла с криком вцепился в Баску-запку. Но силы были явно неравны. Карабаш скоро почувствовал, что падает, но его с воплем опередил Койла, свалившись на кучу соломы.

Басья и Тим соскочили с крыши и убежали. А Койла, барахтаясь в соломенной трухе, плевался и кричал:

— Дьо, дьо-о! Он мне сломал руку, этот недотепа! О-о! О-о! Я пойду к председателю. Их надо в тюрьму!

Карабаш отряхнулся, взял брата за руку и помог ему подняться.

— Ну, хватит, — сказал он ему, — распустил слюни, точно бабка Кабайчи! Пошли.

— Нет! Я еще доберусь до них, — грозился Койла, выдирая из головы соломенные остья. — Я им еще покажу. Скажу Тырышкакову. Вот увидишь!

— Чего уж тут, — махнул рукой Карабаш. — Все равно отобрали яйцо!

Койла неожиданно прекратил свои причитания и лукаво посмотрел на брата.

— А вот и не вышло! — сказал он и сощурился. — Я как да-ам Баске по карману, а яйцо у него ...вдребезги! Сам видел, по ноге потекло...

Карабаш хлопнул себя по ляжкам и расхохотался. Не

291365

удержался и Койла. Смеялись долго, чуть не до слез, представляя себе, как братья выпрастывают сейчас из кармана скорлупу и густую желтую жижу.

— Ну, бежим, — сказал наконец Карабаш. — А то телята и свиньи по огородам разбегутся.

Перебравшись через речку, они побежали в конец большого поля. Свиньи и телята оказались на месте. Словно разделяя с братьями их поражение, они мирно паслись на лужайке. Потому Карабаш и Койла решили слетать к Красному яру, взглянуть на свой глиняный «город», а то два других «врага», мальчишки Барамаш и Бандюш, повадились шкодить — ломать их глиняные постройки. Найдя на месте своего творения одни развалины и разбросанные камни, братья чуть не плакали от обиды, но, сжав зубы, вновь принимались за дело, и новый «город» вырастал на глазах. Здесь были улицы, здания, заводы, на которые приходили посмотреть даже взрослые. В этот раз Барамаш и Бандюш опять совершили свое черное дело. Добравшись до Красного яра, братья увидели вдалеке удиравших злодеев. Из двадцати мостов, домов и заводов ничего не осталось. Даже Карабаш не выдержал, заплакал. Но потом сказал Койле:

— Ладно. Я еще лучше построю. Тащи воды, помогай замешивать.

И снова они забыли о своих телятах и свиньях...

Напомнили о них вечерние тени от редких деревьев, упавшие на склон горы. Садилось солнце.

Счищая на ходу налипшую на руки глину, Карабаш и Койла побежали прежде всего искать свиней: этих жадных животных огороды манили, как зайца морковка. И верно, свинью с поросятами они обнаружили уже возле изгороди Тырышпакова. Не подскочи они вовремя, эти коварные твари оказались бы уже в огороде.

Потом Койла кое-как собрал телят, и братья погнали их на ферму. Мать уже привезла обрат и ожидала их у загона. Она ласково звала каждого теленка по кличке, те, узнав ее голос, пускались вскачь, задрав хвосты и жалостливо мыча. Но некоторые артачились, пытались проскочить мимо загона в луга, где нагуливали молоко их матери. Карабаш и Койла трудились на совесть. Носились, как угорелые, за каждым теленком, тащили их за хвосты, настегивали прутьями и делали вид, что думают только о телятах. Правда, хитрец Койла и тут нашел себе работенку полегче. Взобравшись на изгородь, он принялся пересчитывать телят в то время, как Карабаш с трудом загонял свиней в сарай. Затолкав их туда, он прикрыл дверь и собрался заложить ее огромным валу-

ном. Обычно они это делали вдвоем с Койлой. Но тот теперь сидел на заборе и чересчур озабоченно загибал свои грязные пальцы.

— Рыжий теленок — здесь, черный — здесь, этот, которого пробрал понос, — тоже здесь, — жестикулировал он руками в воздухе и всем видом показывал, что не видит, чем занимается брат.

Подкатить валун к сараю Карабашу не удалось. Он посмотрел на Койлу, хотел было ему крикнуть, но только погрозил кулаком и побежал на речку за камнями. Если дверь в сарай не заложить как следует, эти свиньи, не приведи бог, выберутся оттуда и наделают дел!

Он принес два больших камня и подпер ими дверь. Подергав ее, он снова отправился на речку и кряхтя притащил еще два.

Мать, оглаживая теленка, который, выпив все молоко, бодал своими короткими рожками пустое ведро, сердито шлепнула его по заду и, покосившись на Карабаша, рассмеялась.

— Ты что, решил все камни с речки перетаскать? Берика лучше ведра и ступай за обратом и молоком!

Мать, конечно, чувствовала, что неспроста ее сыновья так стараются, но расспрашивать было некогда, и она только посмеивалась про себя. Все-таки ее помощники. Что бы она без них делала! Отец как пропал на фронте — ни писем от него, ни вестей...

Карабаш со злостью посмотрел на Койлу. Ну вот, опять этот Койла в стороне! Мать, словно прочитав его мысли, строго крикнула младшему сыну:

— Слезай с забора, тощий чертенок! Тут без тебя телят сосчитали. Ступай, погляди, где наши овцы!

Но Койла, услышав окрик матери, пересел на одну жердину выше и теперь принялся тыкать пальцем в сторону косогора, где паслись несколько их овец.

— Черная овца — там, пестрая овца — там, хромой ягненок — тоже, — приговаривал он. И вдруг завопил не своим голосом:

— Ма-а-ам! А Бардимьи с ягнятками не-ету!..

Мать, кормившая из ведра теленка, кинулась к забору.

— Ах ты, скелет этакий! Как это нету!? А вы куда смотрели, разгильдяи?

Койла кубарем скатился с забора и кинулся искать пропавшую матку. А Карабаш, подхватив ведра, уносил ноги от греха подальше.

На ферме, как всегда, было многолюдно и шумно: опять горел костер, возле которого сидел колхозный пастух, с гудением работал сепаратор, крутились собаки и дети и лилась песня девушек:

Птичка-невеличка, ласточка моя,
Улетела в дальние, жаркие края.
Мой дружок-миленок, голубь мой!
Жду тебя с победой поскорей домой...

Около костра, небрежно развалившись, полулежал сверстник Карабаша — Пейтке. На нем была новая, почти до пят, серая солдатская шинель и старая буденовка. Пейтке дожидаясь своей очереди на сепаратор. Его отец, Адыбай, не так давно вернувшийся с фронта инвалидом, на днях ездил в город и привез сыну этот подарок, выменяв его на толкучку на картошку. Вся деревня сбегалась посмотреть на новое одеяние Пейтке.

Вот и сейчас бабы, окружив Пейтке, ощупывали шинель со всех сторон, охали, вздыхали, горячо обсуждая покупку.

— Этот Адыбай просто молодец! Не гляди, что инвалид. Легко на подъем! Надумал съездить в город — съездит, решил купить шинель — купит...

— Хорошо говорить! — сокрушалась какая-то бабенка. — У него льготы! А тут день-деньской на работе. Головы поднят некогда!

— А шинель тебе не велика, Пейтке?

— В самый раз!.. — лениво цедит Пейтке, небрежно сплевывая в костер.

Другие трогают его шишковатую шапку. Чуть не тыкаясь носом, будто обнюхивая, разглядывают звездочку на ней.

— Ба, ба! Смотрите, люди, какая шапка у сына Адыбая!

— Буденовка, — нехотя поясняет Пейтке, едва достаивая их взглядом.

— Ай-яй! Какая большая звезда на лбу! Прямо огнем горит!

— Так полож-жено! — отвечает Пейтке.

Карабаш сидит в сторонке и тайком поглядывает на Пейтке. Глаз не может оторвать! Ой, какой счастливый сын Адыбая! И отец его вернулся живым с войны, и ни у кого в деревне нет такой буденовки. Если бы у Карабаша была такая шапка, никого бы не боялся! И еще сабля...

Но Пейтке знаменит не только этой обновой. Пейтке — счастливый обладатель священного зуба. Старики в деревне говорят, что такие зубы появляются только у тех, кому на роду написано быть самым мудрым человеком на свете. Ко-

нечно, к старости. Кроме того, такой человек обладает сверхъестественной силой. Стоит ему плюнуть на кого-то и сказать: «Умри!» — и тот несчастный обречен. Не жить ему на белом свете. зуб этот у Пейтке вышел почти из самого неба. Вся деревня, удивляясь, заглядывала к Пейтке в рот, щупали его пальцем. Напуганные стариками бабы предостерегали Пейтке:

— Балам,¹ Пейтке. Балам! Ты уж свою слюну как-нибудь придерживай. Не очень-то цыкай. Принесешь всем несчастье. Слышал, что старики говорят?

Пейтке как огня боялись не только малыши, но и старшие. И Карабаша мать не раз предупреждала, чтобы он не смел связываться с Пейтке. «Попробуй свяжись, — думал про себя и Карабаш. — Возьмет и цвирикнет на тебя этот Пейтке: «Умри, несчастный!» И умрешь. Очень даже просто». А Пейтке ходил по деревне гоголем.

Вот и сейчас Пейтке лежит и поплевывает в костер, попадая иногда в казанок с водой, и никто не осмеливается сделать ему замечание. Даже старик пастух. Он щепочкой вылавливает слюну Пейтке из казанка и скидывает ее в огонь. Все-таки бабы забеспокоились, и одна, тихонько погладив его по голове, заметила:

— Пейтке, балам, не плюй. Не надо. Еще попадешь на шинель. Что тогда с ней будет?

Пейтке погладел на женщину удивленно, но плевать все же перестал.

Доярки, окончив работу на ферме, подошли к костру, и одна, самая молоденькая, смеясь, полюбопытствовала:

— А правду говорят, что у сына Адыбая на небе зуб вырос?

Старухи на нее зашумели, зацыкали. А Пейтке лениво спросил:

— Хочешь посмотреть?

И широко-широко раскрыл рот. Все столпились около него, с шумом повставали с мест, чтобы заглянуть в рот сына Адыбая. Но уже было так темно, что никто ничего не видел. Тогда кто-то взял головешку из костра и стал светить. Но тут Пейтке устал держать рот открытым и попросил «публику» немного подождать.

Он прилег на траву, полежал, потер щеки. Потом повернулся на спину и, чтобы удобнее было разглядывать его священный зуб, подложил под шею небольшую чурку. Голова его запрокинулась, и он открыл рот. К нему поближе

¹ Балам — дитя, детка.

поднесли пылающую головешку, и та же девушка, едва сдерживая смех, тонко закричала:

— Ой, бой-бой! И точно. Такой зуб у него есть!

Старухи испуганно замахали на нее:

— Уйди, уйди... — и стали увещевать Пейтку: — Балам, не плюй, пожалуйста, на наш скот...

— Не сердись по пустякам, балам. Слышишь, что старые говорят?

— Возьми-ка вот свой обрат без очереди...

Пейтку поднялся, кто-то сбегал за его ведром, и он медленно и важно двинулся к деревне. А старухи о чем-то зашептались между собой, качали головами и стали бормотать заклинания горным духам...

К вечеру резко холодает. Кажется, вместе с туманом голзет с гор и этот знобкий холодок. У Карабаша уже пошла «гусиная кожа», заоченели ноги, а очередь его все не подходит. Их собака, Батыр, увязалась с ним на ферму. Карабаш засовывает ступни в ее теплую шерсть. Батыр повизгивает, скулит, лижет ноги — волнуется, ждет обрата. Ему нестерпимо. Так хочется полакомиться молоком!

Девчата, раскручивая ручку сепаратора, тихонько поют:

На лужку растет береза,
Погрустнела милая...
На глазах девичьих слезы:
Не дождется милого...

Ноги Карабаша согреваются на спине Батыра, и он уже клюет носом. Нечаянно он толкает ведро, и оно с грохотом и звоном катится по земле. Батыр испуганно вскакивает и заливается лаем. Одна из женщин кричит Карабашу:

— Заснул, что ли? Не пугай добрых людей. Держи свои ведра крепче!

Все вокруг смеются.

Подходит и его очередь. Женщина-контролер, смеясь над его неловкостью, наполняет ведро.

Он тут же сплескивает немного молока на землю, и Батыр жадно лакает его.

Карабаш медленно бредет по тропинке. Холодная вечерняя роса мочит босые ступни. Влага размягчает царяпины и болячки на пальцах, и они нестерпимо болят. Карабаш морщится. Остановится, прижмет ступню к теплой икре другой ноги, прогреет и идет дальше. До аила еще далеко. Чтобы убить время, Карабаш пускается в мечтания: «Эх, было бы мне шестнадцать! Попросился бы на фронт добровольцем. Получил бы шинель, такую же, как на Пейтке. Буденовку...

Или их теперь не дают? Ну, каску, или пилотку! Нашел бы там отца. И дрались бы вместе против фашистов! Стал бы настоящим героем. Дошли бы до Берлина, а потом — домой... Мать с Койлой бы нас встречали... И плевать я хотел бы тогда на этого Пейтке! Героев проклятия не берут. И «город» наш из глины никто не посмел бы тронуть! Эти, Бандюш с Барамашем, близко бы не подошли!..»

Молоко надо отнести в загон, к телятам. Приближаясь к нему, Карабаш уже не видит матери. Она всю свою работу сделала. На кольях изгороди развешаны пустые ведра. Сохнут на ветру. Койлы тоже не видно. Наверное, уже дома. Спит на крыше. Под стрехами зимника попискивают ласточки. Вот у кого вольготная жизнь! Им там, в их гнездах, тепло и уютно. Вот они и расшумелись от удовольствия...

Воротца телятника распахнуты, и Карабашу все хорошо видно. Мать устало сидит у камелька и, пригорюнившись, думает какую-то свою думу. Она настолько ушла в себя, что даже не слышит, как он входит в телятник, и только звук ведер, поставленных на пол, точно встряхивает ее ото сна. Она испуганно вскидывается:

— Кто там? Почему так долго?

— Очередь большая, — тихо, словно жалуясь, отвечает Карабаш.

Мать пристально смотрит на Карабаша и вдруг притягивает его к своей мягкой теплой груди, гладит по волосам, целует в макушку.

— Устал, балам... Трудно. Ох, как трудно! Знаю, сынок. Хочется поиграть, а тут работы — вон сколько... Война! Что тут поделаешь? Был бы отец... А работать надо. Без работы нельзя, сынок, человек через труд получает уважение и достаток. Если не вы, кто мне поможет?.. Иди домой спать. Койла, наверное, давно спит. А овечек найдете завтра...

Утром их будят петухи. Это молодые петушки, вылупившиеся из яиц по весне и только-только подросшие. И, как все молодые, которым некуда девать свою силу, ужасные горлопаны!

В такую минуту Койла и Карабаш не раз клялись их перебить до одного, но, впрочем, это были всего лишь угрозы. Никто их убивать не собирался.

Койла и Карабаш проснулись по первому их крику, но вставать из-под теплых овчин не хотелось. С крыши хорошо видны освеженные прохладным утренним воздухом бело-синие горы, молчаливая тайга, сочно-зеленые высокогорные луга. Мрачные серые скалы словно помолодели в ласковых

утренних лучах и не кажутся сейчас такими мрачными и неприступными, как обычно. А в распадах молчаливо темнеют перелески, туда еще не добралось солнце. Снежные пики сверкают, как чистое стекло. При одном взгляде на них становится так зябко, что передергивает плечи.

С шумным вздохом встают коровы с земли, спрятавшиеся с вечера за стенами домов и в густых зарослях бурьяна возле изгородей. Подергивая атласной кожей, они бредут в луга полакомиться росной травой, пока их хозяйки еще спят.

Взрослые парни и мужики, мокрые по пояс от росы, ловят спутанных лошадей.

А утро разгорается. Заскрипели двери аилов; зевая и кланяясь солнцу, появились хозяйки. С подойниками идут к своим коровам. Вот уже слышатся их грозные окрики на буренок, звонкими струйками бьет в оцинкованные ведра молоко.

Мать, подоив корову, шумит:

— Сколько можно дрыхнуть, чертенята вы этикие! Забрались на седьмое небо. Гоните корову в стадо!

Хлопает дверь айла, мать ушла готовить завтрак. Койла толкает в бок Карабаша.

— Если хочешь сходить сегодня на рыбалку, гони корову!

— А ты от этого рассыплешься, что ли?

— Ты собирался на рыбалку, не я! Гони. А то скажу матери, что ты надумал.

Делать нечего, зевая, ежась от утреннего холода, Карабаш спускается с крыши. О том, что он сегодня пойдет с ребятами на рыбалку, а Койла попасет без него телят и свиней, договорено с вечера. Но от Койлы можно ожидать все, что угодно! Карабаш отведет к пастуху корову, а Койла пожалуется матери, и тогда не видать Карабашу рыбалки, как своих ушей! Ладно, пусть только попробует...

Койле тоже хочется на рыбалку, но обоим отлучаться нельзя, это ясно. Кроме того, ловить хариуса под камнями — большое искусство! Пока Карабаш и Койла не научились этому, надо пристраиваться к ребятам.

Корову Карабаш подогнал к самой хибарке пастуха. Неподалеку мальчишки пробовали запустить бумажного змея. Карабаш постоял, с интересом наблюдая, но, вспомнив о рыбалке, побежал домой.

Мать уже приготовила завтрак и торопилась на работу. Койла все еще не сполз с крыши. Мать, высунувшись в дверь, закричала:

— Еда остывает, князья! Вся деревня встала, а мои сыновья еще нежаты в постели. Нет, поглядите, люди! В моем доме живут два зайсана, как вам это нравится? Они ждут, когда мое терпение кончится. Ну, погодите!..

Койла тут же подскочил, запричитал, захныкал. Голова матери исчезла за дверью. Койла перестал скулить и теперь потягивался, зевал, точно ленивый кот. Потом, кряхтя, начал спускаться с крыши.

Мать опять выглянула из двери и, наблюдая за ним, все больше раздражалась:

— Порядочные дети спят в доме, а мои сыновья приладились, как гуляющие коты, спать на улице. На что это похоже? Ей-ей, это не к добру, люди! Да слезешь ты, наконец, или нет?! — пришла она в ярость.

Койла, как мячик, метнулся за аил. Мать стала озираться.

— А где же Карабаш?

— Погнал корову, — откликнулся Койла.

— Так, — мать уперла руки в бока. — Жди его теперь к обеду, не иначе! Полдня будет гнать корову, а еще полдня — искать скотину в лугах. Кто-то его будет дожидаться! Умывайся и садись есть. Мне тут ляды точить с вами некогда...

Когда Карабаш вошел в аил, мать и Койла сидели у очага и ели печеную в горячей золе картошку, запивая ее прохладным чегенем¹. Койла, у которого еще блуждал на лице сон, жевал вяло, без аппетита и порой тыкал ложкой мимо миски с чегенем. Надкусив новую картофелину, он вдруг подпрыгнул, выпучил глаза и, задрав лицо к дымоходу, затыкал, как их пес Батыр:

— Ауф-аф, аф-у-у-аф!..

И вслед за тем раздался звонкий звук затрешины, которой наградила его мать.

— О, небо! — воскликнула она в отчаянии. — Опять этот шайтан подавился! Даже за едой спит. Где ему углядеть за поросятами, когда он не может отличить горячую картошку от остывшей. Нет, хвачу я с вами лиха! И что за народ? Какой из тебя человек получится?

Койла поспешно хлебнул чегеня, остужая рот, и покосился на мать. На глаза его навернулись слезы. Карабаш так и прыснул.

Мать поднялась, сняла передник.

— Ну, я пошла. Если свиньи опять уйдут на Тырышпа-

¹ Чегень — кислое молоко.

ковскую картошку, берегитесь! — пригрозила она и сокрушенно добавила: — Под суд за вас, шайтанов, пойдешь...

Койла собрался было что-то прогундеть, но его опередил Карабаш, подумав, что тот в отместку захотел его выдать.

— Можно мне на рыбалку сходить? — спросил он мать. — Я быстро.

— Это с кем еще? — строго спросила мать.

— С сыном деда Саламчи.

— Са-аламчи? И не думай даже. Такого лентяя свет не видел. Ума от него много не наберешься, а разгильдяйства в тебе и так хоть отбавляй.

— А с Барамашем? — теряя надежду, переспросил Карабаш.

— Об этом хулигане и слышать не хочу! — отрезала мать. — Кончайте завтракать — и на выгон. Свинья, поди, с голода своих поросят пожрала. Я кому говорю! — прикрикнула она.

Койла с Карабашем дожевали картошку, схватили по кнуту и побежали на ферму...

По дороге им попался Степка. Он был горожанин. Приехал погостить к своей бабке Содоней, которая жила по соседству.

Степку они давно уже не видели, поэтому остановились получше его разглядеть. На Степке была белая рубашка, короткие светлые штанишки и красные ботинки.

Увидев их, Степка тоже остановился. На тощих телах братьев висели только кожаные чиненные штаны. Оба загорели до черноты, ноги были усыпаны цыпками, а по подошвам шли черные корочки грязи, точно ранты на ботинках.

Степка ходил на ферму, наверно, бабка посылала сдавать молоко. Он поставил ведро на землю, зачем-то снял тубетейку и положил ее рядом с ведром.

Карабаш вызывающе свистнул, а потом яростно щелкнул кнутом. А Койла разбежался и кувыркнулся через голову. Карабаш, ничего не говоря, еще дважды выстрелил кнутом, потом упер руки в бока и постоял, выстукивая ногой о землю, точно чего-то выжидая. Койла снова перекувыркнулся.

Степка смотрел на них, разинув рот, и ничего не предпринимал. Койле надоело кувыркаться, и он посмотрел на брата.

Карабаш подошел к ведру, зачем-то покрутил пальцем обрат, сплюнул, и они отправились с Койлой своей дорогой.

— Тоже мне, городской, — протянул Койла.

Но Карабаш промолчал.

Когда они пришли на ферму, мать уже выпустила свиней

из сарая. Мальчишки открыли воротца загона телят. Собрав в кучу свиней и телят, погнали за речку на луга.

Там они уселись на пригорке и задумались. Койла с хитрецей покосился на брата.

— Давай стреножим свинью?

— А зачем? — удивился Карабаш.

— Чтобы на огороды не ушла.

— А как мы ее поймаем?

— Проще простого, — присвистнул Койла. — Загоним в прошлогоднюю силосную яму. Куда она денется?

Карабаш согласился.

Гикая, щелкая бичами и не давая визжащей свинье повернуться, погнали ее к яме. Свинья сразу почувствовала что-то неладное и кидалась на них, как ошалелая. Вдруг она остановилась, и Карабаш с Койлой пролетели мимо нее. Развернувшись, свинья с визгом устремила к деревне, а братья помчались следом.

Их крики и визг свиньи переполошили всю деревню. Старики и бабы высыпали из аилов, пораскрылись оконца с испуганными в них лицами.

Бабка Кабайчи, разглядев в чем дело, отчаянно заорала:

— Опять эти фулиганы! А эта нечистая скотина орет, как шайтан! Уши мои не могут этого слышать!.. Тьфу!

Заметив общее к себе внимание, Карабаш и Койла старались во всю. Они метались из стороны в сторону, гоня беднягу по всей деревне, разъярили собак и подняли такой шум, какого деревня уже давно не слышала...

Обезумевшая свинья кидалась из конца в конец, врывалась во дворы, валила изгороди, с грохотом опрокидывала железные таганки и чаны, и, наконец, со страху юркнула под колхозный амбар, забившись своим огромным телом в щель, в которую не всякая бы собака пролезла. Старый амбаришко затрещал по швам, заскрипел и чудом, казалось, удержался на месте.

К амбару бежалась вся деревня, точно на собрание. Все кричали, размахивали руками, кляли на чем свет стоит Карабаша и Койлу, а бездельник Каракай, увиливающий от всякой работы в колхозе, подливал масла в огонь:

— Из-эх! — кричал он. — Вzbесилось нечистое отродье. Дедушка Салаты! Где твое ружье, которое ты выменял на годовалого бычка? Давай-ка его сюда. Шлепнем этого кабана, накормим старичков и бабушек жирным салом! Ох-ха-ха!..

Старики и бабки плевались, шикали на него, махали палками, а Каракай хохотал и, запрокинув голову, притоптывал на месте в какой-то дикой пляске.

Каракай смеялся не просто так. С этой свиньей было дело. Когда Тырышпаков вернулся с фронта раненый — его комиссия забраковала начисто, — избрали его председателем. В скором времени он собрал колхозное собрание. Пришли одни старики и бабы. Тырышпаков оглядел их всех, прокашлялся и сказал:

— Вот что, товарищи. Деревня наша вовсе обнищала, а мясопоставок от нас требуют. Война! Солдату нужно мясные щи есть. Какая война без мяса? Сами понимаете... А у нас в каждом дворе по полторы овечки. Будем разводить свиней. Какие будут мнения?

Никто не проронил ни звука. Старики и бабки усердно пыхтели трубками и упрямо смотрели в сторону. Потом раздался робкий голос:

— А как ее пасти, эту свинью? Не корова же, не овца, не лошадь!

И тут все разом заохали, зашумели:

— Наши предки этого дела не знали!

— И зачем нужна шайтанская скотина?

— Председателю-то ничего: он в русской деревне вырос!

— Наши отцы не выращивали такую пакость, и мы не хотим!

Тырышпаков шлепнул ладонью по столу.

— И все-таки попробуем! Я же вас не заставляю свинину есть. В госпитали, фронту мясо нужно.

Собрание примолкло. Доводы председателя были убедительны. Старики и бабы зачесали в затылках, а председатель все наступал:

— Купим в соседней деревне одну свиноматку. Пусть попасется, поживет, посмотрим, что из этого получится... А приглядывать за ней поручим телятнице Арине с ее мальцами...

Не знал тогда Тырышпаков, что эта свинья будет есть его картошку.

Потом о свинье как-то забыли. Но сейчас она о себе напомнила...

Не дожидаясь, пока явится на это светопреставление сам Тырышпаков, Койла и Карабаш с помощью Каракай вытащили за задние ноги свинью из-под амбара и под неодобрительный шум толпы погнали ее обратно на лужайку. Бедное животное, устав от визга и погони, хрипло похрюкивало и, пробежав два-три шага, понуро поплелось под слабые попукания тоже умаявшихся мучителей.

Братья, наконец, присели отдышаться, и Карабаш сказал:

— Ну вот, теперь в огород она не полезет. Нагнали на нее страху! Тебе особенной работы не будет. Больше за теля-

тами приглядывай. А я пойду за хариусами. Все, что принесу — пополам! Договорились? Смотри, не ябедничай. Я тебе завтра такой лук сделаю — все ребята будут завидовать. И отпущу поохотиться...

Койла уныло кивнул головой. Ему не очень-то улыбалось сидеть здесь одному. Но он только вздохнул. Дал слово — держи! Но не удержался, прогундосил все-таки:

— Да-а, я только — сиди и сиди! Весело, думаешь?

Карабаш, не теряя времени, побежал в деревню к аилу деда Саламчи. Его младший сын, Анчи, был одним из лучших рыболовов в деревне. Правда, лентяй, каких свет не видывал! Он любил брать с собой мальчишек на рыбалку, чтобы те таскали за ним мешок для рыбы. На это Карабаш и рассчитывал...

По дороге он заглянул в Красный яр. Глиняный «город» был цел и невредим. Возле него сидела соседская девочка Тана на корточках и с восторгом разглядывала сооружение. Черные ее глазенки так и блестели. Карабаш не удержался — начал рассказывать, для чего построен дом или мост, куда ведут улицы. Жаль, с собой у него не было спичек, и он не смог показать, как действует завод. Но зато он пообещал ей слепить барана, петуха и коня и тут же принялся за дело. Когда у него не получалась какая-нибудь часть, он безжалебно отрывал ее от куска глины и бросал в речку. Тана, которая радовалась каждой знакомой черточке, извилине, вдруг заплакала, когда Карабаш выбросил не получившуюся голову барана. Сначала он не понял:

— Ты чего плачешь?

— Жалко. Зачем бросил? — сказала Тана.

Карабаш рассмеялся и вылепил целехонькую, почти как живую, свинью. Тана восторженно приняла подарок. А Карабаш, довольный собой как никогда, поскакал на одной ноге к деревне.

У деда Саламчи, кажется, гнали араку. Еще издали было видно, как валит из дымохода густой дым. Войдя, Карабаш понял, что не ошибся.

На тагане кипел большой пузатый казан, накрытый специальной крышкой, от которой тянулись две трубки к кувшинам, стоявшим в корыте с холодной водой.

Дед Саламчи был не один — у него гостил деревенский ворожей Улачи, брат бабки Кабайчи. Они полулежали на старой кошке у очага и с наслаждением посасывали трубки, ожидая, когда сварится арака.

Жена деда Саламчи, злясь на стариков, отводила душу на сыне, похрапывающем в углу на сундуке.

— Дрыхнет и дрыхнет этот негодник... И что мне за сына бог послал! Не успеешь отвернуться, обязательно чего-нибудь стащит. Вчера почесила сырчик над костром, зашла в аил — а сырчик уже весь в золе! У-у, ненасытная утроба! По-человечески и еду взять не может. Уронил сырчик в костер. Да стоит только на его рожу посмотреть, сразу станет ясно, что это бесстыдный воришка!.. А глаза! Глаза-то какие... Ну, право, как у кота! Ох, люди! И что за жизнь мне такая выдалась!..

Оба старика прекрасно знали, к кому направлена речь старухи, но, хитренько улыбаясь, помалкивали и не откликнулись на ее вызов. Тогда жена Саламчи решила другим подковырнуть своего мужа. Проходя мимо сундука, она дернула сына за волосы и закричала:

— Люди! Люди! А он и не спит вовсе. Притворяется только! У-у, глазащи вытаращил! Пялит. Точь-в-точь, как у Саламчи!..

Дед Саламчи плюнул в огонь и скрипуче отозвался.

— Оставь в покое людей, старуха! Не морочь голову. Ну какие же у него должны быть глаза? Конечно, как у Саламчи! Не как у деда Токмая, а?..

— Хи-хи-хи, — затрясся в мелком смешке Улачи, покачивая головой и поблескивая плутоватыми глазками.

Анчи тоже захихикал, скатился с сундука и спрятался в самый угол. Видно было по всему, он не собирался на рыбалку. Очевидно, он ждал, когда сварится аарчи,¹ с которыми мать возилась во дворе.

Пока кувшины наполнялись аракой, дед Саламчи попросил ворожея погадать ему на бобах о старшем сыне. Он у них учился в городе, в школе-интернате.

Улачи распахнул свою драную шубенку, которую не снимал, даже садясь к огню, вытащил из-за пазухи мешочек с бобами и рассыпал их возле себя на кошке. Карабаш потихонечку примостился с краю посмотреть гадание Улачи.

Разложив зернышки бобов попарно, Улачи долго их разглядывал, шептал что-то про себя, иногда глубоко задумываясь, потом, указав крючковатым пальцем с черным отросшим ногтем на первую пару, заявил:

— Эта пара бобов согласилась идти туда, — и он двинул их пальцами почти к самому очагу. — Выходит, вашему сыну выпадает дорога. — Подумав еще немного, он подкатил одно зерно к себе и добавил: — Вот оно говорит, что будет очень длинная дорога...

¹ Аарчи — национальное блюдо из кислого молока.

— Тэ-ак, — задумчиво произнес дед Саламчи, вынув трубку изо рта и пыхнув густым клубом дыма. Задрав свою тощую, как у колхозного козла Маная, бородавку, он посидел недолго в этой позе, а потом обратился к Улачи.

— Тэ-ак, — повторил он. — И куда же это он отправится? Куда ведет эта дорога? Я бы не сказал, что до дома она длинная.

— Пф, пф, пф, — Улачи попфукал губами и укоризненно покачал головой. — Кто сказал, что эта дорога до дома? Я говорил? — он вопрошающе посмотрел на Карабаша. Карабаш поежился, неуверенно мотнул головой. Что отвечать? Да и разве он может вмешиваться в разговор старших? Улачи смиренно опустил голову и, не дожидаясь ответа от Карабаша, спокойно возвестил. — Эта дорога в казенный дом. А в казенном доме нехороший разговор будет...

— Тэк, — пыхнул трубкой дед Саламчи. — Что за разговор у него, ума не приложу! Тэк... или его посылают на работу в другой аймак¹, или отправляют в другой город? Одно из двух. Так я понимаю.

— Ай-яй-яй! Вот беда. Нехороший разговор выходит. Так я и знала! С этими детьми Саламчи другого быть не может, — вступила в беседу жена Саламчи. Она налила в деревянную чашку араки и поставила ее с поклоном перед ворожеем.

— Да не лезь ты, куда тебя не просят! — разозлился дед Саламчи.

Дед Саламчи задрал бороду к дымоходу и то закрывал, то открывал глаза, как бы показывая этим напряжение своей мысли.

— Э-э, что тут думать! Характера своего сына не знаешь, что ли? — старуха махнула рукой. — Все ясно. Посылают в дальний аймак, а он отказывается!..

— Не мешай, говорят! — цыкнул дед Саламчи.

Карабаш покосился в угол, где Анчи уплетал за обе щеки сырчик, и подмигнул ему, кивнув головой на выход. Анчи с достоинством поднялся и вышел. Карабаш попрощался со взрослыми, которые не обратили на него внимания, занятые своим спором, и выскочил следом. Анчи ждал его на улице. Карабаш стал упрасивать.

— Анчи, пойдем на рыбалку. Вчера Барамаш принес целую торбу хариусов. Таких жи-ирных! Пойдем, а?

— А мне неохота. Спать хочется, — Анчи демонстративно зевнул. — Да и отец не отпустит.

¹ Аймак — район.

— Ты хоть до обеда отпросись, — умолял Карабаш.

— Нет. Не отпустит, — подумав, сказал Анчи. — У меня вчера теленок корову высосал. Отец меня так ремнем вытянул — ой-ёй-ёй! И пригрозил: никуда не пущу!

— Может, кто из ребят пойдет? Не знаешь? — спросил Карабаш, теряя всякую надежду.

— Хы! Каракай пошел, — оглядывая свои жирные от сырчика руки, усмехнулся Анчи. Он знал, что Карабаш не умеет ловить хариусов, а Каракай, как и сам Анчи, не любил таскать торбу и с готовностью брал с собой мальчишек-подносчиков. Только рыбы им от него доставалось маловато.

Карабаш тоже это знал, но другого выхода не было.

— Когда пошел, не знаешь? — спросил он у Анчи.

— Недавно, — ответил Анчи. — Кого-то из мальцов звал, сам слышал. Он, наверное, недалеко ушел, ты его догонишь. Иди вниз по течению. Он еще, верно, до пасеки кержака¹ Шевелева не дошел. Только с ним наперед надо договариваться, а то объегорит, — захихикал Анчи.

Не сказав ни слова, Карабаш перескочил через изгородь и побежал к речке догонять Каракай.

Деревня скоро осталась далеко позади. Карабаш углубился в лес. Он бежал по тропинке у обрыва, а внизу шумела на камнях река. Дорожка то ныряла вниз, в овраги, то снова поднималась вверх. Пахло черемухой. Ее много в этих местах. Весной здесь все облито белым черемуховым цветом, а от запаха ее воздух становится таким терпким, что кружится голова. Среди больших валунов тут и там растет низкорослый крыжовник, кусты его тянутся на целый километр.

Карабаш уже устал бежать, а Каракай не видно. Карабаш остановился, прижал ладони ко рту:

— Карака-а-ай! Карака-а-ай!

Его крик, многократно усиливаясь, покатился по ущелью и, словно стукнувшись о крутые скалы, отскочил и упал в реку. Шум воды заглушил эхо. Ничего не слышно.

Карабаш стукнулся ногой о камень и присел от боли. Палец он разбил до крови. От досады Карабаш даже заплакал.

Сорвав подорожник, он послюнявил его и обернул им палец. Боль немного утихла. Подвязав лист сухой травинкой, Карабаш поплелся дальше.

Тропинка свернула к реке, и тут Карабаш увидел Каракай.

Тот сидел верхом на замшелом валуне, опустив в воду

¹ Кержак — переселенец из России, старообрядец.

ноги, и ловил под ним хариуса. Рыба забилась под самый камень. Каракай словно бы смотрел прямо на Крабаша, но его не видел. Лицо его выражало полную сосредоточенность и отрешенность, рот был приоткрыт, язык его дрожал, извивался и двигался по всей окружности рта. Глядя на кончик языка Каракая, можно было определить, с какой стороны валуна прячется хариус.

Крабаш тут же скинул свои кожаные штаны и полез в воду помогать Каракаю. Он встал сбоку и загородил руками выход из-под валуна.

Каракай скосил на него глаза и зашипел:

— Тихо! Тихо ты! Не баламуть! Я сам. Слышишь?

Крабаш осторожно отодвинулся и присел на камень. Он глаз не спускал с Каракая. Каракай — опытный рыбак. Пожалуй, никто в деревне не умел так ловко ловить хариусов, как Каракай, даже Барамаш мог у него поучиться!..

Кончик языка Каракая метался из стороны в сторону с такой быстротой, что непосвященный человек мог подумать, что Каракай дразнится. Но Крабаш знал, что это не так. У каждого есть свои привычки, у Каракая — тоже. И Крабаш понимал по языку Каракая, что рыба мечется в своей западне. Сейчас Крабаш боялся больше всего, чтобы язык Каракая спрятался. Это означало бы, что рыба ушла...

Каракай почти лег животом на валун. Глаза его, круглые как у совы, уставились прямо в воду. Кончик языка извивался, как сумасшедший. Руки упирались в воду почти по плечи. Видно, хариус забился глубоко под камень.

Язык Каракая вдруг исчез. Крабаш даже привстал в волнении: ушла рыба! Но Каракай радостно крикнул, и язык его опять вывалился наружу. Крабаш облегченно вздохнул и снова уселся на камень.

Каракай, видно, загнал хариуса в самый угол. Он шурудил под водой руками и приговаривал:

— Ну, родненький! Ну, дай! Дай же свою жабру...

Тут лицо его приняло страшное выражение — язык вынулся лопатой, глаза ошалело витарищались, Каракай почти с головой ушел в воду, потом с бульканьем и вскриком «ы-ых!» выдернул рыбину из воды и бросил ее через себя на берег.

Блеснув серебром на солнце, извиваясь, хариус высоко пролетел в воздухе и шлепнулся на землю в кустах крыжовника.

Каракай, привстав было, присел обратно на валун и заскреб мокрыми руками по голому животу.

— Ох-хо-хо!.. — самодовольно захохотал он.

Карабаш, подражая ему, задрал голову и тоже захохотал. Надо было показать, что ты тоже разделяешь радость рыбака, а то он еще обидится и не возьмет в напарники. Каракай кивнул ему.

— Видал? Со мной не пропадешь! Верно? Ты что, рыбачить пришел? Тогда бери торбу. Будешь ходить по берегу, а я здесь. Понял? Пока полную не набьем, никуда ни шагу!

Карабаш поначалу даже оторопел. Лазить по берегу среди острых камней и колючек, где на каждом шагу можно напороться на гадюку, было невесело. И обычно носильщику отваливали третью часть, всего лишь. А главное — ты не видишь самого интересного — ловли рыбы!

Карабаш чуть не со слезами посмотрел на Каракаю. Но тот перебил его:

— Ты думай, думай! А то мне некогда. Не хочешь — твое дело!

Спорить было не о чем. Карабаш молча выбрался из воды, поднял торбу и пошел искать среди камней и кустов брошенного хариуса. Потом он двинулся по тропе, а Каракай с хохотом и визгом выбрасывал ему на берег серебристых рыбок. Карабаш, обдирая руки и колени, отыскивал их и складывал в мешок.

Солнце поднялось над самой головой. Стало жарко, и здесь среди голого камня и низкорослого кустарника совсем нечем было дышать. Тело жжало на плечах с каждым часом. От зноя умолкли птицы, попрятавшись в густой листве в глубине леса. Пряно пахла черная смородина в россыпях ягод. Но Карабашу было не до них. Пот застилал глаза, от жары голова совсем разболелась, тянуло прилечь где-нибудь в тени, но он не решался на это. Нельзя было показывать свою слабость перед Каракаем. А то прогонит еще!

Карабаш едва тащил мешок по тропе, и продираться с ним по кустам становилось уже не под силу. Но Каракай, видно, и не думал кончать. Ему все было мало. Сдувая с лица налипшую паутину, Карабаш шел следом за ним по берегу, проклиная жадного мальчишку. Ему там хорошо в прохладной воде! А каково Карабашу?..

Каракай опять прилип к какому-то валуну, высунув кончик языка, шарит под ним. Загнал туда хариуса!

Карабаш устало присел на камень, с ненавистью посмотрев на Каракаю. Испугался, что Карабаш тоже научится ловить хариусов, вот и не взял! Но Карабаш теперь разглядел, как он это делает. И обязательно сам попробует. Мешок почти полон, и ему жаль все это оставить. Столько таскал его

по жаре! Ладно, пусть сегодня будет так, как захотел Каракай. А там мы еще посмотрим!..

Каракай, выпучив глаза, распластался на валуне. Сейчас выловит еще одного хариуса...

Карабаш устало склонил голову, потянуло в дрему. И вдруг, как ужаленный, подскочил на месте.

— Каракай! Каракай, гадюка!..

Рядом с камнем, на котором сидел Карабаш, лежала, свернувшись в клубок, темноспинная гадюка. И как это она не учуяла Карабаша, один бог знает!

Карабаш схватил здоровенный кругляш и со всей силой ударил по маленькой злобной головке, которая уже нервно зашевелилась, пугая тонким раздвоенным язычком.

Гадюка подлетела от удара и потом судорожно забилась на земле всем гибким длинным телом. Карабаш добил ее большим камнем. От страха, что могло бы быть, если бы гадюка кинулась на него, у Карабаша пробежали мурашки по спине. Гадюка, наверное, спустилась с гор к реке, ища прохлады. Камень в горах сегодня раскалился так, что его даже не выдерживают змеи. Э-э, Карабашу надо быть более осторожным! Их тут теперь, наверное, много в кустах!

Каракай что-то кричит ему с реки. В руках у него сверкает на солнце еще один хариус.

Карабаш не сразу разбирает, чего тот хочет.

Каракай грозит ему кулаком, и слух возвращается к Карабашу.

— Собирай хворост! Будем рыбу жарить, — кричит Каракай.

Карабаш притащил к берегу хвороста, разжег костер.

Каракай голый стоял в мелкой воде и выжимал мокрые штаны. Потом, накинув их на кусты, чтобы просушились, он лег на горячий песок у костра и стал кататься по нему. Тут только Карабаш увидел, что губы у Каракайа синеватые и трясутся мелкой дрожью. «Ишь ты, замерз», — удивляется Карабаш.

Карабаш поглядывает из-под ладони на речку. Вода с веселым шумом, точно вскипая на камнях, несется вниз, и от одного ее вида у Карабаша распрямляются плечи, голова перестает гудеть, он ощущает прохладу и свежесть.

Старым, обломанным перочинным ножом Каракай зачищает концы веток, ловко вставляет их в пасть рыбе и втыкает в песок палки около огня. Костерок резво трещит, разнося вкусный дымок. Рыба, покрываясь нежной корочкой,

зажаривается быстро. Карабаш следит, чтобы бок ее не подгорел, и поворачивает то одной, то другой стороной. Нет ничего вкуснее на свете поджаренного на костре хариуса!..

Обжигаясь, торопясь и облизывая горячий жир, бегущий по пальцам, они едят свежую вкусную рыбу. Каракай, быстро уничтожив сочное пухлое туловище, грызет и обсасывает головы. Косясь на Карабаша, он ворчит:

— Не оставляй, не оставляй головы! Это самая вкуснота! Не хочешь сам — отдай мне!..

После сытного обеда обоих тянет в сон. Каракай непрерывно зевает, оглаживает вздутый живот, лежа на спине, и, подмигнув, говорит Карабашу:

— Э-э, как скажет дед Саламчи: неплохо отдать должное здоровью. А что такое здоровье? Это — сон... А ты покарауль-ка торбу...

Они перебираются в тень развесистой пахучей черемухи, и не проходит минуты, как раздается мерный храп Каракай. У Карабаша тоже слипаются глаза, но он поднимается и идет проверить торбу, привязанную к колышку в воде, и, убедившись, что там все в порядке и сделано надежно, возвращается обратно.

Спать хочется до смерти, но спать ему не положено. Другие, кто промышляет рыбу, могут унести их торбу, увидав двух сонных тетерь на берегу.

Карабаш с трудом борется со сном и поэтому вскакивает, то и дело бегает смотреть привязанную торбу. Пощупав сонную и лениво колышащуюся рыбу в мешке, он медленно идет обратно, смотрит на дрыхнувшего Каракай и, вздохнув, садится рядом. Все мучения он терпит ради рыбы. Если принесет ее домой, то многие его прегрешения ему простятся.

Время идет быстро. Солнце уже село на макушки высоких берез на другом берегу, и их пятнистая тень пляшет на воде. Река как бы холоднее, а вода ее — сейчас это даже лучше видно — мчится все стремительнее. Хариус теперь уходит выше. Он не любит тени. И его трудно искать под камнями. А надо бы половить еще...

Карабаш толкает Каракай. Но этот боров переваливается на другой бок и снова задает храпака. До чего ж его размоорило от еды! Он и рыбы съел вдвое больше. Ему, рыбаку, так положено, объявил Каракай. Да еще все головы, которые ему отдал Карабаш, сгрыз.

— Каракай, вставай! Каракай, — тормошит его Карабаш.

Тот сначала приоткрывает один глаз и озирает окрестность, второй, потом неожиданно резко садится и кричит на Карабаша:

— И-эх! Ты что, спал, что ли? А мешок не украли? Матерь родная, уже тени на воде! Ты чего меня не будил?

— Тебя попробуй разбуди! — тянет Карабаш.

— Эх, эх! — хлопает себя по голым ляжкам Каракай. — Какая же теперь рыба? Помощник называется! Хариус-то ушел. А надо еще половить. С какими глазами домой придешь?

Теперь они идут по направлению к дому. Каракай наскоро забирается в воду, шарит под камнями, возмущенно плюется и грозит кулаком Карабашу. Но нет-нет да и выхватит хариуса. Улов небогат, но мешок их снова пополняется.

Солнце скрылось за вершины гор; Каракай вылезает из воды и, отряхивая мокрые руки и обтирая их о штаны, решает:

— Ну, хватит. Айда домой! Рыба уже вся ушла, а эти — заблудшие, много не поймаетшь...

Они подбирают на берегу длинную сухую палку, продевают ее в лямки и теперь несут тяжелый мешок вдвоем. Торба раскачивается из стороны в сторону. Только сейчас Карабаш понимает, как далеко они ушли от деревни.

Оглядываясь, он видит позолоченные вершины гор, а путь до околицы еще немалый. Все мысли Карабаша переключаются на телят, которых в его отсутствие пасет Койла. Не разбежались ли? Потом он вспоминает о корове, которую мог высосать телок, и ему совсем становится нехорошо. Но ничего, думает Карабаш, он откупится рыбой. Мать поворчит и успокоится.

Деревня скоро показалась из-за деревьев. Покосившимися оконцами уставилась она на них, прищельцев. Неяркий свет заката уже поблескивал в окнах. В долину легли длинные ровные тени от гор.

Поднявшись на последний бугор перед деревней, Каракай остановился.

— Вот что, — скомандовал он. — Вываливай рыбу на траву. Будем делить!

Но тут кто-то загремел у них над головой, а затем раздался тонкий пронзительный свист бича и хлопок его, как выстрел.

— А ну! Чертенята этакие! Я вас!..

В тот же миг Каракай, взвизгнув, как щенок, кинулся к речке, ворвался в воду и побежал к другому берегу, отчаянно вопя.

Карабаш не успел оглянуться. Опять засвистел бич, и ему остро обожгло спину. Карабаш метнулся за ближайший куст. Осторожно выглянув, он увидел пьяницу-пастуха

Салаты. Тот стоял около мешка с рыбой, икая и покачиваясь, и все нащелкивал своим бичом, а другой рукой потрясал в воздухе:

— До-олго я наблюдал за вами, балбесы вы этикие! Простую рыбу не могут разделить по-человечески! Эх, балбесы вы, балбесы! Нет, чтобы Салаты позвать. Хех-е, он помог бы... А этот дуралей, — это он обратился к убежавшему за речку Каракаю, — дня не проживет, чтобы не обмануть кого-нибудь. Слышь, мелюзга? — крикнул он кусту, за которым сидел Карабаш. — Это я, Салаты, пришел тебе на помощь!

Тут он выпятил грудь колесом, ударил в нее кулаком, но пошатнулся и чуть не сел задом на землю. Икнув, он опустился на колени и быстренько сгреб всю рыбу в свой дражный арчимак¹.

— Это наша рыба! — тоненько пропел из-за куста Карабаш.

Салаты грозно выпрямился.

— Цыц! Кто останавливает старшего среди дела, а? Ну, кто? Я тебя спрашиваю!

Карабаш, затаившись, молчал.

Салаты дождался ответа, покачиваясь, кое-как взобрался на лошадь и уехал...

Когда Карабаш добрался до дома, уже совсем стемнело. Койла давно храпел на крыше. Мать тоже легла. В темноте у дверей айла стояла их корова. Услышав шаги Карабаша, она повернула голову и посмотрела на него своими большими грустными глазами. Замахнувшись на нее, голодный и продрогший Карабаш полез под теплый бок Койлы...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Наступил месяц большой жары — июль. От самых дверей айлов до далеких дремучих лесов на склонах гор поспела кислица, зарозовела малина, сочная и крупная — хоть сейчас неси на базар. Кусты смородины стояли обсыпанные черными ягодами, которые забивали зеленую листву, и, казалось, не ягоды на кустах съедобны, а эти редкие зеленые листья. На лесных полянах, под березами, цветистыми коврами рассыпались заросли костяники. Начался сбор земляники для вкуснейшего на свете варенья...

Деревенская детвора с утра до ночи пропадала в лесу. Но не всем доступно было это раздолье...

¹ Арчимак — кожаная сума.

Подошла пора сенокоса. Мужских рук в колхозе не хватало, и всех мальчишек и девчонок, что достают коню до холки, мобилизовали на подвозку копен.

Мальчишки-копновозы тайком удирали в лес, и колхозный бригадир Байдыл загнал свою лошадь, разыскивая босоногую гвардию в ближайших перелесках. Но как их там обнаружить, когда заросли папоротника поднимаются выше лошадиной головы! Байдыл охрип от крика и ругани, гоняясь за этой шальной сворой. А как ему не бегать? Правление колхоза взвалило на него ответственность за сенокос, да и возраст уже обязывал: этой осенью Байдыл подлежал призыву в армию. Он отпустил молодецкие усы, на игрищах степенно держался возле девушек и все уши им прожужжал о своих предстоящих подвигах...

Завзятые любители ягод по несколько дней не являлись на работу. В деревне они ночевали у своих приятелей, чтобы дома их не застал Байдыл. Но, прожив так дня два-три, под конвоем родителей снова возвращались в бригаду Байдыла. А уж тот расправлялся с ними со всей суровостью! Ставил на самую тяжелую работу и следил в оба...

В это самое время Карабашу и Койле вышло облегчение. Неожиданно из района приехала комиссия принимать у колхоза свинью с подросшими поросятами. Старичок-агроном из комиссии просто изумился.

— Ну и молодцы ваши парни!.. Экую откормили красавицу! Прямо на выставку. Первый сорт! Стоит ваших мальцов отметить грамотой.

Карабаш и Койла ходили именинниками. Каждый считал за долг остановиться и спросить их о том, что сказал председатель комиссии.

— Сказал, что такую свинью еще никогда не видел. Вот теперь ждем с братом похвальную бумагу из города. Говорили, будет написана золотыми буквами... — важничали братья.

Новость эта взбудоражила всю деревню. Старики качали головами.

— Это шайтанская скотина выросла просто на дрожжах! Нет, молодцы ребята! Все село отказалось пасти свинью, а они не побрезговали! Теперь колхозу выгода. Кто мог подумать? Ай-яй-яй.

Бабка Кабайчи обходила их аил стороной, а встречаясь с матерью Карабаша, виновато кланялась. Но мать Карабаша даже не удостоивала ее взглядом.

Бабка Кабайчи жаловалась соседкам:

— Свинья, почитай, на одной моей картошке и выросла! Надо при случае сказать об этом председателю — выходит, я тоже похвальный лист заслужила... Не одни эти огольцы!..

Старухи посмеивались.

— Скажи, скажи председателю... Только эта безрогая скотина и его картошкой вдосталь полакомилась.

У братьев наступила новая полоса жизни. На их попечении остались одни телята, а это уж было совсем другое дело. Едва полдневный зной накалял землю, как те, задржав хвосты, неслись галопом в ближайший кустарник, отмахиваясь от слепней и оводов, и сидели там до вечера, боясь высунуть морды. Раздолье! Можно было сбегать искупаться без всякого опасения, что они куда-то забредут, а то отправить-ся половить хариусов, чем Койла и Карабаш, сказать правду, начали злоупотреблять... Одним словом, братья наслаждались жизнью!..

Однако счастье это длилось недолго. Прошла всего неделя, как свинью со всем ее выводком отправили на мясокомбинат, и Тырышпаков заглянул к ним домой. Испробовав прохладного чегеня, он обтер ладонью усы и поинтересовался:

— Чем думают твои мальцы заниматься?

— Вам виднее, — тихо ответила мать, опуская глаза.

Тырышпаков покашлял в кулак, помолчал, доставая папиросы. Закурив, пустил струю дыма.

— Есть у меня такое рассуждение, — сказал он, цепко оглядывая мальчишек. — Младший пусть ходит за телятами. Это как раз по его силам. А вот старшего возьмем в бригаду. Не хватает у нас копновозов!

— Как скажете, — вздохнула мать и опять опустила глаза.

Уже на другое утро Карабаш, спозаранку разбуженный матерью, наскоро позавтракав, отправился к колхозным амбарам, где его ожидал дед Карабай, приехавший с сенокоса за продуктами. Деда Карабая совсем недавно по старости комиссовали с фронта, где он служил ездовым. Однако послушать его, так он отведал самой настоящей фронтовой жизни. И чего только там не бывало! И наступления, и отступления, и как он фашистов брал в плен, и пробирался в тыл с донесением... Рассказывать о всех своих подвигах он мог часами. Старики и старухи — обычная его аудитория — смотрели ему в рот, пораскрыв свои собственные, но в последнее время и они стали сомневаться в достоверности всего пережитого дедом Карабаем... Вообще-то правильной его следовало бы называть дядькой. Не так уж он стар! Но в алтайской

деревне это не принято, и мальчишки почтительно называли его дедом Карабаем.

По дороге Карабашу встретился Баська-заика. Он тоже брел к амбарам, на ходу потирая заспанное лицо. Оказывается, его также подрядили в копновозы. Старые враги, хмуро оглядев друг друга, разом удрученно вздохнули и направились разыскивать телегу деда Карабая.

Когда они подошли к складу, дед Карабай появился на пороге. Оглядев ребят, он взял руку «под козырек» и гаркнул:

— Известным колхозным свинопасам и прочим — гвардейский привет!..

Погрузив с ребятами на телегу мешки, короб и кадушку с продуктами, дед Карабай лихо взгромоздился на облучок, разобрал вожжи, подмигнул раскрасневшейся кладовщице и загорланил на всю деревню, дергая поводьями и разгоняя свою лошаденку:

И-эх! Едут, едут по Берлину
Наши казаки!..

Карабаш с Баськой устроились сзади. Свесив босые ноги, они уныло смотрели на удалявшиеся дома, на первые дымки над аилами, на коров возле изгородей и бегавших по деревне собак. Обоим было грустно, зябко на утреннем холодке, тянуло в сон.

Дед Карабай, задымив самокруткой, развалился на мешках и мечтательно щурился, глядя в небо, лошаденка брела по дороге, еле перебирая ногами и отмахиваясь хвостом от оводов. Дорога уходила в широкий лог между речкой и горными кряжами, где деревенская детвора любила собирать дикий батун. Теперь поле было скошено, и земля белела на солнце колкими стеблями подрубленной травы. Где-то кричали перепелки, да далеко в тальниках отвечал им дергач.

Баська с размаху шлепнул себя по шее. Поднеся к носу убитого овода, оторвал ему голову, поплевал и зашвырнул в сторону. Вздохнув, он покосился на Карабая и поинтересовался:

— И с-сколько же нам ехать д-до б-бригады, дед К-карабай?

Карабай встрепенулся, сплюнул налипшую на губу самокрутку и вытянул кнутом мерина. Тот сделал два скачка и опять пошел шагом. Карабай вновь откинулся на мешки.

— А сколько надо, столько и будем ехать.

Добрались они до полевого стана уже после обеда. На

стоянке бригады было тихо. Одна повариха мыла посуду в большом прокопченном казане и что-то напевала себе под нос.

Дед Карабай, не доезжая до нее с десятков метров, соскочил с телеги и, подкравшись, вытянулся во весь рост, приложил ладонь к виску и закричал во весь голос, словно рапортуя:

— Шеф-поварихе наш гвар-рдейский прив-ет!..

Женщина с перепугу чуть не плюхнулась в казан. Узнав Карабая, она разразилась бранью.

— Ой, калак¹! Эрлик² несчастный! Я тебе напугаю! И где это ты шляешься с продуктами? Мне людей кормить нечем.

— Ох-хо-хо! — довольно загоготал дед Карабай. — Принимай гвардейцев! Глянь, каких привез. Теперь работа пойдет. Корми пополнение. Слышала приказ?

Поработать на сенокосе Карабашу не удалось. Дня через два степной ветер пронизал его насквозь после купания в студеной речке, и его отвезли обратно в деревню. Карабаш горел, как в огне. От жара у него обметало губы и разламывало голову.

Мать сокрушалась: и сына жалко и «мужские руки» пропадают в самую страду, но делать было нечего. Навалив на деревянную скамейку у окна кучу овчин, она уложила Карабаша и договорилась с деревенской знахаркой бабкой Найтак, что та возьмется вылечить мальчишку.

Карабаш целыми днями лежал один-одинешенек. Койла пас телят, мать с зарей уходила на ферму. Ребят в деревне почти не осталось — все были на сенокосе.

Первое время Карабаш только и делал, что спал, но потом сон исчез куда-то. Долгими часами Карабаш любовался далекими снежными вершинами, меняющимися красками на склонах гор; видел он луга вдоль речки и в вечернюю пору, когда по ним стлался белый холодный туман, и в полуденный зной, когда над ними струилось и дрожало марево; вслушивался в звуки, носившиеся в разное время по деревне, и много думал.

Подступала осень. Пора бы ему идти в школу. Второй год уже не пойдет. Едва-едва дотянул до четвертого класса, и на этом все кончилось. Пришлось сидеть всю зиму дома, помогать матери в нелегком хозяйстве. С войной не стало

¹ Калак — беда.

² Эрлик — царь преисподней.

у них дома одежды и обуви. Школа находится в соседнем большом селе. До него верст десять, а то и пятнадцать: смотря какой дорогой пойдешь. Как раздетым-разутым ходить туда?

Карабашу вспомнилась школа как праздник. Щемяще ныло сердце от тоски по занятиям, учителям, товарищам. Хорошо, что такое настроение длилось недолго. Оно менялось, как облака на небе. Стояло лето, налившись буйной зеленью, сочными плодами.

Карабаш лежит и ждет, когда придет бабка Найтак. Ему уже опротивело пить горькие настойки, которыми она его пичкает, но бабка Найтак всегда приносит такую кучу новостей, что с ней не скучно. В этот раз Найтак что-то запаздывает. Карабаш долго разглядывает на небе причудливые облака, похожие на снежные обвалы в горах. Потом его взгляд опускается на замершие в безветрии березы на косогоре. Их длинные ветки обвисли под палящим солнцем. Потом Карабаш вспоминает о Койле, и ему становится жаль брата, который тоже в одиночку пасет сейчас телят на той стороне реки. Вот ребята в бригаде, наверное, не скучают! Они, наверное, там обедаются сочными ягодами. Карабаш даже облизал губы, вспомнив их приятный вяжущий вкус.

Неожиданно во дворе появляется бабка Найтак. Она шла огородами, и потому Карабаш не заметил ее.

Бабка Найтак ставит свою клюку в угол, потом, усевшись на корточки, возится с белым узелком, в котором упрятаны ее снадобья, и о чем-то вслух размышляет. Карабаш прислушивается.

— Ох, люди! И что это такое? — ворчит старуха. — У соседки опять лысый ребенок родился! Не к добру это. Не к добру, — бормочет бабка. — А все это война. Все она... Одна беда за другой. Ой, калак! А ну, повернись, сын. Надо вот этот благословенный настой выпить...

Карабаш, сморщившись, отворачивается к стенке. Вкус «благословенного» зелья ему уже знаком, и Карабаша заранее мутит. Но тут с веселым криком перелетает через изгородь Койла, неизвестно откуда взявшийся.

— Караба-аш! Карабаш! — кричит он. — Баська-заика събьелся ягод!

Карабаш мгновенно подлетает на лежанке.

— Где? Где он?

— Во-он, родственники Момон ведут его. Сейчас сам увидишь!

Бабка Найтак, услышав такую новость, ошеломленно хлопает глазами, потом что-то шепчет, окунает в банку с настоем черный палец и брызжет по сторонам — убаготворяет горных духов.

Карабаш, прижимая к заду тулупчик, спотыкаясь, бежит следом за Койлой к изгороди.

Поначалу доносится громкий рев Баськи-заики, а затем появляется от реки целая процессия. Впереди плетется Баська-заика с зареванным лицом, по которому текут слезы вперемежку со всякой гадостью из носа. За ним шествует его мать, Момон, потом — две ее старшие сестры, опираясь на палки, за ними — её младшие сестры и еще какие-то родственники. Замыкает шествие Тим. Он волочет за собой по земле Баськины штаны, брезгливо сморщившись и держа их на полусогнутом пальце, как на крюке.

Сбежавшись со всех концов деревни, за этой процессией выстроилась мелюзга. И, конечно, тут же свора худых, голодных собак, которые твердо знают: где люди, там — пожива...

Баська держится за живот и орет, что есть мочи.

— Дьо! Дьо-оо-о! Ой, болит! Ой, мамочка, ой, мои те-тушки!..

Кричит он столь пронзительно, что эхо от его голоса перекатывается в горах и вспугивает птиц в дальнем лесу.

Голос Баськи-заики перекрывает крик его матери, Момон.

— Ой, люди! Ой, люди... И что это за наказание! Этот шайтан сживет меня со свету! У других дети как дети... А этот! Чего он объелся? Чего ему не хватает? Говори! — обращается она к Баське. — С чего у тебя это? Какую пакость лопал, говори!

— Ой! О-оо-ой! — стонет Баська и делает такие зигзаги, точно у него подкашиваются ноги. — Смородину ел... Черемуху ел... Малину!..

Карабаш и Койла спрыгнули с изгороди и отправились вслед за всеми.

Взрослые ушли в летнюю юрту, что стоит во дворе, а Баська сидел перед ней на траве, стонал и всхлипывал.

Старшая Баськина тетка распорядилась достать в деревне араки, а Тима послала за дедом Саламчи. Дед Саламчи считался лучшим знахарем по части всяких болезней. Гадал он по бараньей лопатке, которую обжигал на огне. Родственники Баськи мгновенно развели огонь и поставили на него казан с бараниной, прибереженной на крайний, счастливый или несчастливый, случай, а Баську погнали к речке и велели сидеть в воде для облегчения.

Наконец принесли араку, и явился дед Саламчи. Да не

один. Пронюхав о случившемся, вместе с ним заявился и ворожей Улачи. Он немедленно уселся на лучшем месте у костра и вынул свой мешочек с бобами.

Гадание гаданием, но для верности Саламчи послал Тима в соседнюю деревню за фельдшерницей.

Священнодействие началось тут же. С помощью старшей Баськиной тетки дед Саламчи вынул мясо из казана и, ловко орудуя ножом, отделил лопатку. Срезав с нее мясо, он положил лопатку на угли. Взрослые сгрудились вокруг предсказателей, почтительно наблюдая за приготовлениями. Улачи молча двигал по земле бобы.

Родственница Момон, бабка Кабайчи, разогрев на углях араку, разлила ее в пиалы и первым поднесла деду Саламчи. Тот сделал внушительный глоток и принялся ворочать на углях баранью лопатку. Когда она обжарилась со всех сторон, Саламчи выхватил ее из огня и принялся рассматривать на свет. Все потянулись к нему.

С речки доносился рев Баськи.

— Не-не могу! Ой, н-не м-могу!

Дед Саламчи, положив лопатку на землю, достал свою оправленную в медь трубку и закурил. Сделав несколько затяжек, он, прищулив глаза, уставился на лопатку. Все затаили дыхание.

Дед Саламчи молчал долго. Потом он вынул трубку из рта и ткнул мундштуком в баранью кость.

— Ну, все ясно! Этот парень наелся недозревших ягод, — торжественно заявил он и посмотрел на мать Баськи. — Вот, линии показывают...

— Да каких? — простонала та. — Каких ягод, скажи?

Дед Саламчи попыхал из своей трубки, перевернул на земле лопатку и зачем-то посмотрел вверх. Карабаш и Койла тоже подняли головы. В синей вышине стояли облака, да солнце, войдя в зенит, повисло над самыми снежными вершинами.

Дед Саламчи шумно продул трубку и сказал:

— А что именно съел парень, увидим, когда он опростается... Корми его сейчас жидкой пищей. Вот. Я все сказал.

Дед Саламчи кряхтя поднялся, взял лопатку, и, подойдя к костру, кинул ее в огонь. Улачи, который все перекатывал из стороны в сторону бобы, посмотрел на него, согласно кивнул головой, точно подтверждая слова Саламчи.

Хлебнув араки и закусив мясом, предсказатели торжественно удалились.

Родственники Баськи ушли в юрту обсуждать все, что им сказал дед Саламчи. Карабаш и Койла подошли к речке.

Баська сидел в воде на корточках. Лицо его было залито слезами и искажено гримасой боли. Карабашу стало жалко Баську, который смотрел на него сквозь слезы и скулил.

Карабаш полез в воду. Он положил Баське руку на плечо и сказал:

— Баська, давай не будем больше драться. Давай дружить. Хорошо?

Баська всхлипнул и кивнул. Карабаш, посидев с ним рядом в воде, грустно добавил:

— Знаешь, а вашу рябую курицу вчера забил коршун и унес...

Спасла Баську от беды и боли девушка-фельдшер, которую привез на своей лошади его брат Тим. Она сделала Баське клизму, дала каких-то таблеток и уехала. Момон на радостях совала ей десяток яиц: в деревне за все расплачивались яйцами. Денег почти ни у кого не было, да и купить на них было нечего, а ехать в город или даже в соседнее село редко кто решался: с утра до позднего вечера все закручены работой...

После клизмы Баська сразу повеселел. Мать его, Момон, выпросив у соседей араки, угостила родственников и всех причастных к Баськиному исцелению. Бригадир Байдыл, разжалобившись Баськиным положением, передал, что дает Баське целую неделю на поправку.

На другой же день Баська вызвался вместе с Карабашем и Койлой пасти телят. Мир и согласие царили в этот день между новоявленными друзьями. Баська, забыв о своей недавней болезни, ходил вместе с братьями по лесу, сшибал палкой кедровые шишки и снова объедался ягодой. Потом они купались, валялись на песке, вспоминали страшные и смешные истории, почерпнутые из рассказов своих бабушек и матерей.

В оставшиеся дни Баськиного «отпуска» они занялись охотой. Карабаш сделал три лука, а к ним — настоящие стрелы с наконечниками из старых гвоздей, которые друзья вытаскивали из заборов. С утра до вечера они промышляли бурундуков, а шкурки их продавали в деревне одному старому инвалиду, получая за каждую по пятнадцать копеек. К концу недели у них набралось по горсти мелочи. Что делать с ней, никто не знал, и тут Карабаш придумал самое интересное. Он затащил своих друзей в глухой лесной уголок возле деревни, который облюбовал давно, и таинственно сообщил:

— Здесь будет наш клад, и никто, кроме нас, об этом знать не должен. Это будет наша тайна.

— Здорово! — прошептал Баська.

— А если кто проболтается? — сощурился недоверчивый Койла.

— Мы все дадим клятву и скрепим ее кровью, — сказал Карабаш. — Я читал одну книгу про пиратов, у них тоже был клад, и каждый из них давал такую клятву.

От всей этой торжественности у Баськи мурашки забегали по коже, пересохло во рту, и он облизал губы.

Карабаш взял ржавую консервную банку, прихваченную из дома, и ссыпал в нее свою мелочь. Койла и Баська одновременно протянули ему узелки со своим достоянием.

Карабаш вырыл ножом под высокой сосной ямку, закопал общее сокровище и, тщательно примяв землю, заложил ямку дерном. Потом Карабаш сделал ножом на дереве зарубку — череп и кости. Все было, как у пиратов! Скрестив руки на ноже, шепотом повторили за Карабашем слова клятвы:

— Если Пейтке, Барамаш и Бандюш с нижнего края деревни вздумают напасть на кого-либо из нас или состроят нам козни, клянусь сурово им отомстить. Один за всех и все за одного! Клянусь! Клянусь! Клянусь!

Острием ножа Карабаш скovyрнул царапину на руке и помазал своей кровью место около зарубки на дереве. Койла немедленно повторил то же. Побледневший Баська тыкал ножом в свою руку, но сделать порез долго не мог. Тогда Карабаш забрал у него нож и, не колеблясь, сделал это сам. Баська ойкнул, у него даже выступили слезы, но он тут же взял себя в руки и как-то кисло улыбнулся. Койла не выдержал, прыснул, и Карабаш с осуждением посмотрел на него: все же ритуал был доведен Баськой до конца. Довольные друг другом, они чинно отправились на речку.

Солнце уже село на верхушки деревьев, когда, выскочив из воды и застегивая на ходу штанишки, ребята кинулись к телятам. Место, где они их оставили, было пусто. Обшарив впопыхах весь лог и прочесав опушку леса, они ни живы ни мертвы чесанули к загону.

Телята давно пришли домой. Задрав морды, они стояли вдоль изгороди и не сводили глаз с пустых ведер, которые сушились на кольях. Время от времени эти безрогие несмышленишки уморительно взмывали и принимались бодать ведра — видно, успели проголодаться.

Карабашу и Койле на этот раз повезло: мать еще не пришла с фермы, поэтому они смело уселись на жерди и стали пересчитывать телят — все сорок оказались на месте.

Братья облегченно вздохнули. Теперь нужно было покормить телят. Они налили в ведра обрат и повесили их на гвозди в заборе. У каждого телка было свое ведро и, странное дело, каждый безошибочно угадывал его и никогда с другими не путал. Старшие телята, засунув морды в ведра, жадно тянули обрат, а совсем молоденьких приходилось кормить самим. Делали это так: обмакивали пальцы в молоко и совали в рот теленку, как соску. Тот, попробовав, начинал самозабвенно сосать пальцы, захватывая до кисти, и надо было выдергивать их у него изо рта и снова окунать в молоко. Этот дурачок чмокает, сопит, облизывая твои пальцы, и крутит от удовольствия своим жиденьким хвостиком. Просто потеха!

Накормить так все сорок — дело долгое. Обычно заканчивался телячий ужин к тому времени, когда плотная темнота обволакивала деревню, луга, речку, а в горах начинали кричать дикие козлы...

Пока Карабаш и Койла кормили телят, Баська приуныл. За время, что он тут с ними торчал, стемнело, и ему не очень-то хотелось брести во тьме одному через пустое поле. Радость примирения с Карабашем и Койлой, кажется, поутихла в Баське, и он начал нудить:

— Лучше бы с-сегодня ха-хариусов половили... А то м-мать спросит, что делал, а я что отвечу? А то дал бы рыбу...

— Точно, точно, заика, — поддел его Койла, подумав, что тот готов отступить от клятвы. — Я слышал, эти бездельники Барамаш, Пейтке и Бандюш с утра собирались на рыбалку. Вот бы тебе с ними! Натаскали бы, наверно, рыбы!..

— А что ты думал! — обиделся Баська. — Вчера, знаешь, каких наловили? В-во! — показал он на согнутую в локте руку.

— Нам нельзя, — примирительно заметил Карабаш, обращаясь к Баське. — У нас работа. От телят разве уйдешь? Сам видел! Разбегутся... А за хариусами нужно идти к порогу.

Тут Баська, вспомнив что-то, оживился.

— Что я вам скажу! — засмеялся он. — Ни за что не поверите! А Барамаш одной рыбой питается. Честное слово! Ему бабка есть совсем не дает. Ей Озой приказал. Говорит: кто не работает, тот не ест. Барамаш в бригаду отказался ехать, вот Озой и наказал бабке не давать ему есть. Теперь Барамаш на одной рыбе и живет. Поэтому и ходит все время на рыбалку...

— Вот это жизни! — мечтательно вздохнул Койла. —

Зато свободен! Делай, что хочешь! А рыбой тоже можно жить.

Карабаш с Баськой засмеялись.

Отец Барамаша был на фронте, а прошлой весной умерла его мать. Первые военные годы пахать приходилось на себе, вот она и надорвалась. Кормильцем в семье остался старший брат Барамаша, Озой, одногодок Байдыла. Парень он был старательный, работающий, днем и ночью пропадал в поле. А Барамаш жил себе вольной жизнью, и его ничем уже нельзя было отвадить от безделья. Как его не ругал, не наказывал Озой, Барамаш удирал из дома и по целым дням пропадал на реке и в лесу.

— Теперь они на одном очаге каждый себе пищу готовят, — рассказывал Баська. — Бабка — себе, а Барамаш — себе. Но вот хариусов он ловить мастер. Никто с ним в деревне не сравнится, даже Каракай, — с завистью подытожил Баська.

Они уехали на изгородь.

Тут в воротах загона показалась мать Карабаша. Ребята мигом рассыпались по двору и со всем рвением, на какое были способны, кинулись загонять телят. Не дай бог, мать увидит, что они штаны просто так на заборе протирают!..

В тот день деревню нельзя было узнать. Что в ней творилось, разобрать было трудно, но такого многолюдья уже давно никто не видывал. Во всех направлениях носились мальчишки и собаки, мелькали бабьи головные платки, стоял гомон и крик, даже галки, напуганные общей суматохой, поднялись над деревней и отлетели подальше в сухой лог.

Карабаш и Койла тоже нервничали. Как всегда, выгнав телят на лужок за деревней, они сидели на пригорке и пялили глаза на расшумевшуюся деревню, то и дело облизывая пересохшие от волнения губы. А в общем-то все разъяснялось довольно просто. Накануне председатель Тырышпаков объявил, что правление решило выдать колхозникам на трудодни мед. Не отруби там какие-то, не кислые сырчики, а самый что ни на есть настоящий мед!

Мать с утра тоже как голову потеряла. Позабыв о всех своих делах, едва подняв ребят, она унеслась с горшком в руках к колхозным амбарам. С начала войны, почитай, в деревне позабыли вкус сахара и конфет, и можно себе представить, как разожглись аппетиты, особенно у детворы, и как ныло у всех под ложечкой от одного упоминания о том, что дома появится такая сладость, как мед!..

Гомон у амбаров стоял отчаянный, и если бы не знать точно, что колхозная свинья давно на мясокомбинате, можно было бы подумать, что Тырышпаков решил завести другую. Карабаш и Койла, не сходя с места, чувствовали себя полноправными участниками происходящего. Им и отсюда все было слышно. В другом случае, они, конечно, не выдержали бы и, забыв обо всех угрозах и опасностях, мигом смотались бы в самую гущу событий.

Оба знали — уж кто-кто, а они не попробуют, как мед пахнет, и в глаза его не увидят. Мать наверняка выменяет его на кусок холста или еще на что-нибудь. К кержакам по-несет, это точно. Не в первый раз! Научены горьким опытом...

Подступил август, и дни его летели так быстро, точно это был самый короткий месяц года. Солнце теряло свою силу, и все на глазах стало быстро тускнеть. Воздух в горах очистился от летнего марева, стал прозрачным, живительно прохладным, высветились все дальние и ближние планы, четче вырисовывались краски. Дремучая тайга, обступившая со всех сторон деревушку, стала задумчивее и строже, будто исчезли враз куда-то ее веселые пернатые обитатели. Пожухли травы и цветы, не кружили над ними, как прежде, резвые шмели и бабочки.

Как-то поутихла и сама деревенька. Не так сонно и сыто мычали коровы, овечьи отары ушли подальше от домов, в горы, где ближе к снегам сочно зеленели высокогорные пастбища. Там еще во всю цвело и продолжалось лето.

Наступил перелом и в настроении деревни, потому что чаще стал навещать ее колхозный почтальон. Старой горной тропой, ведущей в русское село на Чуйском тракте, он каждый день совершал свои двадцатикилометровые переходы, осуществляя связь деревеньки с остальным миром. Перед каждым его приходом деревенька как бы затаивалась и замирала, потому что в сумке почтальона чаще, чем обычно, лежали теперь треугольнички, приносившие в дома алтайских сельчан скорбные вести с фронта. Где-то далеко от этих мест шли последние жестокие сражения, и война все острее и болезненней напоминала о себе.

Всякий раз, когда почтальон пускался через перевал в обратный путь и выходил на свою тропу, его догонял из деревни сначала одинокий, хватающий за душу вскрик, к которому сразу присоединялись голоса, и вскоре печальный хор все разрастался, усиливался, звучал надрывно, всхлипывающе...

Но иногда почтальон приносил и другие вести, которые, несмотря на все тяготы и обрвавшиеся у иных надежды, заставляли людей улыбаться, разглаживали лица, распрямляли плечи. Это была последняя военная осень. Советская Армия уже вышла к границам вражеского государства. Теперь сельчане ждали этих сообщений, потому что они смягчали чью-то боль, наполняли сердца новыми надеждами и радостями. Деревенька оживлялась, и не такой уже печальный был обратный путь почтальона. Его провожали к тропе мальчишки, потом долго сидели там и смотрели ему вслед, а он махал им рукой. Мальчишки были из тех, кому предстояло вот-вот обновить эту старую тропу — их ждала школа...

Осень есть осень. Ее приход наводит грусть на человека, особенно юного, у которого с летом было связано столько радостей и развлечений. Разжиревшие галки темными тучами носятся над полями: старые обучают молодых полету и добыванию пищи. Косяки журавлиных стай тянутся над горами в иные края, а их трубный гортанный крик, напоминающий боль человека, заставляет вдов отрываться от работы на поле. Женщины, приложив ладони к глазам, следят за скользящими тенями и тайком смахивают слезу, когда на память приходит образ мужа или сына, сложившего голову в далеких неизвестных краях. Грустно смотреть на шелестящие желтые струйки листьев, гонимые ветром по дорогам и тропкам и напоминающие желтых зверьков, спешащих по своим делам с озабоченно поднятыми вверх хвостиками-стеблями...

Карабаш шел по опушке медноствольных сосновых лесов узкой тропкой, ведущей к перевалу, и разглядывал изменившийся с осенью мир. Плечи ему оттягивала узкая лямка мешка, в который были уложены выделанные телячьи кожи. Шел Карабаш в далекое таежное кержацкое село, где кожи пользовались спросом. Это мать снарядила его в дорогу, обговорив с ним все условия обмена своего товара на продукты у кержаков.

Карабаш шел, оглядываясь, и думал, что не пройдет и двух месяцев, как на красивые зеленые поля и склоны ляжет глубокий снег, задуют студеные ветры, поднимая колкую поземку, и здесь все станет другим...

А сейчас небо было сине-чистым и высоким. В неподвижных ветвях сосен затаилась тишина и легкая угрюмость. И Карабашу казалось, что от этой немоты и неподвижности

у него точно звенит в ушах. Иногда, останавливаясь, Карабаш следил за полосатыми бурундучками, которые, как желтые неуклюжие комки, карабкались по сухим стеблям высоких трав, чтобы разворошить сухие коробочки цветов с созревшими семенами, но, заметив человека, зверьки мгновенно исчезали под землей. Они готовились к зиме, запасались пищей впрок. А вон — быстро шевеля ворсистую поросль травы, пробежала полевая мышь. И бег ее и шелест были слышны так, будто где-то рядом, шурша сухим стеблем травы, прошагал человек.

Когда Карабаш вышел на перевал, по другую сторону гор перед ним открылся новый незнакомый вид. Цепь горной гряды уходила к горизонту. Горы чем дальше, тем больше расплывались в синеватой курчавой, точно плавающей в воздухе, дымке. Внизу бежали незнакомые ему речки и тянулись долины и дуга, чем-то неуловимо напоминающие родную долину, в которой стояла их деревня. Карабаш даже оторопел. Он никогда еще не уходил так далеко и не знал, что земля, на которой он живет, бегаёт, играет, такая огромная, удивительно прекрасная и очень близкая. Он узнал гору, которую ему описывала мать, там он должен был повернуть к кержацкой деревне. Все было точно. И он опять этому удивился. И тотчас же испугался новой мысли. Он ведь совсем не знал по-русски! Что его там ждет, как встретят? Почему-то мать тоже это упустила из виду. Как же быть? В какую-то минуту Карабаш заколебался: идти ему дальше, или лучше вернуться обратно...

Внезапно Карабаш услышал крик журавлей. Он поднял голову. Длинный правильный клин знакомых птиц огибал перевал. Вслушиваясь в их голоса, он заулыбался: вспомнилась легенда, услышанная в детстве от бабушки, о вечно странствующих птицах — журавлях...

Карабаш вздохнул и вернулся к своим прежним мыслям. Незнакомая жизнь русской деревни, с которой предстояло столкнуться, пугала его. Вспомнив, однако, что в той деревне есть человек, который его знает, он немного успокоился. Звали этого человека дед Леонтий. Он частенько захаживал к ним в деревню, немного говорил по-алтайски, и мать велела идти прямо к нему. Карабаш поправил мешок за плечами и твердо зашагал по дороге.

К полудню далеко за лесом показалась кержацкая деревня. Она раскинулась в самой низинке за горой, и ее большие внушительные дома с огромными окнами, стрехи покосившихся сараев и бань в огородах открылись Карабашу, как на ладони. Приблизившись к деревне, Карабаш снова оро-

бел. Вдруг он увидел себя точно со стороны, точно чужими глазами: маленький, коренастый, весь в царапинах, в коротких кожаных штанах, с грязными ногами. «Ноги надо было хотя бы помыть», — подумал Карабаш. Скоро он вышел на улицу.

Улица его удивила. Вдоль пыльной изрытой дороги сплошной стеной стояли высокие заборы с крепкими воротами, казалось, запертыми наглухо. За заборами рвались с цепи и остервенело заливались хриплым лаем собаки. Словно они одного его, Карабаша, духа не выносили.

А потом он увидел русских ребят. Стайка белоголовых мальчишек бежала ему навстречу. Конопатые, с облупленными носами, они были ничем не чище его. У одного карапуза через все лицо темнела грязная полоса.

Две женщины шли от колодца с ведрами. Увидев Карабаша, они приостановились, и одна из них спросила его:

— Что-нибудь на продажу принес, малыш?

Но Карабаш не понял ни одного ее слова. Однако догадался, что женщины интересуются, зачем он пришел.

— Леонтия... нада... Сыкова, — забормотал он.

— А-а! Так ты к Зыкову? К Леонтию Евсеевичу? — заулыбалась другая женщина, помоложе. — А вон там, гляди! — она показала рукой на большой дом за мостиком.

Карабаш вошел во двор, поднялся на крыльцо и, открыв дверь, ступил в большую чистую горницу. В углу на коленях стоял старик под большими деревянными досками, на которых были нарисованы красивые тонкие лица, и усердно клал поклоны. Карабаш сразу узнал деда Леонтия по его маленькой головке с остатками седеньких волос и морщинистому затылку. «Верно, за что-то благодарит своего бога или просит чего-нибудь», — подумал Карабаш и, боясь помешать старику, застыл у порога.

Кончив молиться, старик встал и только тогда увидел Карабаша. Сощузив светлые острые глазки, которые напоминали Карабашу оловянные пуговицы в косе его матери, Леонтий удивленно хмыкнул.

— А-а, уж не Сапалов ли внук? Верно говорю?

Карабаш радостно закивал головой. Старик плохо говорил по-алтайски, коверкал слова, но все-таки это была родная, понятная Карабашу речь.

Из соседней комнаты выглянула полная, грузная женщина, улыбнулась Карабашу, скрылась ненадолго, потом вышла опять и дала ему крупную очищенную морковь.

Карабаш грыз ее и отвечал на вопросы старика. Узнав, в чем дело, дед Леонтий кивнул:

— Так, так. Кожа, значит... Сосед бар¹, понял? Ему керек² кожа. Ему, понял?

Карабаш понимал, что кожа нужна, и радовался, и кивал головой. Дед Леонтий, махнув ему рукой, взял его за плечи и повел к громадному, крытому тесом дому напротив, украшенному резными наличниками и петухами на ставнях. Пока Карабаш, разинув рот, разглядывал это чудо, дед Леонтий позвал хозяина. Тот вышел на крыльцо. Это был рослый сильный мужик с окладистой черной бородой, закрывавшей почти всю его грудь. Борода эта поразила Карабаша. В их деревне и бороденка деда Леонтия производила впечатление. Теперь, глядя то на этого человека, то на деда Леонтия и сравнивая, Карабаш только шире раскрыл глаза: «Да это же шерсть кошки против шкуры яка!»

Дед Леонтий о чем-то долго и жарко спорил с хозяином дома, который что-то гудел в ответ, переминаясь в своих огромных сапожищах, густо смазанных дегтем и оттого блестящих на солнце, как гладь реки в ясный день.

Потом дед Леонтий снял со спины Карабаша мешок с кожами и ушел с хозяином в дом. Оставшись один, Карабаш стоял, оглядывался и поражался постройкам этого двора. В сарае, где были сложены сани, стоял тарантас и телеги. По просторному загону бегали и визжали с десятков поросят всех размеров, тут же важно разгуливали куры, петухи, гуси. А за всем этим виднелся длинный «журавль» — чуть не с целую сосну — колодца, скрытого приземистым хлевом.

Скоро вышел дед Леонтий, сунул Карабашу пустой мешок и показал в разжатом кулаке деньги.

— Ничего, ничего. Хорошо продал, — весело сказал он.

С помощью Леонтия Карабаш купил мыло, сатин, кусок холста и разную мелочь, так нужную в хозяйстве, а оставшиеся рубли дед Леонтий завернул в тряпочку и повесил ему на шею, чтобы он не потерял их по дороге. Попрощавшись с дедом Леонтием, счастливый Карабаш чуть не бегом пустился в обратный путь...

До своей деревни он добрался, когда солнце уже село за вершины гор. В речке плескалась и гоготала мелюзга, которая, увидев на тропе Карабаша, замерла, вытаращив глаза. Все знали, что он ходил в кержацкую деревню торговать с русскими. И теперь ребятня смотрела на него с таким выражением, будто уже не ждала, что он вернется оттуда живым и невредимым.

¹ Бар — есть.

² Керек — надо.

Преисполненный к себе гордостью, Карабаш даже головы не повернул в их сторону.

Перейдя речку, он стал подниматься к аилу и столкнулся с матерью. Она шла с ведром за водой на речку.

— А-а, это ты, — почему-то без всякого удивления заметила мать.

Карабаш ожидал другого приема. Потому что, отправляя его в дорогу, она волновалась и закидала его разными советами и предупреждениями. Уж во всяком случае, она должна была спросить, как у него прошла торговля. Но она ни о чем не спросила и заторопилась дальше.

Карабаш удивленно посмотрел ей вслед, пожал плечами и побрел домой. Тут он заметил, что из дымохода их аила валом валит дым. Значит, мать варит араку. Но для кого?

Карабаш не стал ломать голову над этим, а войдя в дом, поскорей присел к очагу, от которого аппетитно тянуло печенной в золе картошкой. Он выкатил несколько картофелин и, обжигаясь, принялся за еду. Как он наголодался за этот день!

Мать вернулась и начала заливать водой казан, а потом стала прилаживать кувшин для араки. Только закончив дела, она посмотрела на Карабаша.

— Ну как? Продал?

— Если есть чем торговать, так отчего же! — важно ответил Карабаш, вспомнив, как всегда в таких случаях говаривал их сосед дядя Дегор.

— А что купил? — спросила мать.

Карабаш молча развязал мешок и выложил все покупки. Потом развязал шнурок на шее и передал матери узелок с деньгами. Вот тут-то она удивилась по-настоящему.

— После покупок еще и столько денег осталось у тебя?!

Карабаш только горделиво повел головой. Мать, перекладывая покупки, радостно вскрикивала и теперь уж на все лады расхваливала Карабаша. А потом сообщила.

— А у нас в деревне новость! Вернулся из армии Сабатка. Демобилизовали. Говорят, медалью его наградили. Матушка Кабайчи чуть не рехнулась на радостях, дождалась-таки мужа... Смотри, нажалуется ему, что ваши свиньи весь огород у нее перерыли! Как бы он не дал тебе трепки... Вся деревня к встрече готовится, а у меня — ничего! — заговорила она с досадой. — Чегень, что ли, не закис? Не знаю уж, что и получится. Пока Сабатка у Момон, надо что-то делать...

Прикрытый деревянной крышкой казан так и гудел на

огне, но арака еле сочилась по трубке в кувшин. Мать опять забегала вокруг казана, как заведенная.

Поворошив в очаге, она взяла тонкую лучину и опустила ее в узкое горлышко кувшина. Намокший конец лучины не превышал и длины пальца. Значит, араки было меньше, чем на четверть кувшина. Мать совершенно расстроилась.

— Ах, калак, калак! Прямо не знаю, как быть. Араки не хватит и воробья напоить. И что я за невезучая такая!.. Как назло, возле двора слышался гвалт ребятишек:

— Идут! Идут! Ой, смотрите, гости идут!

Мать метнулась к двери и выглянула наружу. И тут ее прорвало:

— Эта Момон, чертова баба, жадна, как шаман на праздник! Не успела гостей принять, а уже за дверь выпроводила.

Мать опять захлопотала у очага. А Карабаш пулей вылетел на улицу. Ему не терпелось увидеть настоящего солдата, да еще с медалью. Тут было на что посмотреть и подивиться!

Правда, Сабатка, как и дед Карабай, никогда не нюхал пороха и вряд ли знал, где находится и что представляет из себя так называемый передний край. Всю войну, как и многие пожилые люди второго или третьего призыва, Сабатка прослужил в тыловых частях, а точнее — на специальном конезаводе, готовящем лошадей для фронта, но Карабаш всех этих подробностей не знал, да они его, честно говоря, и не занимали. Он знал одно — Сабатка уходил на фронт и теперь вот вернулся с медалью. А это было самое главное.

От юрты Момон, матери Баськи-заики, валом валила толпа. Впереди всех двигался сам Сабатка, которого поддерживали под руки женщины. На нем была гимнастерка, украшенная двумя темными полосками погон, пилотка была сбита на ухо и чудом держалась на голове, а свои ноги в солдатских обмотках он уже едва переставлял. Но зато какие на нем были ботинки! Карабаш сразу определил им цену: если таким ботинком двинуть злую собаку — она враз отскочит.

Мать встречала гостей на пороге аила.

Шествие приблизилось к их двору и вскоре заполнило аил. Женщины прошли на женскую половину, а мужчины сбились в первой — мужской.

Сабатка был усажен на самое почетное место — за низкий кривоногий столик. Мать сновала по аилу, расставляя перед собравшимися пиалы. Женщины на своей половине затянули песню:

Застоялись травы в суходолах,
Не топор — коса у баб в руках,
Только где набрать им силушку, суровым,
Растревявшим молодость в слезах...
Не коснется конь золотогривый
Пожелтевших остьев на лугу,
Не рыдай, солдатка, если милый
Не подсядет больше к очагу...

Несколько молодух помогали матери. Мужчины немило-сердно дымили трубками и поглядывали на разомлевшего Сабатку. Окруженная поющими женщинами, в центре их восседала сияющая бабка Кабайчи и умиленно взидала на своего муженька. От почестей, которые оказывала Сабатке вся деревня, Кабайчи распирали гордость. Она то вскакивала, чтобы подсесть ближе к мужу, то опять усаживалась на низенькую табуретку, поставленную специально для нее матерью Карабаша. Рядом с Сабаткой возвышался председа-тель Тырышпаков.

В толпе односельчан, окруживших юрту, вертелись и дав-ние противники Койлы и Карабаша — Бандюш, Барамаш и Пейтке. Воспользовавшись случаем, они тоже приплелись сюда, переступив границу верхнего края. Но сегодня было не до счетов. Сегодня был праздник. И даже Койла, зыряка острыми глазенками, выглядывал из-за плеча Барамаша, уступив тому свои хозяйские права.

Но вот по кругу пошел кувшин с аракой. По обычаю все женщины потянули свои чочойки¹ к Сабатке, который дол-жен был отпить из них в знак уважения к их владелицам. И если Сабатка вдруг отказывался, то женщина, ехидно по-смеиваясь, ворчала на Сабатку:

— У вдовушки Пороской который раз отпиваешь, из мо-ей не так вкусна, что ли? А, Сабатка?

Сабатка хохотал тоненько, откидывая голову, и хлопал себя по острым коленкам. Потом, посерьезнев, восклицал:

— Эх, выпьем, председатель! За наших сестер и братьев на войне! За наших женщин-тружениц и горемык, а, пред-седатель?!

И тут же вдовушка Пороской, раскрасневшаяся от араки молодуха, тянула ему свою чочойку, а Сабатка, лукаво под-мигивая, подводил усы пальцем и брал чочойку. Старики восхищенно причмокивали, качали головами и пригова-ривали:

¹ Чочойка — чашечка с вином или аракой, подаваемая кому-либо в знак уважения.

— Э-эх, Сабатка! Ай, парень! Ка-авалер!

И все весело смеялись.

Не успел опорожниться кувшин матери Карабаша, как в раскрытую дверь аила всунулся посланник с нижнего края деревни и, перекрывая смех и гомон, закричал:

— Эй, люди, люди! Соседи вас зовут! Ждут вас! Эй, Пороской! И что ты крутишься возле солдата, как лиса около курятника? Веди гостей, Кабайчи!

Гости шумно разом поднялись и двинулись из аила. А на дороге их встречали новые посланники и зазывали поарковать в своих юртах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мать Карабаша постигло несчастье. В одну из ночей волки зарезали в загоне двух телят. «Почему-то серые хищники потянулись к человеческому жилью, — вздыхала мать Карабаша, — наверное, чувят приближение суровой зимы». Теперь каждую ночь она отправлялась сторожить телятник. Если волков не поугатать — перережут весь молодняк, а отвечать ей, не кому-нибудь. Ружья у них нет, и мать Карабаша надеется отогнать волков криком и огнем. Потому всю ночь поддерживает костер.

Домой она уходит с фермы пораньше, чтобы приготовить ужин для сыновей, а потом собирается обратно.

Койла и Карабаш, пригнав своих телят к загону, пришли домой усталые и хмурые. Теперь развлечений меньше. Быстро надвигается осень. Все чаще идут дожди, холодно, сыро...

Мать оглядела своих помощников, вздохнула. Жалко ей ребят, но виду не подает. Вот и сейчас наказала строго:

— Ешьте — и ноги мыть! А то я нынче поглядела, у обоих подошвы, как напильники кузнеца Боргоя.

После ужина Карабаш налил в деревянное корыто горячей воды, сказал брату:

— Давай, парь ноги!

Койла попробовал воду, отдернул ногу.

— Горячо!

— Горячо, — передразнил его Карабаш, опуская ступни в корыто. — Терпи! Небось солдатам хуже приходится. А еще на фронт собираешься. Парь! За ночь ноги отойдут, станут, как резиновые. Будешь прыгать по камням и стерне, как козлик!..

— Ой, не могу! Больно! — продолжал стонать Койла. — Жалит, как тысяча иголок! Ой, не выдержу...

Карабаш придавил его колени и не давал вытащить ноги из корыта.

— Не ной! — разозлился он. — Не одному тебе больно.

А сам тоже кусал губы. Горячая вода обжигала потрескавшиеся ступни, проникала в трещинки и рвала их, как кусочками.

Потом боль поутихла. Но братья облегченно вздохнули, лишь когда принялись обтирать тряпками влажные ступни. Кожа с них сползала лоскутьями. Вода в корыте стала черной. Вылив ее во дворе, Карабаш и Койла отправились спать.

В ясные дни еще можно было спать на крыше. Лежать на мягкой овчине, чувствуя под ней хрустящую сенную труху, было одно удовольствие! Над головой нависало огромное бархатное небо с мерцающими в его черной глубине звездами. Братья любили подолгу смотреть в высоту и о чем-нибудь разговаривать. Недостигаемая даль ночного неба рождала в них неясные надежды и мечты о какой-то далекой от них интересной и увлекательной жизни...

Вот и сейчас Койла и Карабаш лежат на крыше и смотрят в небо. Под большим овчинным тулупом тепло и уютно. Ноги согрелись, и боль отступила окончательно. Ступни приятно зудят, а тело ощущает свежесть и чистоту.

За рекой чернеет лес. Тихонько бурлит на камнях вода, словно переговариваясь с ними. На нижнем краю сонно взбрехивают собаки. Тянет прогорклым дымком — это гаснет невдалеке чей-то костерок. Вот в глубине леса застонал, заухал филин, точно тяжелобольной человек, вслед донесся из темноты клекочущий, будто жалующийся на что-то крик ночной птицы — сочи.

— Слышал? — спрашивает Карабаша встрепенувшийся Койла.

— Слышал, — отвечает Карабаш. И говорит брату, что об этой птице есть легенда. Он ее слышал от бабушки.

В далекие времена в этих краях жила одна очень красивая девушка. С ней жил маленький брат и старые родители. Юрта их стояла на берегу прозрачного горного озера на горе Чаптыган. В те времена там было много разной живности, горы рдели от обильной спелой ягоды, многочисленный скот гулял на сочных травах. Но вот из-за перевала пришли в эти края жестокие завоеватели. Разорили, потоптали все здешние пастбища, а весь скот и родителей девушки угнали с собой. Девушка со своим братцем только потому спаслась, что береза укрыла их своими ветками. Остались они одни-одинешеньки во всем мире. Тогда на помощь им пришла гора Чаптыган. Она открыла им ущелья и поляны, где сохранилась

пища, а горное озеро превратилось в молочное и поило их своим молоком. Вырос брат девушки и отправился сражаться с врагами, чтобы отомстить за своих родителей и поруганную родину. А девушка осталась его ждать, но так и не дождалась. Видно, погиб ее брат от рук этих жестоких людей. Долго ждала его сестра, а потом превратилась в птицу и полетела искать брата. С тех пор она летает над горами Алтая и кричит, плачет во тьме, зовет его...

Карабаш умолк. Койла тоже долго молчал, а потом, вздохнув, сказал:

— Здорово! И кто же придумал такую красивую легенду?

Карабаш не ответил. Помнится, он спрашивал у бабушки, а та сказала, что слышала ее от своей бабушки.

Койла и Карабаш опять замолчали. Карабаш уставился на Млечный Путь, разглядывая каждую звездочку. Они то вспыхивали в вышине ярким светом, то опять погасали, точно звезды улетали куда-то, а затем вновь возвращались... Далеко-далеко тянулся Млечный Путь над горами, и его длинный, из мелких звездочек, хвост прятался где-то за перевалом.

Карабаш осторожно тронул за плечо Койлу.

— Ты знаешь, Койла, — сказал он, — мне так хочется куда-нибудь поехать! Далеко-далеко...

Койла, видимо, уже засыпал, потому что он что-то невнятно бормотнул, слотнул слюну и затих.

Карабаш лег на спину, посмотрел еще немного в небо и закрыл глаза...

Утром они выгнали телят на лужайку за рекой, а потом побежали завтракать. Матери дома не было. Братья удивились. Вдруг они услышали громкий рев во дворе, будто там объявилось целое стадо. Выскочив из аила, братья так и поразинули рты. И в самом деле, в их пригончике, во дворе, бурлила и толкалась, шарахаясь из стороны в сторону, баранья отара. Мать устало подпирала воротца загона жердью.

— Вот, — сказала она, увидав сыновей. — Кроме телят, еще и этих будете пасти. И учтите, этот скот породистый! Не вороти нос, тощий чертенок! — крикнула она Койле. — Раз правление решило, так и будет. И смотрите мне! Если хоть один баран пропадет, нам не в жизнь не рассчитаться! Он стоит столько денег, сколько у вас обоих волос на голове! Их в конце осени подпустят к овцам, а пока будете пасти...

Мать ушла в аил готовить завтрак, а ребята подошли к изгороди. Бараны и вправду были один краше другого. Мощные, крутобокие, с изогнутыми сильными рогами, они

угрюмо уставились на голопузых братьев. И до того свирепые — страсть! Один вдруг разогнался и так саданул рогами в жердь, что изгородь зашаталась. Карабаш и Койла с испугу кинулись в разные стороны и уже издали стали разглядывать баранов. Двое, став друг против друга, наклонили головы, уткнувшись мордами почти в самую землю. «Водаться будут», — догадались братья. Противники стояли, грозно сопя и разглядывая друг друга налитыми кровью глазами, а потом — р-раз! — с жутким треском сшиблись рогами. Замерли на месте, словно набираясь сил, и вдруг один из них с такой мощью пошел на противника, что тот заскользил по траве и заблеял от страха, но тут же гневно кинулся на обидчика.

Койла только присвистнул.

— Э-это да-а! Это тебе не телята. Как же, справишься с такой скотиной...

— Послушай, Койла, — вкрадчиво сказал Карабаш. — А что, если на таком покататься? Как думаешь?

— Что ты! — с сомнением протянул Койла. — Такой баран так тебя тряхнет, костей не соберешь! Правда, можно попробовать...

Но тут их позвала мать.

— Эй вы! Долго мне вас ждать? Идите ешьте. И не теряйте времени! Да вы хоть помыли свои физиономии? А то они у вас, как у шамана Телекпея. Быстро, быстро за стол!..

Братья не заставили себя упрашивать. На низком столике уже дымился запеченный картофель, в пиалах белел чегень. А мать еще гремела какими-то кувшинами, чугунками, чайником. Они быстро поели и выскочили на улицу.

Проводив сыновей, мать Карабаша заспешила на ферму. Выйдя из аила, она увидела бабушку Содоной, которая, закинув на плечо литовку, неспешно брела по тропинке мимо их двора. Мать Карабаша почтительно ей поклонилась.

— Далеко собралась, мать Борота? — спросила она.

— Да остался у меня небольшой клин, — ответила та, останавливаясь. — Решила докосить. Нынче видела, как твои пастухи погнали валухов за реку, вот и подумала: как бы не загнали на мою делянку. Потопчут все...

Мать Карабаша не любила, когда посторонние ругали ее сыновей, но в этот раз промолчала. Бабка Содоной была тихая старушка и очень суеверная, она никогда не кипела и не злословила, как бабка Кабайчи, поэтому мать Карабаша относилась к ней уважительно.

Матери Карабаша тоже была выделена колхозом делянка, но она так ни разу и не добралась до нее. Все было некогда.

Но сегодня, покончив со своими делами на ферме, мать Карабаша решила пойти покосить, а заодно и посмотреть, как там ее сыновья справляются с баранами. Трудно все-таки мальчишкам...

Солнце еще не добралось до зенита, и время у матери Карабаша было: соль для телят она еще с вечера натаскала на ферму, особых дел за ней не числилось. Надо, конечно, покосить, а то травы на ее делянке перестоятся и пожухнут, пока она, наконец, соберется. Захватив литовку, мать Карабаша поспешила на покос. Делянка была на опушке березовой рощи. Перейдя речку по камням, мать Карабаша посмотрела из-под ладони на лужайку, где мирно паслись телята. Но ребят нигде не было видно. Не было тут и вверенного сыновьям стада баранов. Наверное, ребята отогнали его подальше от реки, чтобы бараны не забрались в мелколистный кустарник, где могли бы растеряться, и мать Карабаша про себя даже похвалила сыновей за сообразительность. Конечно, нужно было посмотреть, где они тут носятся, но мать Карабаша решила сделать это на обратном пути.

Едва направившись к березовой роще, она вдруг остановилась. Навстречу бежала бабушка Содоной. Мать Карабаша очень удивилась, потому что давно не видела, чтобы бабка Содоной так бегала. Платок Содоной сбился с головы, литовку она волочила по земле, держа ее за косовище, и по дороге лезвие обрезало чахлые кучки выщипанной травы и задубевших цветов. На лбу бабки блестел пот, она задыхалась и испуганно вскрикивала, все время оглядываясь назад.

Что могло так испугать бабушку Содоной?

Бросив литовку на траву, мать Карабаша кинулась ей навстречу.

— Что с вами, мать Борота? Что случилось?

Увидев ее, бабка Содоной как бы очнулась и без сил опустилась на траву. Покачав головой, она устало махнула рукой в сторону рощи.

— О, всевышний бурхан! — едва переводя дух, забормотала она. — Чуть сердце мое из груди не выскочило... Думала, помру прямо там, на покосе. Так прихватило! Ой, худо мне, худо...

Мать Карабаша затеребила ее.

— Да что хоть случилось? Скажите!

— Хочешь верь, хочешь нет, а видела я такое, что не пожелаю и неверующему! — заспешила бабушка Содоной.

— Уж не на бандита ли наткнулась?

— Да лучше с бандитом встретиться, чем с нечистой силой! — с отчаянием выдохнула бабка Содоной. Успоко-

ившись немного, она стала рассказывать: — Знаешь это болото, в которое лошадь Кудачи черти затащили? Помнишь?.. Только я вышла из леса к этому самому месту, как вдруг затрещат кусты, как закричит кто-то не своим голосом — и прямо на меня вылетело оттуда какое-то чудище! Сверху — все белое, что твоя спина, а снизу — поросшее черным волосом! Поначалу показалось мне, что это какая-то скотина. Но уж больно оно визжало, это существо... Такого голоса не может быть у скотины! И помчалось к перевалу Эм-Су, да там и скрылось. Тут я сразу сообразила: луна-то в ущерб пошла, вот черти среди белого дня и появляются... Уж как я бежала, как бежала!..

Бабка Содоной обтерла с лица пот и опять запричитала, точно свою смерть близко увидела. Мать Карабаша, уставясь на нее долгим взглядом, опечаленно покачала головой: не иначе, как старуха с ума сходит! И стала ее успокаивать:

— Верно, верно, мать Борота. Это вы правильно сказали. От луны все это. Только дневные черти, насколько мне известно, ничего худого человеку сделать не могут. У них сила для этого нет. Только и всех забот у них — скот поугаты!..

— А я говорю: не к добру это! Не к добру! — упрямо твердила старуха.

Мать Карабаша, поддерживая ее, помогла встать и повела к дому. О косье уже и помышлять было нечего! Бабка Содоной вся тряслась и так обессилела от бег, что едва передвигала ноги.

Когда мать Карабаша, поглядывая на кусты тальника у речки, нахваливала сыновей, не разглядела одного: все бараны были там, в кустах. Как только солнце поднялось повыше и начал томить дневной жар, они позабавались в кусты, и никакими силами их вытащить оттуда было невозможно. Вот тогда Карабаш и решил осуществить задуманное. Выбрав самого крупного черного барана и ухватив его за рога, они с Койлой вытащили его на поляну. Чтобы не порвать штаны, Карабаш снял их и повесил на ветку. Пока Койла держал барана за рога, Карабаш мигом оседлал его, а Койла отбежал в сторону. Баран долго скакал, брыкался, пытаясь сбросить с себя неожиданную тяжесть, а потом вдруг рванул в заросли и, хрипя, понес Карабаша сквозь кусты, ломая ветки и обрывая листву, промчался мимо болота, к которому приближалась бабушка Содоной, и только у большого оврага стал вдруг как вкопанный, жалко заблеяв, а Карабаш, не удержавшись, перелетел через его голову и покатился вниз по склону.

Как только баран исчез в кустах, Койла стал вслушивать-

ся. Скоро из тальниковых кустов донесся до него крик Карабаша, а потом все стихло. Тут уж Койла не выдержал, заголосил:

— Ой, беда! Ой, беда! Помогите! Баран утащил моего брата!..

Вскоре раздался шум, и на поляну выбежал баран-рысак без всадника, не менее напуганный, чем Койла, и забился в самую середину стада. Койла с плачем кинулся в глубину леса, сорвав по пути с ветки штаны Карабаша. Путь беглецов был хорошо замечен, и Койла быстро добрался до оврага, на дне которого недвижно лежал оглушенный падением Карабаш. Койла, увидя распластавшееся на земле тело брата, завопил:

— О-ой, братец! Убили Карабаша! Дьо-оо-о! Что мне делать теперь?..

Карабаш приподнял голову, выплюнул набившуюся в рот траву и землю и крикнул ему:

— Да замолчи ты! Ну, чего раскричался? Эка важность — с барана свалился... Тьфу!

Койла замолчал, но коленки его все еще тряслись от страха. Он осторожно спустился в овраг к Карабашу и продолжал хныкать, поглядывая на брата круглыми глазенками, в которых застыли крупные слезы.

— Не надо, братец, не катайся больше на баране, ладно?

Карабаш молча добрал до ручья, бежавшего по дну оврага, и начал смывать с себя черную липкую грязь.

Утром, едва Карабаш и Койла слезли с крыши, оставив свои теплые овчины, мать, заваривая чай маслом и толокном, весело им крикнула:

— Эй, пастухи! Я сегодня выходная, сама присмотрю за телятами и баранами. Сходите-ка в лес за орехами или на речку... Ваше дело!

Карабаш так и подскочил на месте.

— На рыбалку пойдем! На рыбалку!

— Давно я не пробовал жареной рыбки, — поддержал его и Койла.

— Ладно, — улыбаясь, сказала мать. — Садитесь завтракать. Только вот что — услуга за услугу, — она хитро сощурилась. — Вчера бабка Содонной примчалась с покосов, как сумасшедшая. Черти ей привиделись! Только эти черти почему-то сидели верхом на какой-то скотине. Я уж не такая глупая, чтобы не догадаться, что это мои любезные сыночки уст-

роили себе удовольствие. Катались на баранах? Ну, говорите, — прощупывала мать.

Койла и Карабаш уткнулись носами в чашки и боялись поднять на нее глаза. На всякий случай Карабаш из-под стола показал Койле кулак, чтобы тот не вздумал проболтаться. А что? Выведает мать, чего доброго, и прощай рыбалка и все остальное!..

— Так, так, — поглядывая на них, сказала мать. — Смотрите, дьяволята! Я и так узнаю. Обезженного барана в стадо к овечкам непустишь. Такого сразу видно. А за него не хватит и нашей коровенки, чтобы расплатиться!

Койла сморщился с целью разрыдаться, но Карабаш ткнул его кулаком в бок, и тот, ойкнув, промолчал. А Карабаш степенно сказал:

— Эта бабка Содоней ни одного дня без чертей прожить не может. В начале весны она видела тех, что пришли по душу покойной ее сестры. Потом привиделись ей черги верхом на быке Каланчи, а теперь — на баране!

— Верно, верно, — обрадовался Койла находчивости брата. — Все-то ей снится...

— Ладно, — засмеялась мать. — Словом, я вас предупредила. Помогите мне отогнать телят и баранов на пастбище, а там — хоть на все четыре стороны!..

Братья помогли матери и вернулись домой. Карабаш распорядился:

— Иди зови Баську-заику. Скажи, что на рыбалку с нами идет Барамаш.

— А ты откуда знаешь? — удивился Койла. — Ты разве с Барамашем договорился?

— Я и так знаю, что он пойдет. Вчера наша мать его пыштаком-творогом угостила, он теперь подобрел.

Койла побежал за Баськой, и вскоре они явились. Баськины кожаные штаны были подпоясаны конопляной веревкой, а через плечо висел огромный мешок. Карабаш посмотрел на него и рассмеялся.

— А побольше мешка ты не мог найти? У-у, жадина! Чем ты его только наполнишь?

Баська-заика не смутился. Шумно высморкавшись, он пояснил:

— Б-барамаш б-будет л-ловить. Он много л-ловит. Я этот мешок в кустах спрячу, и мы будем в него откладывать. А то потом с ним делись! Сам ведь знаешь.

Карабаш вспомнил свой дележ рыбы с Каракаем и ниче-

го не сказал Баське. А еще Баська задел его за живое: всем своим видом Баська дал понять, что он, Карабаш, не умеет ловить хариусов. И теперь им надо как-то ловчить, чтобы не остаться без рыбы. Нет, надо бы хорошенько попросить Барамаша, чтобы он его научил. Как-никак, они все же родственники по линии своих отцов. Но Барамашу, как видно, на это плевать...

Когда они втроем подходили к дому Барамаша, то увидели, что их опередил горожанин Степка. Барамаш, видно, еще завтракал, а Степка поджидал его на улице. Он сидел на чурке возле аила, а рядом с ним на земле стояла большая сумка. Койла взъярился:

— Нет, смотрите! Этот городской собрался отбить у нас Барамаша! — крикнул он. — А сумку-то какую приволок! В нее только рыбку кидать! Нет, его надо как-то отгнать... Я этого не потерплю!

— С-сумочка к-крас-сивая! — поддержал его Баська.

Карабаш покосился на Степку, но ничего не сказал. Оставив рыболовов на улице, он решительно шагнул через порог.

Вся семья Барамаша была в сборе. Старая бабка, покури-вая из длинной трубки, варила себе на женской половине чейдем¹. У очага сидели на корточках сестренки Барамаша. В котелке булькал молочный суп. Старший брат Барамаша, Озой, также был дома, приехал, видно, на денек из бригады. Насупившись, не обращая ни на кого внимания, он ждал, пока сварится суп. Сбоку от сестер пристроился у очага Барамаш. Он был в солдатских старых галифе, но без рубашки. Жарил для себя хариусов прямо на углях и откладывал их в большую деревянную миску. Запах жареной рыбы носился по всему аилу.

Карабаш поздоровался, но ему никто не ответил. Судя по всему, все исподтишка наблюдали за жарившейся рыбой, а Барамаш этим наслаждался. Первой нарушила молчание бабушка Барамаша. Налив себе чейдема, она укоризненно заметила:

— Вот подожди, придет осень, и вся твоя ловля кончится. Пропадут эти водяные твари! Тогда попросишь у своей старой бабки чейдема. Он тебе вкусней всего на свете покажется...

— Вот-вот! Скоро речка станет под лед, поглядим, чем он будет дальше питаться, — пищала младшая сестренка.

Барамаш даже ухом не повел. Бросив последнюю испек-

¹ Чейдем — чай с толоком.

шуюся рыбу в миску, он пошел на улицу поглядеть, кто просится к нему в напарники. Карабаш покорно поплелся следом. Баська-заика, Койла и Степка-горожанин подскочили к Барамашу.

— Барамаш, давай с тобой, а?

— Лучше меня возьми, Барамаш!

Потное лицо Барамаша расплылось в довольной улыбке: еще бы! Столько людей домогается его согласия на рыбалку.

— Вас что-то много, а я один, — надменно протянул он. — Надо подумать. Вот что я скажу: мне нужен крепкий помощник. А потому я устрою вам проверку. Каждого тресну как следует по затылку, кто выдержит, тот и пойдет со мной. Ну, согласны?

Ребята уныло замолчали. Но как отказаться? Прослышав на деревне трусом, уж об этом-то Барамаш побеспокоится...

Первым решился Степка-горожанин. Он подошел к Барамашу и повернулся к нему спиной. Барамаш поплевал на ладони, расставил ноги и, размахнувшись, шлепнул Степку по затылку. Степка как-то странно хрюкнул, сумка у него выпала из рук, и он ткнулся носом в землю. Все захотали.

— Не годится, — равнодушно пробормотал Барамаш. — Кто следующий? Да давайте побыстрей, некогда мне с вами тут...

Баська положил мешок рядом с собой на землю, согнулся, твердо уперев руки в колени: видно, решил выдержать экзамен. А Барамаш не спешил, растягивал удовольствие.

— Ну, бей же! — простонал Баська.

Барамаш ударил. Баська ойкнул, но устоял на ногах, только веревка, поддерживающая его штаны, треснула, и штаны соскользнули вниз. Но никто не засмеялся.

— У тебя тут непорядок, — заявил Барамаш, — а потому я имею право еще на удар.

Он деловито подтянул Баськины штаны, заставил его придерживать их руками и снова двинул его по затылку. Баська опрокинулся и взвыл.

— Вот... в-вот... — силился он что-то сказать, но у него ничего не получилось.

— И этот не годится, — спокойно определил Барамаш. — А еще взял такой большой мешок! Хоть бы постыдился. Жадность вас тянет на даровщинку, черти...

Теперь настала очередь Койлы. Он вызывающе встал перед Барамашем, выгнув дугой худую спину, на которой вы-

скочили бугорки острых лопаток. Койла как можно дальше вобрал голову в плечи и приготовился к удару.

— Этого паразита бить даже жалко, — нахмурился Барамаш. Но тут же грозно крикнул: — Чего шею втянул? Так не договаривались.

От удара Барамаша Койла подпрыгнул, как козленок, и завопил на всю округу:

— Ой, ой! Этот ненормальный чуть не сломал мне шею! Нет, глядите, люди, он убьет кого-нибудь, это точно!

Из аила слышался испуганный голос бабушки.

— У-уй! Ты что там делаешь с малышами, Барамаш? Отпусти их, окайнный!..

— Ладно. Не ваше дело! — огрызнулся Барамаш.

Карабаш шагнул вперед, отодвинув Койлу.

— Бей! — сказал он твердо, глядя Барамашу в глаза.

Барамаш с размаху ударил. Карабаш покачнулся, в голове у него зазвенело, но он не отступил ни на шаг. Барамаш рассердился и ударил еще раз.

Карабаш резко повернулся к нему и несколько секунд неотрывно смотрел в его наглую физиономию. Потом Карабаш бросило вперед, как распрямившуюся пружину.

— Я тебе покажу твою рыбу, негодник! — зарычал Карабаш, впившись в противника точно пиявка. — Ты узнаешь, как обижать честных людей!

Не успел Барамаш опомниться, как на него со всех сторон навалились ребятишки. Койла, не доверяя своим кулачкам, которые мелко барабанили по спине Барамаша, вцепился зубами в его ухо. Баська-заика яростно щипал Барамаша за живот, а Степка из-за спины Карабаша лягал его ногами.

Сначала Барамаш пытался с ними бороться, сопел, ворочался под ними, как кабан. Но когда Койла впился в его ухо, завизжал, упал на четвереньки и пополз, волоча на себе всю армаду, к аилу.

У самого порога Барамаш еле отбилсЯ от наседавших на него ребятишек и скрылся в сених.

Ребята, тяжело дыша, подобрали мешки и поплелись со двора. Победа не принесла им радости: рыбалка сорвалась.

Карабаш и Койла уныло направились к дому. Из-за этого проклятого Барамаша у них пропал «выходной день»...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Бабушка Содонной потихоньку, как мышка, сновала от юрты к юрте. Она что-то нашептывала старикам и старушкам, и те согласно кивали в ответ. Вся деревня засуетилась.

Карабаш и Койла пристали к матери:

— Мам, а, мам? А что такое случилось?

Но мать не успела им ответить, как в дверь просунулась голова бабушки Содоной.

— Готовься, милая, — зашептала бабка и испуганно оглянувшись, остерегаясь, видимо, чтобы ее кто-нибудь не услышал. — Люди из сельсовета все уехали в аймак. У них там собрание. А наши старики говорят, что нужно отслужить молебен батюшке Алтаю. Луна совсем ушла на ущерб, и пора просить у хана Алтая благословения. Так что готовься. Твой муженек тоже воюет, и надо, чтобы духи поддержали его...

Вся деревня зашевелилась, как потревоженный улей. Срочно извлеклась из тайных закровов упрятанная на торжественный случай арака, и вскоре все семьи потянулись к аилу бабушки Содоной. Там уже суетились дед Саламчи с дедом Токмаем. Они еще с утра зарезали единственного барашка бабки Содоной и теперь возились с его тушей у очага. На огне бурлил казан, в котором вываривались лучшие куски. Аил бабки Содоной был набит битком. Самых шустрых и востроглазых ребятишек отправили на ближайшие отроги следить за тем, чтобы они предупредили деревню, если появится кто из «посторонних» или проезжих.

Дед Саламчи и Токмай выловили сварившиеся куски баранины и сложили их в отдельную чашку. Женщины, теснившиеся в юрте, держали свои посудины с аракой. Потом принесли в ташаурах¹ родниковую воду с одной из окрестных гор — и все было готово.

Священная гора, выбранная для молебна, высилась неподалеку. Женщинам на нее подниматься не полагалось, но они, оставаясь в аиле бабки Содоной, волновались не меньше, чем те, кому предстоял путь. Самым главным во всей этой церемонии был дед Саламчи. На него надели высокую мерлушковую папаху, украшенную белыми лентами. Вскоре торжественная процессия потянулась из деревни. Впереди шел дед Саламчи, за ним — Токмай с чашкой баранины, потом старики, парни, а позади толкалась ребятня.

Подниматься в гору было нелегко, и дед Саламчи в своем облачении вспотел. Он часто останавливался и сурово озирал свою паству. Все у него вызывало раздражение.

— Ах, якрий! Сколько детей, сколько шуму! — ругался он. — Тише вы, чумазы! Даже собаки за ними бегут. Эй, дети, гоните прочь собак! Им нельзя, не положено...

¹ Ташаур — алтайская посуда, имеющая форму кувшина.

Дед Токмай, как второе лицо в этой церемонии, тащил с собой еще и казанок, чтобы в конце молебна по обычаю приготовить священный чейдем. Как дед Саламчи не сердился, шум не утихал. Любопытные мальчишки трещали, как растревоженные галки. Особенно их волновало, что будут делать с мясом, которое держал при себе дед Токмай.

— У-уй! — переговаривались они. — Неужели всю баранину скормят богу? А так хочется попробовать! Слышь, Барамаш? Ты давно не ел мяса?

Мальчишки путались под ногами хуже шелудивых собачонок. Они то и дело вырывались вперед или сновали сбоку, и это окончательно выводило из себя деда Саламчи. Изловчившись, он раздавал шлепки бесстыдной ораве и ворчал:

— И что за дети пошли нынче? Галдят, как утиный выводок! Никакого уважения к старшим, к обычаям!

Вскоре одолели перевал. На его вершине росли высокие березы и ели. Тут было попрохладнее. Дед Саламчи облегченно вздохнул. Идти теперь стало легче. Потом он остановил всех и пошел выбирать площадку для молебна. В гуще деревьев заливалась, распевала птица сары-торко¹, но едва раздался шум людских голосов и движения, она затихла. Свежий ветерок обдувал разгоряченные лица.

Дед Саламчи выбрал поляну и отдавал распоряжения. Ребята по его приказу натаскали сушняка и разожгли костер. Пастух Салаты вместе со взрослым парнем Бакпысом принялись варить священный чейдем. Потом они сплели из конского волоса длинную веревку, закрепив в ней белые ленточки, которые им в деревне передали женщины — каждая столько, сколько членов было в ее семье. Забравшись на деревья, Салаты и Бакпыс натянули веревку между двух берез. Потом все ушли с поляны, и на ней остался только самый старый человек в их деревне, дед Штоп. Присев на дрожащие ноги, он долго разговаривал один на один с горными духами и, наконец, объявил, что пора начинать молебен.

Все выстроились лицом к веревке с белыми ленточками. Дед Саламчи стоял с чашей с мясом в одной руке и с полной пиалой араки в другой. По обеим сторонам от него — дед Штоп и заклинатель дед Токмай. Наступила самая торжественная минута. Все затаили дыхание. Дед Саламчи оглядел притихшую шеренгу и кивнул Токмаю:

— Ну, начинай.

Токмай выступил чуть вперед, обратив взгляд к самым высоким вершинам и подняв руки, затянул нараспев:

¹ Сары-торко — разновидность соловья на Алтае.

Ты в бурных реках,
Ты в могучих горах.
При свете солнца весь из золота ты,
При свете луны, как серебряный ты,
О, наш могучий Алтай,
Священный Алтай!..

— Чё-ёк! — твердо и громко подхватил за ним дед Саламчи. Он взял деревянную ложку, зачерпнул араки и побрызгал в сторону горы Адаган. Потом захватил горсть мелко нарезанной баранины и кинул ее в том же направлении.

— Чёк! Чёк! Чё-ёк! — подхватила вся шеренга слова деда Саламчи и трижды поклонилась в сторону дальних гор.

Токмай, выждав, пока все это свершится, опять распротер руки и снова затянул:

Пусть деревья твои пребудут в вечной зелени,
Пусть реки твои бегут вечно чистыми!
Наши предки спят вечным сном на твоей земле,
Пусть души их пребудут в вечном покое,
О, наш могучий Алтай!..
Священный Алтай!..

Стараясь не отстать от других, Карабаш выскочил раньше всех:

— Чё-ёк!

Дед Саламчи с таким грозным видом оглянулся на него, что Карабаш почувствовал, как у него похолодела спина. От волнения, что не успеет со всеми произнести заветное слово, Баська заикался больше, и всякий раз его тоненький голосок прерывался в тот момент, когда наступала тишина.

— Ч-ч-ч-ч-ёк! — вскрикивал бедняга, как молодой петушок. Дед Саламчи, несмотря на священнодействие, не удержался и громко сплюнул в возмущении. Парни так и прыгнули сзади. Карабаш зашептал Баське на ухо:

— Да ты не так, Баська! Дед Токмай только начнет, и ты уже начинай про себя. Шепотом! Вот и успеешь со всеми. А не то тебе чейдема не дадут.

Баська благодарно кивнул Карабашу. А дед Токмай продолжал:

Весь в белых туманах,
О наш отец, Адаган-гора!
Отмывшая нашу жесткую кожу,
О, наша мать, Катунь-река!..

Тут дед Токмай запнулся, ему не хватило воздуха, он шумно вобрал его в себя, расширив грудь, и...

— Чё-ёк! — петушиным фальцетом выкрикнул Баська.

Дед Саламчи крикнул, потом схватил деревянную ложку и запустил в Баську. Но та по пути щелкнула деда Штопа по затылку. Вся шеренга, не в силах сдержаться, содрогнулась от хохота. А глуховатый дед Штоп потер макушку, осмотрелся недоуменно и тихо сказал деду Токмаю:

— Что-то нынче кедровые шишки рано созрели. Уже с дерева падают!

Дальнейший порядок молебствия нарушился. Дед Токмай прогудел еще несколько слов, но молодежь уже не слушала его. Дед Саламчи с досадой махнул рукой, и все направились к костру, где уже кипел в казанке чейдем. Взрослые расселись вокруг костра, а ребятня спрудилась за их спинами. Сары-торко тут же снова рассыпали свои трели.

Баранина из чашки досталась только старикам. Араку в основном тоже пили они, но кое-что перепало и парням. Пастух Салаты принялся разливать детям чейдем. Карабашу он едва плеснул в чашку, а Баське-заике вовсе ничего не дал. Ребятишки потягивали чейдем и восторгались:

— Уй! Какой божий чейдем вку-сный!

А сами вожделенно косились на мясо, которое уплетали старики. Баська-заика стоял в сторонке весь в слезах. Карабашу его стало жалко. Ему самому чейдема досталось только-только облизнуться. Он незаметно подошел к Баське и, наклонясь к его уху, прошептал.

— Не горюй! Знаешь, что я придумал? Пойдем поищем куски баранины, которые дед Саламчи раскидал по поляне во время моления.

Баська уставился на него испуганными глазами.

— А что, е-если б-бог нас накажет?

— Э-э, дурак ты, Баська, больше никто! — засмеялся Карабаш. — Я все видел! Думаешь, дед Саламчи туда лучшие куски бросил? Как бы не так! Одни косточки и сухожилия, но что-то бог его не наказал. А?

Баська все еще сомневался, но, покосившись на костер, сглотнул слюну.

— Если так, я не против...

Они незаметно отошли в сторону, а потом побежали на поляну, где дед Саламчи разбросал жертвенное мясо. Мясо упало недалеко, и обнаружить его в траве было не так уж трудно. Баська и Карабаш ползали по траве, выхватывая куски, и поспешно заталкивали в рот.

— К-Карабаш, а я уже наелся! — сообщил Баська.

Никем не замеченные, они вернулись к костру. Старички уже запьянели, пытались что-то объяснять друг другу, но руки их безвольно падали на колени, а подбородки тыкались в грудь. Престарелый дед Штоп спал. Салаты и Бакпыс пьяно переругивались. Воспользовавшись этим, детвора доедала чейдем прямо из казанка.

Наконец, дед Саламчи поднялся на ноги. Прихватив один ташаур, который он оберегал как зеницу ока, дед велел идти всем в деревню. Араку он нес для женщин, ожидавших их в аиле бабки Содоной.

Обратно шли вразброд. Некоторые старики уже не держались на ногах и валялись в кусты, откуда их с шутками и смехом вытаскивали мальчишки. Салаты и Бакпыс плелись последними, отчаянно ругаясь.

Женщины в аиле бабки Содоной жаждали мужчин и обрадовались, когда те, наконец, появились. Чай уже был готов, поэтому старички сначала выпили горячего чайку и только уж тогда достали освященную араку. Женщины потянулись к ней со своими чочойками. Они передавали чочойки самому старшему, деду Штопу, чтоб тот по обычаю пригубил первым, но Штоп уже не ворочал языком и не в силах был держать чочойку, поэтому дед Саламчи взял его обязанности на себя. Отпив немного, он возвращал посуду женщинам. Салаты с Бакпысом сидели на мужской половине и все еще спорили.

Вдруг Салаты зарычал, как раненый пес, и навалился на Бакпыса. Салаты был тяжел и грузен и тут же подмял под себя худощавого Бакпыса. Ребятишки с визгом кинулись вон из аила, а женщины, испугавшись, что Бакпысу пришел конец, наперебой заголосили. Но тот вдруг ловко вывернулся из-под пьяного пастуха, подскочил к нему сзади и, обхватив за поясицу, оторвал от земли. Отдуваясь, Бакпыс покрутил-ся по аилу, не зная, что делать с этим грузом, и вдруг, крикнув, усадил его на горячий таган на очаге. Салаты заревел, как бык. Он попытался приподняться, но зубцы тагана словно приварились к его кожаным штанам. Общий вопль сотряс аил бабки Содоной:

— Сгорит! Живьем сгорит!

Дед Саламчи первым пришел в себя. Он изо всех сил толкнул Салаты в спину ногой, а тот вместе с таганом свалился с очага. Запахло опаленной кожей. Все кричали, стараясь оторвать раскаленный таган от зада Салаты, и в эту самую минуту вбежал один из дозорных.

— Уй, уй! — кричал он. — На нижний край приехал какой-то человек верхом!

Шум мгновенно стих, и все с испугом уставились на прибежавшего мальчишку.

— Какой он из себя? Русский, алтаец? — допытывался дед Саламчи.

— Да, такой... конь каурый, а сам рыжий, — едва переводя дыхание после бега, ответил тот. — Спросил, где контора...

— С ружьем? — спрашивал дед Саламчи.

— С ружьем, — отвечал посланец. — И у ружья два ствола!

— Все ясно, — сказал дед Саламчи и, вынув изо рта трубку, сплюнул на пол. — Если с ружьем, то это Митишка. Агит по налогу...

Все успокоились, но аил бабки Содоной стал потихоньку пустеть.

На другой день из района примчался Тырышпаков. Вид его не предвещал ничего хорошего. Видно, в аймаке ему здорово нагорело за что-то.

Председателя Тырышпакова в деревне уважали и побаивались. Уважали его люди за то, что старался Тырышпаков ради всех. Но за долгие годы тяжкого военного лихолетья до того они надорвались, что даже самые сознательные были рады любой минуте передышки.

Поутру Тырышпаков уходил из дому, не успев позавтракать. Оседлав колхозного жеребца, он сразу чуял, куда его направить. Точно у него был на это, как утверждал пастух Салаты, особый нюх.

Наметом промчавшись по деревне, жеребец Тырышпакова останавливался у какого-нибудь аила. Роняя слюну, жеребец храпел, нетерпеливо перебирал ногами. А Тырышпаков, багровея, зычно орал:

— Кызна-ак!

Простоволосая Кызнак, как ошалелая, вылетала на улицу. Ее испуганные глаза застывали на лице председателя. А Тырышпаков тыкал вверх кнутовищем.

— А ну, подними голову! Солнце тебе ни о чем не говорит? А? — спрашивал он.

Кызнак торопливо накидывала и повязывала на голову косынку.

— Сейчас, сейчас, председатель, — чистила она. — Чашку чая выпью и бегу в бригаду! Честное слово, председатель!

— Тут она смотрела на небо, потому что Тырышпаков все еще не опускал кнутовище, и хваталась за голову. — Ой!

Калак! Солнце уже на вершок поднялось! И как это я закрутилась? Сейчас, сейчас, — и снова исчезала в аиле, как сурок в норке.

Тырышпаков, огрев танцующего жеребца плетью, пуще прежнего наливался кровью, и его крик взмывал снова:

— Кызна-ак!..

О «религиозном» происшествии Тырышпаков узнал от ребятшек. Это была единственная публика в деревне, которая совсем не боялась председателя и могла выложить ему, как на духу, все свои обиды и новости, а иногда и недовольство. Тырышпаков жалел проказливую ребятню.

Первым делом, горяча коня, Тырышпаков помчался к аилу бабки Содонной, но никого не застал. Хитрая Содонная еще до восхода солнца отправилась на свой покос в березовой роще.

Тогда Тырышпаков метнулся к дому пастуха Салаты. Бедный пастух встретил председателя стоя на четвереньках, выставив к нему обвязанный зад. Когда Тырышпаков вошел в аил, Салаты посмотрел на него страдальческими глазами. Даже видавший виды Тырышпаков опешил.

— Что это с вами? — удивился он.

У Салаты от испуга округлились глаза. Однако он не растерялся:

— Чирьи, башлык,¹ замучили, — заныл пастух Салаты. — Сам знаешь, какая у меня должность. День и ночь ездишь за общественным скотом. Вот теперь и мучаюсь...

Тырышпаков обошел Салаты со всех сторон, разглядывая, и не выдержал — расхохотался. Но потом рассвирепел.

— Та-ак... Чирьи замучили? Сдается мне, только чирьи эти другого происхождения! Тут еще где-то штаны должны лежать со следами твоей «мученической» работы! — насмешливо сказал он. — Но к больным Советская власть санкций никогда не применяла. Выздоровливай! Выздоровеешь — ответишь мне лично за всю эту контрреволюцию, которую без меня развели! Запомни это!..

Потом Тырышпаков поскакал к юрте деда Токмая. Через десять секунд старый закинателъ, еще не отойдя от вчерашних возлияний, рысцой трусил в сторону Нижнего лога к лесопилке. Председатель только и успел прокричать ему вдогонку, что если к концу недели не будут покрыты корьем кошары, он отдаст Токмая под трибунал. Охая и стеная, дед Токмай летел до лесопилки без остановки, проклиная деда Саламчи и бабушку Содонной за их «мероприятие».

¹ Башлык — начальник, председатель

После всего этого Тырышпаков умчался по бригадам. Девня словно почувяла, что страшное осталось позади. Старики, забывшиеся по аилам, как степные суслики в норы, по-вылазили наружу, уселись на завалянках, греясь на солнышке, облегченно задышали, загомонили. Но на душе у всех было смутно. Старики по опыту знали, что общей проработки не миновать. Так оно и случилось. Не наступил еще обеденный час, как с крыльца конторы, что стояла на отшибе деревни, послышался визгливый крик учетчика Кеземова:

— Эге-е-ей! Все на собрание! Слыши-ите меня-я-а? Скорее-ей, а то Тырышпаков уже сердит-ится! Ох, и даст он вам! Увиди-ите! — выдавал повестку дня Кеземов.

Сельчане не стали задерживаться, и контора колхоза быстро наполнилась народом.

Тырышпаков, ожидая, пока все соберутся, крупными шагами вымерял контору, точно лев в клетке. Старики боялись смотреть в его сторону, усердно дымили и отводили глаза подальше. Колхозный счетовод, старший брат Максы, избразив на лице крайнюю озабоченность, занимался какими-то расчетами. Костяшки счетов так и прыгали под его пальцами. Чей-то вкрадчивый голос польстил:

— Надо же! Столькими тысячами в голове ворочает!..

Бригадиры, оседлав скамейки, будто своих замызганных коней, быстренько подсчитывали в уме, как у кого выполнена дневная норма. Учетчик Кеземов для внушительности собрания согнал и ребятишек, принимавших участие в колхозных работах. Те робко заполнили комнату. Дед Штоп и Саламчи восседали впереди всех, и лица у них были самые что ни на есть смиренные и благочинные. Ожидали деда Токмая, но его все еще не было. Обведя взглядом собравшихся, Тырышпаков заметил у дверей Койлу и Карабаша. Карабаш замер. Неужто председатель о нем что-то узнал?

— Эй вы, телячьи командиры! — крикнул Тырышпаков. — А ну, слетайте к деду Токмаю! Он что, за суточную норму теперь взялся? Гоните его с лесопилки!

Карабаш и Койла мигом выскочили за дверь. Поразмыслив немного, они побежали прямо домой к Токмаю. Время было обеденное, и вряд ли дед задержался на лесопилке.

Дед Токмай сидел за столом и терпеливо ожидал, когда жена подаст ему варево. Баланка, дородная сильная женщина, возилась с чугунками у печки. За работу, за силу и смекалку в крестьянском труде Баланку уважала вся деревня. Но вот что касалось домашнего хозяйства и стряпни, то тут она была полная нерадеха. Токмай как-то с этим мирился.

Во всяком случае, более покладистого мужа в этом смысле деревня не знала.

Едва Карабаш и Койла переступили порог, Баланка, вытащив из печи чугунок с картошкой, полезла было за ложкой на полочку и опрокинула чугунок. Звон пошел по избе, будто рухнула где-то железная эстакада.

— Не торопись, Баланка, не торопись, — спокойно сказал дед Токмай, не обратив на это внимания. — Собрание от нас не убежит... А вы чего, пострелы? Случаем, не по этому поводу? Тырышкаков послал? — догадался он.

Баланка живо обернулась к ребятам, и в тот же момент ложка, которую она искала, с хрустом рассыпалась у нее под ногами.

— Ах на меня! Ах, какая была ложка! Как же это я? — всплеснула руками Баланка.

Дед Токмай даже не поморщился.

— Спокойно, Баланка, спокойно... Вон веник в углу, замети.

Однако Баланка даже не успела ему ответить: в зеве печки что-то зашипело, заурчало, и оттуда с такой силой вырвался пар и дым, что в избе сразу потемнело, точно наступило затмение солнца. Баланка кинулась к печке.

Сидевший за столом Токмай исчез в этом дыму. Но из мрака зазвучал все тот же спокойный голос:

— Что еще там случилось, Баланка?

— А чугунок с чаем опрокинулся! Криво, что ль, стоял? — теперь уже с вызовом заговорила Баланка. Видимо, она почувствовала, что и терпению мужа может придти конец. Но дед Токмай ничего не ответил.

Баланка засуетилась у печки. И только дед Токмай собрался обратить свой взгляд на ребят, как послышался вторичный грохот и треск бьющейся посуды.

— Выходит, ты еще что-то раздавила, Баланка, — спокойно констатировал голос деда Токмая.

— Выходит! Чашку твою деревянную кокнула. Вот что! — почти со злорадством объявила Баланка. Наверное, она и сама разозлилась, что у нее все валится из рук. Но тут дед Токмай и в самом деле не выдержал.

— Черт наградил меня такой бабой! — завопил он. — Ну, как с нею жить? Нет, как хотите! А я удавлюсь или повешусь. Нет у меня больше мочи!

Но Баланку это только еще больше раззадорило.

— Плохая жена грозит умерить мужа голодом, а плохой муж — доконать жену самоубийством, — ловко ввернула она.

Они еще покричали, но потом дед Токмай стал успокаиваться. Видно, сытный запах кёчё¹ усмирил его.

Баланка приготовилась снимать кёчё с огня, но в разгроме у печки никак не могла найти тряпку, тогда она подхватила чугунок подолом и понесла его к столу.

Прежде чем случилось все остальное, Карабаш и Койла уже увидели, что дед Токмай начал непроизвольно подниматься из-за стола, странно вылупив на жену глаза и полуоткрыв рот, чтобы о чем-то предупредить ее. Но было уже поздно. Не сделав и двух шагов, Баланка запнулась, кёчё плеснулось ей на руки, и она, закричав «Оп-поп-ой!», швырнула чугунок на стол.

Токмай вскрикнул, как безумный, отряхиваясь от обжигающего кёчё, и вылетел на улицу, едва не сбив с ног застывших у порога мальчишек. Быстрее молнии они рванулись за ним, а сзади летела, размахивая руками, Баланка и блажила на всю улицу:

— И чтоб вам, чертенятам, тошно стало! Без Баланки и Токмая собрание не состоится, что ли? И чего вы людей торопите?!

Запыхавшиеся, Карабаш и Койла прибежали в контору правления. Собрание шло полным ходом. В их отсутствие были решены уже все деловые вопросы, и теперь переходили к главному. Председательствовал Кеземов.

Увидев возвратившихся посыльных, он удивленно спросил:

— Где Токмай? А Баланка?

— У Баланки чугунок с кёчё разбился. Она на собрание не придет, — отчеканил Карабаш.

Старики одобрительно качнули головами. Им понравился четкий ответ мальчишки.

— А Токмай? — не унимался Кеземов.

— Токмай вешаться побежал. Он сейчас в кошаре дяди Карабая. Наверное, уже висит на веревке, — также твердо, по-военному, отпортовал Карабаш, чувствуя свою ответственность перед собранием.

— Что, что? — прошептал Кеземов.

Но тут грохот общего смеха покрыл его слова. Даже Тырышпаков уткнулся в ладони, и плечи его затряслись, как в лихорадке. Старики и старухи вздрагивали, прикрывая рот ладошками, а парни и девки громко гоготали. Тут же посыпались замечания:

— Ну, раз дед Токмай остался без кёчё, быть Баланке вдовой! Он этого не переживет!

¹ Кёчё — суп с перловой крупой.

— Разве это семейная жизнь?

— Знаем мы их! Токмай поорет в кошаре, Баланка заплачется у дверей, и все пойдет по-прежнему. Не в первый раз!

— Граждане! — испуганно возвестил Кеземов. — Может, человек и в самом деле повесился?

Новый взрыв хохота перечеркнул его слова. Кеземов досадливо махнул рукой и сел.

Карабаш продолжал стоять навтыяжку, чувствуя себя героем дня. Но тут какой-то вьедливый старичок продрезжал:

— Эй, малец! Это не ты ли объезжаешь баранов-производителей?

Карабаш весь похолодел и с ужасом уставился на Тырышпакова. Тот продолжал смеяться. Дед Саламчи уже сидел возле него и что-то нашептывал прямо в ухо. Карабаш горестно подумал: видно, старикам выгодно, чтобы их вопрос на собрании подзабыли, вот и стараются.

Но Карабаш уже попал на зубок, и вокруг начали шушукаться, а парни весело подсмеивались:

— Скажи-ка, малый, а что, баран лучше иноходца, а?

— Ох-хо, — вздохнул какой-то старичок. — Ну и дела!..

Тырышпаков поднял голову и нахмурился. Он покосился на этого деда, потом поманил пальцем Карабаша.

— Подойди-ка сюда, циркач...

Карабаш двинулся к столу, покрытому красным сукном. Тырышпаков, взяв его за руку, повыше локтя, спросил, прямо глядя в глаза:

— Ездил на баранах?

— Да я... это... Я всего один раз, — поник Карабаш.

Присутствующие опять рассмеялись.

— Ты знаешь, что это породистый скот и колхоз дорого заплатил за него? — спросил Тырышпаков.

— Знаю, знаю! — горячо воскликнул Карабаш. — Мы понимаем.

— Ну, а если ты их загоняешь, как же мы их пустим в отару? Кого тогда прикажешь запускать? — едва сдерживая улыбку, допытывался Тырышпаков.

— Как кого? — удивился Карабаш и беспомощно оглянулся на зал, закатившийся в новом припадке смеха. — Баранов, конечно.

Он даже вспотел от напряжения: никак не мог понять, к чему клонит председатель.

— А если они к этому времени язык высунут от истощения, тогда как?

— Так я же на самом жирном ездил! — воскликнул Карабаш.

— Ладно, ступай. Разберемся завтра с твоей матерью... — Тырышпаков махнул рукой и вытер глаза.

Обрадованный Карабаш рысцой двинулся к двери. Последнее, что он слышал, это голос деда Саламчи.

— Товарищи! — выкрикнул тот. — У нас таких мальцов много, к чему нам эти бараны?..

Контора снова грохнула, но Карабаш уже ничего не слышал, он думал о предстоящем разговоре с матерью...

К великому его счастью, все обошлось, как нельзя лучше. В эти дни на его с Койлой имя пришла уже давно забытая почетная грамота из района. По-видимому, это как-то смягчило и Тырышпакова, потому что, вручая ее братьям на заседании правления, он сказал им немало хороших слов. Мать была на седьмом небе. Она повесила грамоту на самое видное место. И хотя грамота была писана обыкновенными чернилами, радость от этого у братьев не померкла. Чуть не всю неделю и стар и млад приходили смотреть, что получили Карабаш и Койла за выращивание коварной и вредной скотины.

Как-то вместе с Баськой пришел даже знаменитый Пейтке. Они долго разглядывали бумагу, выставленную на всеобщее обозрение и, видно было, мучительно завидовали братьям. Когда ахи и охи кончились, Баська отозвал Карабаша в сторонку.

— Айда брюкву у Эркечи воровать, — предложил он.

Карабаш замаялся: прилично ли ему, награжденному грамотой, идти на такое, хоть и заманчивое, дело.

— А если Эркечи нас поймает? — осторожничал он.

— Ха! — отмахнулся Баська-заика. — Мы с собой Пейтке возьмем! У него же зуб. Эркечи побоится...

— Ну, это Пейтке, — упорствовал Карабаш. — А если тебя или меня поймает?

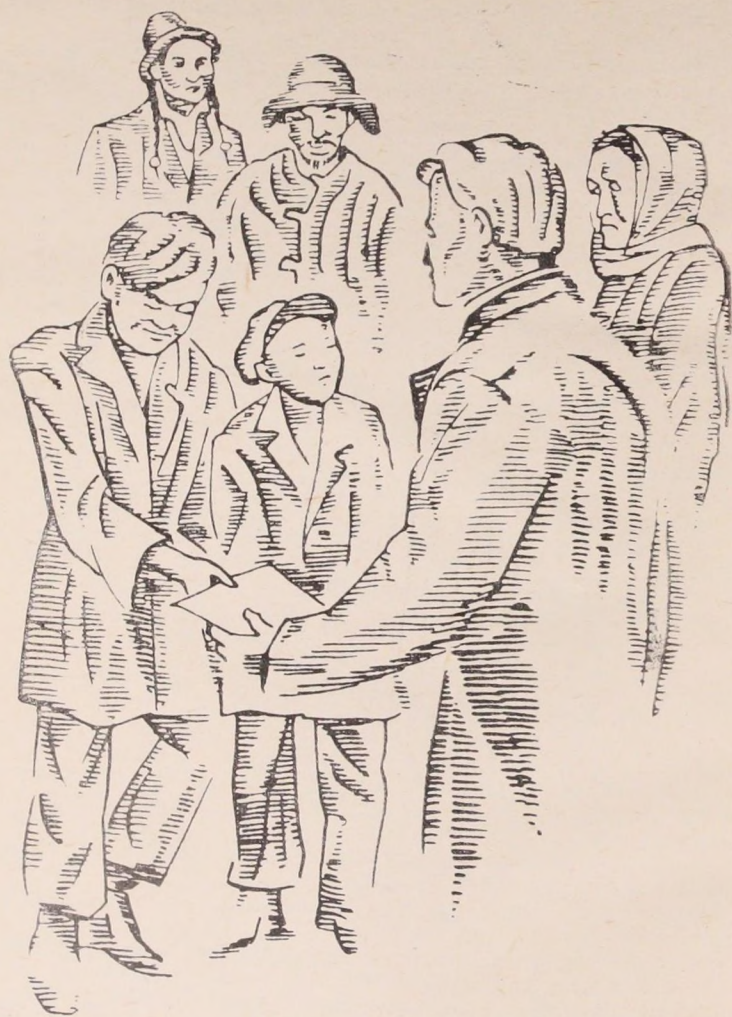
— А тебе чего бояться? У тебя же почетная грамота! Пусть попробует! Ее сразу на правление Тырышпаков вызовет.

— Может и вызовет, — задумался Карабаш. — Только и меня спросит: зачем брюкву красть ходил?

Но тут в дело вмешался Койла, который давно прислушивался к разговору.

— Эркечи давно пора в тюрьму посадить, — заявил он. — Она — спекулянтка! Ее так и Тырышпаков называл.

— Ну вот! — кивнул Баська. — Вон и Пейтке хочет с нами. Правда, Пейтке?

Пейтке подтвердил это и заверил, что в случае неудачи он все берет на себя.

— Я ее сразу прокляну! — пообещал он.

— Ма-ла-дец, Пейтке! — одобрил Баська. — Мы еще и Степку городского возьмем. Он просился...

Слабое сопротивление Карабаша было сломлено, и он согласился.

Степка сидел на чурке подле аила и прилаживал к тяпке палку. Койла свистнул ему и коротко приказал:

— Айда!

Степка отбросил тяпку и поспешил за «налетчиками».

— А если поймают? — он вдруг приостановился.

— А ты про нашего Пейтке знаешь? Вот этого, — Баська-заика показал на Пейтке. — У него волшебный зуб. Ка-ак плюнет на кого, тот сразу помрет!

Степка знал от бабушки Содоной о зубе Пейтке, но хотел подтверждения.

— В самом деле? — обратился он к Пейтке.

Пейтке до того разозлился, что надулся, как индюк, и даже не стал отвечать. Именно это и произвело на Степку впечатление, и он виновато произнес:

— Если так, пошли..,

По дороге Баська-заика выдернул из кустов знакомый всем большой мешок, с которым он собирался на рыбалку с Барамашем. Карабаш нахмурился, будто увидел в этом мешке плохое предзнаменование.

— Баська, — сказал он. — Ты совсем спятил! Зачем тебе этот мешок? С ним и не убежишь в случае чего...

Баська обиделся.

— А куда я брюкву буду класть? В штаны? Я хочу и брату Тиму в бригаду отнести.

— Оставь его, Карабаш, — сказал брату Койла. — У него жадность вперед его родилась. Все равно он мешок не бросит!

— Н-не брошу! — вызывающе вскричал Баська.

Зайдя к дому Эркечи со стороны речки, друзья бросились на землю и поползли к огороду. Подобравшись к изгороди, они полежали, переводя дух и приглядываясь. Степка прошептал:

— Ну, кто пойдет первым?

Прежде чем кто-то успел что-нибудь ответить, Пейтке перевернулся через изгородь и быстро, пригибаясь, побежал по грядкам. Потом он упал у кустов смородины, и его не стало видно. Ребята замерли, ожидая, когда он им даст знак. Но

время шло, а Пейтке все молчал. Не выдержав, Койла зло зашипел:

— Этот сын Адыбая, наверное, и забыл про нас. Сидит и трескает брюкву. Даю слово! Надо и нам лезть. Чего ждать?

Вслед за его словами раздался протяжный рев Пейтке, а потом ребята увидели и его самого. Тетка Эркечи тащила их приятеля по огороду за уши, как барана. Пейтке упираясь, цеплялся за кусты и деревца. Но тетка Эркечи одним рывком свалила его на землю. Быстро-быстро надергав крапивы, она стала стегать беднягу Пейтке почем зря.

— Вот тебе брюква, вот тебе морковка, вот тебе и репка! — приговаривала, задыхаясь, тетка Эркечи.

Лежа на земле, Пейтке дрыгал ногами, плевался во все стороны и проклинал:

— Тьфу! Тьфу! Чтоб навечно засох твой огород. Тьфу!

Но это ему не помогало. Крапива так и свистела в воздухе, и с каждым ударом Пейтке орал все оглушительнее.

Наконец, ему удалось вывернуться из цепких рук хозяйки, и он пустился наутек. Тетка Эркечи погналась следом за ним, но, видно, устала и остановилась. Ребята повскакали с земли и сломя голову кинулись бежать к речке. Добежавшему до изгороди Пейтке некогда было перелезать через нее, как в первый раз, и он предусмотрительно повернул на самые тонкие жерди. Проломив их, как танк, Пейтке помчался дальше. Тетка Эркечи, стоя у изгороди, грозила вслед отступающим пучком жгучей крапивы и что-то кричала.

У речки все остановились. Подбежал, размазывая слезы по грязному лицу, и Пейтке. Его уши, нос, губы были залепаны жирным черноземом. Ребята стали помогать ему отмыться. Нетерпеливый Койла пожурил Пейтке:

— Ты почему ее не проклял хорошенько? Может, ее сразу бы лихоманкахватила?

— Я не мог, — хныкал Пейтке. — Она мне рот грязью забила. Но погодите! Я завтра нарочно к ее дому приду и плюну на него, вот тогда она узнает...

Койла волновался больше всех:

— Об этой Эркечи в сельсовет надо заявить. Сколько брюквы выращивает, па-аразитка! Для чего? На продажу...

Набег не состоялся, вкусная добыча не далась, и ребята пригорюнились. А Карабашу стало даже немножко смешно. Как отстегала тетка Эркечи неуязвимого Пейтке! Но засмеяться вслух он не решился: кто его знает, этого Пейтке! Может, ему и в самом деле земля помешала проклясть тетку Эркечи?

Ночью Карабашу приснилась тетка Эркечи, которая бежала за ним по деревне с пучком крапивы и кричала:

— Карабаш — вор! Вор! У него надо отобрать похвальный лист!..

Карабашу было так страшно, что он проснулся весь в поту и долго не мог сообразить: уж не наяву ли это с ним происходило?

Видимо, наступало утро. Рассвет едва пробивался в окно, в избушке было сумрачно, пахло сыростью и холодом. Осень давала себя знать. Братья уже покинули крышу и теперь спали дома. На улице застыла тишина. И в ней особенно явно слышались крики улетающих на юг гусиных стай; далекое эхо разносило их.

Карабаш долго лежал с открытыми глазами. Спать уже не хотелось. Рядом на кровати сладко посапывал Койла. Хорошо, он еще мал, и его ничто не заботит. А Карабашу было грустно. Скоро ребята из их деревни, у кого есть валенки и полушубки, пойдут в школу. Некоторые из них учатся в интернате и приезжают домой только в праздники и в выходные дни. А Карабашу опять сидеть дома. Заберутся с Койлой на теплую печку и носа бояться высунуть наружу. А потом настанут длинные зимние вечера. Раньше он радовался им. Время незаметно проходило за сказками, которые он рассказывал Койле. Иногда их рассказывала мать. Но теперь что-то произошло с Карабашем. Сейчас все это стало не интересно ему. И тоскливо. Так тоскливо, что Карабаш тихонько, чтобы его не услышал Койла, заплакал. Карабаш не понимал, отчего это с ним, не понимал, что просто за лето он вырос, возмужал, детские забавы отходили и хотелось учиться, побольше знать...

Поплавав немного, он не заметил, как снова заснул. А когда открыл глаза, в избушке было тепло и весело. Мать затопила печку и готовила завтрак. Ночью она опять дежурила у телятника, оберегая молодняк от волков, и пришла под самое утро. Карабаш и не слышал, как мать захлопотала у печки. Стучал крышкой чайник на огне, что-то очень вкусное жарилось на сковороде. А на столе уже дымился чугунок с горячей картошкой.

Карабаш с Койлой разом соскочили с кровати и побежали умываться.

Вдруг на улице послышался конский топот. Кто-то подъехал к их избушке и спешился. Соседские собаки залились злым лаем.

— А ну, гляньте! Кого это там принесло? — крикнула мать.

Карабаш и Койла выглянули в дверь. К изгороди привязывали лошадей Тырышпаков и какой-то незнакомый русский. На лай собак вышла соседка, тетка Кызнак.

— Чык! Чы-ык! — замахнулась она на собак. — Ну, чего гавкаете? Начальства, что ли, не видели?

Русский засмеялся и, сильно коверкая слова, сказал ей по-алтайски:

— Держи, держи своих собак. Как бы они нас не покусали!

— Уй! — удивилась тетка Кызнак. — Оказывается, есть русские, которые говорят не по-русски!

Русский еще пуще расхохотался и весело подмигнул тетке Кызнак. Та скрылась в аиле.

Карабаш настороженно следил за Тырышпаковым. Что бы это значило? Для чего приехал председатель? — рассуждал Карабаш. — Не вспомнил ли опять про баранов, которых он объезжал.

— Мать дома? — спросил Тырышпаков.

Койла молча смотрел на гостей поблескивающими круглыми черными глазенками. Русский поерошил его волосы.

— Ух ты, какой! Где такие глаза взял?

Карабаш тихо ответил председателю:

— Мать дома.

Согнувшись чуть не пополам, гости вошли в низкую дверь избушки. Карабаш и Койла, переглянувшись, остались во дворе, раздумывая каждый про себя, не дать ли им деру? Но тут их позвала мать:

— Где вы там? Живо за стол!

Русский оказался тем самым Митишкой, «агентом по налогу», как о нем сказал дед Саламчи. Он молча сидел на низкой табуретке, курил папиросу и улыбался. А Тырышпаков говорил матери:

— Завтра же надо производителей запустить в отару. Придется делать тебе. Сама знаешь! Людей не хватает. Все на уборке. А баранов я видел. Нагулены хорошо. А то сначала опасался: не заездили ли их твои помощники? — и он хитро подмигнул Карабашу.

— Вот оно как! — всплеснула мать руками. — Значит, это они? А я погрешила на бабушку Содонной. Думала, спятила старуха — черти ей привиделись! Ах вы, негодники... — захлабнулась она от гнева.

— Ладно, ладно, — примиряюще остановил ее Тырышпаков. — Что было, то прошло! Дети все же: что ты хочешь от них? Я ведь на них, так... для порядка.

Тут Митишка шумно встал и присел к столу.

— Ну-с, — чудно сказал он. — А как с налогом? Ты у меня тут одна из первых значишься, — он достал из левой военной сумки какие-то бумаги и зашуршал ими, разглаживая на столе.

Мать сильно заволновалась, забежала от стола к печке.

— Ой, ой! Не могу я. Нету пока, — забормотала она.

Митишка начал читать по бумаге:

— Как нету? Корова — одна, телка — одна, овечек — две, — плохо выговаривая по-алтайски, перечислял он. — Вот только кур не указано. Сколько у тебя?

— Ой, ой, куриц нету, — заторопилась мать, но тут ее глаза остановились на сковородке с яичницей, и она густо покраснела. — Есть курица, да она не несется вовсе. Это ребята мои натаскали от чужих несущек. Устроили себе гнезда у нас в огороде.

Неприятный разговор их прервал Тырышпаков:

— Погоди, Митишка. Рассчитается она, слово даю. Вот осенью трудодни подведем и рассчитается...

Митишка печально вздохнул, пожал плечами, спрятал свои бумаги в сумку и опять пересел на табуретку у двери. А Тырышпаков сказал матери Карабаша:

— Нужен мне твой старший денька на два. У меня заведующий молочной фермой уезжает в Чергу на совещание. Заодно отвезет фляги с маслом, а вот твой сын привезет их обратно. Послать мне больше некого.

— Пусть едет, — согласилась мать как-то поспешно, очевидно, боясь продолжения разговора о налоге.

Тырышпаков посмотрел на Карабаша.

— Поедешь в Чергу? И вот что, — задумчиво произнес он, разглядывая худенькое тело Карабаша, сидевшего за столом в одних коротких штанах. — Как пойдешь на ферму, загляни ко мне. Дам тебе какую-нибудь рубашонку. Как же так ехать?

Он отчего-то оглянулся на Митишку, и тот торопливо встал, нахлобучил фуражку и вышел из айла.

— А чего он пойдет? — сказала мать. — Оденет свою. Берегу я ему для учебы, не даю надевать. Рубашка у него есть.

— Вот и ладно, — улыбнулся Тырышпаков, попрощался и вышел вслед за русским. Вскоре копыта лошадей зацокали по дороге.

Мать открыла сундук и, покопавшись в нем, достала новенькую сатиновую рубашу. Под восхищенным взглядом Койлы Карабаш надел её и гоголем прошелся по избе.

— Смотри, балам! — предупредила мать. — Не порви. Другой рубашки у тебя долго не будет.

Взяв узелок с едой, которую собрала мать на дорогу, Карабаш отправился на молочную ферму. У ворот фермы стояла запряженная таратайка и толпилось довольно много народу. Заведующий, однорукий инвалид войны, Иондрай, очевидно, поджидая Карабаша, шутил с женщинами, балагурил, не слушая советы, которые они ему давали. Особенно к нему приставала тетка Максы Боро.

— Ну что тебе стоит? — упрашивала она. — Захвати из Черги костоправку Мавронью Макаровну. Обратного поезда поедете!

— Некогда мне ее там искать, — сердился Иондрай. — Адрес-то у тебя есть этой Мавроньи Макаровны?

— Есть, есть. Как же! — засуетилась тетка Боро, выживая из складок юбки какую-то засаленную бумажку. — Вот адрес. Сама она писала!

— Тогда так, — молодежато сдвинул на ухо шапку дядя Иондрай. — Вот тебе мой помощник, — указал он на Карабаша, — ему обратно ехать, с ним и имей дело. Бери, Карабаш, эту бумажку и не потеряй. Доставим ей костоправку!

Наконец, все было готово, Карабаш залез в таратайку, заполненную бидонами, и дядя Иондрай дал команду выезжать. Сам он верхом потрусил вслед за таратайкой. Карабаш так торопился увидеть эту незнакомую Чергу, что то и дело нахлестывал каурого конька, а бидоны с маслом подпрыгивали, стучаясь друг о друга. Иондрай догнал его и назидательно заметил:

— И что ты без причины нахлестываешь коня? Дорога у нас длинная. Так только лошадку свою разозлишь, и она перестанет тебя слушаться. Езжай полегоньку...

К обеду они поднялись на последний, самый высокий перевал. И Карабаш невольно натянул вожжи. До чего было красиво вокруг! Горизонт подпирали белоснежные вершины, хмурая тайга сбегала по склонам гор, пряча в своей густоте бурливые речушки. Точно отлитые из синего стекла, горы то кренились горбатыми спинами, то прямо взлетали ввысь, а по ущельям тек легкий молочный туман.

Иондрай придержал своего коня и искоса поглядел на Карабаша.

— Ну, как? — спросил он, довольный впечатлением, поразившим его спутника.

— Уй, здорово! — воскликнул восхищенный Карабаш.

— То-то, парень! — прищелкнул языком Иондрай. — Это и есть наш Алтай, твоя родная священная земля!..

В больише село Карабаш попал первый раз. Как все здесь было несравнимо с их тихой деревней! Поначалу он даже оглох от шума, движения и разноголосицы и только во все глаза глядел на большие каменные дома, на гладкую шоссеиную дорогу, по которой во все концы проносились автобусы и машины. Здесь и люди-то были совсем другими. Они и одевались по-другому и вели себя не так, как привык видеть Карабаш. Он так зазевался на одну встречную парочку, что, не оклики его Иондрай, заехал бы на противоположную сторону улицы. Если бы парень и девушка у них в селе прошлись рука об руку, как эти, насмешек не обратились бы! Но больше всего Карабаша поражали магазины с толпившимся возле них народом и витрины, набитые всякой всячиной.

— Эй! Эй! Парень, — закричал у него над ухом Иондрай. — Да сколько тебя окликать? Сворачивай в переулоч! Нам сюда.

В конце улочки высились большие ворота, из которых то и дело выезжали машины и повозки. Понукая каурого, Карабаш въехал в эти ворота вслед за Иондраем. Во дворе молокозавода стояли длинные невысокие дома, похожие на их колхозные кошары. Возле домов сутились девушки и женщины в белых халатах. Карабаш снова разинул рот, уставившись на белые одеяния. Такого он тоже не видел!

А Иондрай, видно, чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Приосанившись в седле, он тут же стал шутить с молодыми веселыми девушками. Указывая на Карабаша кнутовищем, он весело кричал:

— Эге, красавицы! А ну, поглядите, какого кавалера я вам привез!

— Ой, нам как раз такого и надо! — хохотали девушки. — Здравствуй, герой. Ну, кто тебе из нас нравится? Может, невесту себе здесь найдешь? Да ты не стесняйся. Выбирай!

Выхватив из их разговора отдельные знакомые слова, Карабаш понял, что с ним шутят, и от смущения боялся поднять глаза. Это вызывало еще больше смешков. Спасла его от позора, как он думал, пожилая русская женщина. Выйдя из ворот длинного дома, она строго прикрикнула на девушек:

— Чего вы к ребенку пристали? У-у, бесстыжие! Только бы им позубоскалить. Живо, принимайте молоко!

Завизжав, девушки убежали в дом. Иондрай спешил.

— Ну, ладно, — сказал он. — Слезай с коня, сейчас масло будем сдавать...

День уже клонился к вечеру, когда они выехали с маслозавода. Поехали искать костоправку Мавронью Макаровну. Жила она на самом краю села в низкой избенке, которая пряталась в большом огороде среди высоких подсолнухов.

Мавронья Макаровна оказалась дородной высокой старухой с недовольным лицом. Она сидела на крыльце и вязала чулок. Увидев чужих людей, костоправка нахмурилась и даже не хотела их пускать во двор.

Иондрай ей объяснил, кто они такие и зачем приехали. Суровое лицо костоправки подобрело. Она разрешила заехать во двор и показала, где привязать лошадей. Потом позвала их в избу. Там Карабаша поразило множество икон, развешанных рядами в одном из углов. Мавронья Макаровна совсем, казалось, поверила гостям и решила угостить их чаем. Она поставила на стол огромный самовар и велела садиться к столу. Прихлебывая из блюдечка и словно продолжая какой-то разговор, она объясняла Иондраю:

— Мне деньги не нужны. Сейчас что купишь на деньги? — Я беру шерстью, маслом, на худой конец, — яйцами.

— Это вы на месте договоритесь, с больными, — ответил Иондрай. — А этот мальчик отвезет вас. Если можно, пускай у вас переночует.

Договорившись с хозяйкой, он пояснил Карабашу:

— Я еще останусь здесь, мне в райцентр надо. А ты завтра с утра отправляйся. Найдешь дорогу?

— Постараюсь, — ответил Карабаш.

Прощавшись с Карабашем и костоправкой, Иондрай уехал.

Карабаш, примостившись в уголке на лавке, с интересом разглядывал иконы: они красиво сверкали позолотой. Мавронья Макаровна сидела за прялкой. Покосившись на Карабаша, она спросила:

— У вас в деревне больных много?

Весь вопрос Карабаш не понял, знакомы были только слова «больные» и «много». Подумав, он бойко ответил:

— Мно-ого!

— А шерсть у них есть? Молоко, мясо? Много?

Карабаш снова ничего не понял, но, услышав то же знакомое слово, радостно протянул:

— Мно-ого!

Мавронья Макаровна удовлетворительно закивала головой.

— Какой ты хороший мальчик! Ну коли так, значит, завтра поедем.

Карабаш опять ухватился за слышанное слово.

— Ага! Пое-едем!

Мавронья Макаровна показала ему место на полу, где он будет спать, и, кряхтя и ворча, принесла из сеней кусочек старой кошмы. Едва стоявший на ногах от усталости, Карабаш повалился на кошму, но уснуть долго не мог.

Костоправка молилась у себя в углу, что-то шептала, клала поклоны, а Карабаш с интересом следил за нею, как тогда за дедом Леонтием в кержацкой деревне...

Утром Карабаш еле справился со своим каурым коньком. Тот ночью запутался в аркане и простоял голодный. Вид у него был понурый и неказистый. Но Мавронья Макаровна, видимо, этого не замечала. Она уселась в таратайку рядом с пустыми флягами, а Карабаш сел верхом. Каурый обиженно храпел и не слушался поводов. Карабаш наддал ему плетью. Конек перешел сначала на легкую рысь, но потом снова поплелся шагом и больше уже не слушался Карабаша как тот его не стегал.

Таратайка жалобно скрипя, перевалилась на колдобинах, пустые фляги, стукаясь, зазвенели, а Мавронья Макаровна, держась обеими руками за борта, раскачивалась, точно китайский болванчик. Карабаш только и слышал за своей спиной:

— О господи, господи!..

Когда двор костоправки остался далеко позади, она вдруг засомневалась:

— Говоришь, мальчик, шерсти и молока у вас много... А конь-то какой худой! Довезет он нас? Доедем? — повторяла она, потому что Карабаш, ничего не понимая, молчал. Но услышав знакомое слово, Карабаш обернулся к ней и весело крикнул:

— Дое-едем!

Мавронья Макаровна перекрестилась и успокоилась. Теперь Карабаш во всю старался показать резвость своей клячи. Дорога привела под гору, и он кое-как разогнал каурого. Тот перешел на ленивый галоп, взмахивая нечесаной гривой. Таратайка весело катилась, поднимая пыль, Карабаш радостным гиканьем подбадривал конька, когда из-за спины слышал голос костоправки:

— Да-а-а, ти-и-и-ише ты-ы-ы, а-нчихрист! У-убьешь ведь!

Карабаш натянул поводья и до самой развилки дорог уже не мог разжечь пыл приунывшего каурого. Мавронья Макаровна стонала и охала, проклинала свою поездку и свою судьбу, а заодно этот чертов край, куда ее занесла нелегкая. На развилке Карабаш остановил коня, чтобы разо-

браться, куда ехать дальше. «Откуда же мы ехали с дядей Иондраем? — размышлял Карабаш. — На обочине слева должна стоять черемуха, а ее не видно. И это овсяное поле, что теперь тянется, я что-то не припомню. И гора, похоже, не та.... Куда же свернуть?»

Пока Карабаш чесал в затылке, каурый рвал у него из рук поводья, жадно хватая ртом жесткую траву, а Мавронья Макаровна не устала ворчать:

— Ох-хо-хо! И долго мне так мучиться? Эй, милый! Что ты стоишь? Это когда же мы до места доберемся, если ты по часу будешь ворон считать? И надо же было мне, дуре...

«Надо ехать налево, — решил Карабаш. — Помню, дорога уходила вправо, и мы все поворачивали. А там увижу черемуху и уж тогда разберусь». И он повернул налево.

Скоро дорога неожиданно стала подниматься вверх. Каурый быстро устал, его спина и бока залоснились от пота. Дорога была такой неровной, что таратайку то заносило с одного бока на другой, то чуть вовсе не опрокидывало. Грохот фляг казался громовыми раскатами. А тут еще и костоприва завизжала. Оказывается, одна фляга скатилась и придавила ей ногу. Карабаш остановил коня и помог навести в таратайке порядок. Мавронья Макаровна слезла на землю и села на траву, почесывая придавленную ногу. Причитать она продолжала не переставая:

— И что это за мучение на меня господь наслал! Ездишь, ездишь, мучаешься, мучаешься, а всего и расчету, что с десятка яиц да комок грязной шерсти... Им даже маслица жалко! А лекаря подавай. Да ты хоть слышишь меня, милый?..

— Мно-ого! — бухнул невпопад Карабаш и рассмеялся, решив поддержать дух своей подопечной.

— Чего это много? — опешила Мавронья Макаровна. И вдруг зло сплюнула: — Ах, чтоб тебя, неуч несчастный! Погоняй! Но-о, но-о, понял?..

Карабаш молча помог ей взобраться на таратайку и поехал дальше. Дорога тянулась, а знакомых примет он все не видел. И заимка, которую они проезжали и где останавливались с Иондраем, так и не показывалась. Карабаш вконец растерялся, когда понял, что окончательно заблудился и едет совсем не той дорогой. Оказывается, ехать-то нужно было с развилки направо! Карабаш придержал коня, который уже выбил из сил.

— Ну, что там у тебя еще? — недовольно пробурчала Мавронья Макаровна. — Далеко еще до вашей деревни?

Кое-как словами и жестами Карабаш объяснил ей, что

они заблудились. Костоправка подскочила в таратайке, будто села нечаянно на горячие угли.

— Как заблудились? Вот окаянный! Мучил, мучил человека, а теперь и сам не знает, куда едет! Ах, я дура старая! Ах, чтоб тебя!..

Карабаш развернул каурого, который еле плелся и готов был вот-вот остановиться совсем. От досады Карабаш чуть не плакал, а тут еще костоправка, не умолкая ни на минуту, поносила его на чем свет стоит.

Через некоторое время они добрались до развилки. Карабаш осадил коня, рассчитывая точно узнать у кого-нибудь про дорогу. Мавронья Макаровна решительно слезла с таратайки.

— Дальше езжай сам! — сказала она. — Ну тебя к лешему! И твою деревню тоже. А я пойду домой. Скорее твоей клячи доберусь...

Карабаш поехал один. Костоправка все причитала сзади, пока он не скрылся за поворотом. Каурый спотыкался на каждом шагу, точно они ехали по скользкой от дождя дороге.

Вскоре на пути попался какой-то ручеек. Возле него, отдыхая, сидели мужчина и женщина. По виду они были русские. Карабаш растерялся, не зная как ему заговорить с ними. Наконец, решившись, он подошел.

— Дорога где? — спросил он.

Мужчина и женщина долго не могли понять, о чем он спрашивает, но, в конце концов, догадались.

— Правильно, правильно едешь, сынок, — сказал мужчина. — Только никуда не сворачивай. Вон — за тем перевалом твоя деревня! — потом он внимательно взгляделся в расстроенное лицо Карабаша и ласково спросил: — Сколько же тебе лет, малыш? Лет, лет, сколько?

Карабаш догадался, показал десять пальцев, потом выставил еще три. Мужчина засмеялся и потрепал его по плечу.

— Смотри-ка ты... Мал да удал. Молодец!

Карабаш понял, что его хвалят, и ему стало как-то легче. Отъехав, он долго оглядывался на русских, пока те не скрылись из виду. «Какие хорошие люди, — подумал Карабаш. — Не то, что эта костоправка!»

Солнце ушло за вершины, а они с каурым еще не выбрались на перевал. Но теперь Карабаш повеселел. Он видел, что едет правильно, а под гору коню станет легче. Только бы ночь не застала их в дороге. Каурый совсем обессилел. Он спотыкался, пятился назад, тяжело дышал. Карабаш шел рядом с ним и тихонько уговаривал: «Ну еще, еще

немного. Только бы взобраться на перевал. Бока каурого так и ходили ходуном, ноги дрожали. Карабаш тянул его изо всей силы за уздцы, но это мало помогало коню. И тогда Карабаш разозлился. Схватив увесистую палку, он отгреб каурого. Собирая последние силы, конь сделал несколько шагов и стал. Карабаш, отчаявшись, присел на дорогу. Каурый тяжело втягивал воздух в ноздри, крупная пена хлопьями опадала с его морды в пыль.

Карабаш устало смотрел на вершины гор, за которыми гасли последние лучи солнца. И тут, обернувшись, он увидел, что его конь плачет. Крупные слезы бежали из глаз каурого и падали на землю. Карабаш обомлел.

И тогда Карабаш уткнулся в колени и разрыдался сам. — О-оо! О-оо! — рыдал Карабаш, плач его глухо отдавался в молчаливых скалах, утрюмых и неприступных, и эхо словно уверяло его в том, что помощи ждать неоткуда.

И тут каурый точно пожалел своего хозяина. Он тихонько заржал, подзывая Карабаша, захрапел и рванулся вперед, натягивая постромки. Он шел и шел, набирая ход, без всякого понукания, а плачущий Карабаш бежал сзади, держась за таратайку. Каурый все убыстрял шаг, и на перевал они выскочили почти рысью.

Теперь под ними лежала знакомая долина, и Карабаш даже рассмотрел далекие огоньки своей деревни. Слезы его высохли, на лице засветилась счастливая улыбка.

Карабаш повернулся к каурому, обнял его за шею и поцеловал влажную соленую морду...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лето совсем отступило, не слышно стало крика журавлей, скрылись последние гусиные стаи — опустело над Алтаем глубокое синее небо. Березовые рощи на склонах гор поределли, обнажив голые ветки. Ударили первые заморозки. Тц-тц-тц — постукивали овечьи копытца по мерзлой земле.

В деревне давно собрали хлеб и отмолотились. Колхоз выдавал на трудодни зерно. Мать Карабаша получила целых два мешка, да и Карабаш с Койлой не остались обделенными. Правление им за хорошую работу тоже выдало мешок зерна.

Комсомольцы готовили вечер. Тырышкаков разрешил им воспользоваться конторой колхоза, и нетерпеливая молодежь начала собираться туда еще с утра.

Карабаш сидел у окна и грустил. Ему на этот вечер попасть не придется. Нечего надеть на ноги, выйти в осенний

день. А на улице сыплет сухой первый снег. Карабаш поджал под себя босые ступни и вздохнул.

Как-то в магазин привезли брезентовые ботинки на деревянной подошве. О такой обуви он мог только мечтать! Да мать прозевала покупку. Как-нибудь бы вывернулись, обменяли бы зерно, да теперь покупать нечего.

Вот Койла обходится без обуви. Бегает босиком в школу. Выскочит на улицу и несется на всех парах, а школа стоит от них всего метрах в тридцати. Влетит туда, а там уже топится раскаленная докрасна железная печурка. Тепло, даже жарко. Учительница разрешает сидеть Койле у самой печки. Койла учится в четвертом классе, а на следующий год, наверное, придется ему сидеть дома, как и Карабашу. До села, где школа-семилетка, верно, больше десяти верст наберется. Вот и Карабаш еще один год пропускает.

Как-то заглянул к ним на огонек дед Карабай и рассказывал, что скоро из Америки прибудет много башмаков на резиновой подошве. Да только когда они будут, эти ботинки? А, может, и вовсе врет этот дед Карабай? Нет, не дожидаться Карабашу американских ботинок.

Вот Пейтке купили целых две пары брезентовых башмаков. Одну пару он носит, а на другой срубил каблуки и катается по реке, как на коньках. Счастливец! А о Максе и говорить не приходится. У него и штанов сколько хочешь и солдатские ботинки брат с фронта привез. Хорошо, когда есть старшие братья! Хорошо...

Вот он Койле тоже старший брат, а что от этого хоть Койле, хоть ему самому?

Карабаш снова вздохнул. Койла пришел из школы и завалился спать. И не думает ни о каком комсомольском вечере. А Карабаш дорого бы отдал, чтобы побывать там...

На улице слышались чьи-то голоса. Карабаш приник к стеклу.

Громко разговаривая и смеясь, по дороге к конторе шли Макса и Тим, а за ними вприпрыжку — Баська. Гряц, гряц, гряц — шлепают его деревянные подошвы по мерзлой дороге. И этот звук медленно удаляется и затихает. На сердце Карабаша стало еще тяжелей. И за что Баське везет? Вот он, Карабаш, имеет почетную грамоту за добросовестную работу, а должен дома сидеть, хотя ему так хочется посмотреть комсомольский вечер...

Нет, так больше нельзя! Карабаш встал со скамейки и полез под печку, где валялись его прошлогодние ботинки. За лето они засохли, как коровий навоз, запылились, а главное — дыра на дыре!

Карабаш налил в корыто горячей воды, сунул туда ботинки. Когда они отмокли, он стал их растягивать, а потом принялся латать. Размокшие ботинки порвались еще в нескольких местах, подошвы отстали, но Карабашу уже некогда было обращать на это внимание. Он обернул ноги тряпками, всунул их в ботинки, и, натянув старенькую шубейку, выскочил на улицу и побежал в контору. Стало уже темнеть. Карабаш не раз падал на обледенелой дороге, в дырявые башмаки сразу набился снег.

В конторе колхоза ярко светились окна, слышались возбужденные голоса, а на улице у окон толпились мальчишки, заглядывая во внутрь.

Став на цыпочки, Карабаш тоже заглянул в помещение. За расставленными столами с едой и выпивкой сидели парни и девушки. Распоряжался вечером Озой. Карабаш отыскал глазами Баську-заiku. Тот чинно сидел рядом с братом. К своему удивлению, Карабаш обнаружил здесь и Барамаша. Его, оказывается, тоже пустили. Карабаш решительно подошел к двери и постучал. Дверь открыл бригадир Байдыл.

— А тебе чего? — спросил он. Потом, обернувшись, окликнул Озоя. — Это Карабаш. Впустить его?

Но в конторе стоял такой шум, что Озой, наверное, не расслышал — так подумал Карабаш.

— Если не комсомолец, гони! — ответил Озой.

Байдыл захлопнул перед носом Карабаша дверь, щелкнул крючок. Чуть не плача от обиды и злости, Карабаш вернулся к окну.

Парни и девушки недолго засиживались за столами. Скромное угощение иссякало, поэтому парни и девушки готовились играть в чаа.

Сын деда Саламчи, Анчи, уселся в углу с балалайкой. Высунув кончик языка, он весело забренчал частушечьи напевы. Парни и девушки выстроились парами. Впереди всех стояли, взявшись за руки, соседка Карабаша Тана и Озой. Анчи подтянул струну, налаживая балалайку, пробежал пальцами по грифу и кивнул головой, чтобы начинали.

Озой хлопнул себя по бедрам и выкинул несколько коленцев, а Тана запела:

Жалко, жалко полушалка,
Цвет бордовый потерял.
Жалко, жалко одногодка,
На войне он пострадал...

— Ча-а! — дружно закричали парни и девушки, стоявшие позади них, и Озой с Таной, приплясывая, ушли в конец шеренги.

Сейчас в первой паре оказался Макса и какая-то красивая девушка, имени которой Карабаш даже не знал. Карабаш удивился: а где же Маралчи? Но Маралчи ему видно не было. Макса замотал своей узкой, как дыня, головкой, посмотрел на потолок, словно там были написаны слова частушки, и все никак не мог начать. Анчи отбрэнчал уже куплет, а Макса все молчал. Тогда Анчи заиграл снова, и Макса, крикнув, хриповато затянул:

Чернобровые девчата
Замечают ли меня?

И вдруг замолчал. Лоб его напряженно сморщился. Анчи проиграл до конца куплет, но Макса так и не мог вспомнить конца частушки. Его девушка сконфузилась и, подхватив кавалера, уволокла его назад. Вышла следующая пара, и тут уже первой начала девушка, поскольку представитель мужской половины опростоволосился.

Мой миленок далеко,
Далеко в Германии,
Получила письмецо —
В праву руку раненый!

А напарник ее выплясывал так лихо, что пол старой конторы дрожал, как в лихорадке. Девушка плавно прошлась вокруг своего партнера и закончила другой песенкой:

Верным он идет путем,
Смелый всадник — комсомол.
Если встретится с врагом,
Не отступит комсомол!

Все дружно захлопали в ладоши, давая понять, что эта пара выиграла чаа. Вслед за этим Озой затянул старую алтайскую песню, раскачиваясь в такт мелодии:

Зеленые листья березы милой
Все равно пожелтеют, если осень придет.
А тогда наступит время на нашей земле, —
Не плачь, моя милая, — мне в солдаты идти!
Сокол одинокий прилетит на Алтай,
С вестью о героической гибели...
Он и расскажет, как я бился с врагом,
Как шептал твое имя в свой смертный час!

И тут кто-то заплакал навзрыд, и песня расстроилась. А плакала в углу Маралчи, уткнувшись в ладони. Девушки подошли к ней и начали ее успокаивать, а Маралчи все приговаривала:

— О, куда, куда! Как мне тяжело, как грустно!

Карабаш тянулся изо всех сил, чтобы увидеть, что будет дальше, а ребята вокруг него зашумелись:

— Что это случилось с Маралчи? Может, плохое известие с фронта получила?

— Скажешь тоже! С фронта ей брат письмо прислал.

— А что же с ней?

— Что, что... Не видишь, с кем танцует Макса?

— А-а...

— Говорят, Макса ей изменил...

Карабаш не понял, что это слово означало. Но ему сразу стало ясно, что тут какая-то тайна, и у него вдруг больно заняло в груди от жалости к Маралчи.

Холод, наконец, добрался до отсыревших ног Карабаша, и у него зуб на зуб не попадал, но уходить он не собирался. К тому же в конторе опять забренчала балалайка, и Макса, подергивая своей узкой головой, запел новую частушку:

Мой миленок, как теленок,
Только венички жует... —

и снова сбился, забыл слова. В конторе все засмеялись, закричали, замахали руками, и Макса, красный, как рак, ринулся к двери. Он протопал мимо мальчишек у окон и исчез в темноте. Дверь после него не стали запирают, и Карабаш незаметно вошел в контору.

Первым, кого он увидел, была Маралчи. Она сидела с грустным лицом, в ее больших черных глазах стояли слезы. И тут Карабаш понял, что слово «измена» означало что-то подлое. Ему стало скучно и одиноко, он повернулся, вышел на улицу и побрел домой.

Погода в горах изменчива, как капризная красавица. Еще недавно светило, пусть и неяркое, но ласковое солнце, небо было прозрачно, словно хорошо отмытое стекло, как вдруг набежали откуда-то темные облака, подул сильный ветер, и вот уже повалил огромными хлопьями снег. Снег шел весь день, а ночью разыгралась метель. К утру деревушку нельзя было узнать. Низкие аилы утонули в громадных сугробах, и печные трубы сиротливо торчали из них, пуская

слабые дымки, а тайга по склонам гор замерла в сказочном зимнем наряде. Как говорили старики: наконец-то, Алтай надел свою белую горностаевую шубу...

Над речкой завис густой тяжелый туман. Снежные заносы остановили течение на мелководье, и река вышла из берегов, разлилась и тут же застыла, образовав ледяное поле. Только на стремнинах вода жила и сохраняла синь неба, то окрашивалась в изумрудную зелень, словно до самой весны собиралась удержать в себе те краски, какими богат Алтай летом.

По снежному покрову пролегли первые робкие заячьи следы. В деревушке мужики и парни стали поговаривать об охоте и потихоньку к ней готовиться. Доставали из-под стрех лыжи, чистили ружья, готовили патроны с дробью. Охотничье волнение передалось и мальчишкам. Они знали, что скоро охотникам потребуются загонщики, и тогда в их аилы придет свежее мясо.

Карабаш тоже не сидел на месте: свои самодельные лыжи из осины аккуратно обтянул конской шкурой, чтобы лучше скользили по насту, как следует починил ботинки и скоро выбрался в лес ставить первые силки на зайцев.

Как-то муж бабки Кабайчи, Сабатка, позвал его поохотиться на косуль, ему потребовались помощники. Карабаш предложил взять с собой и Баську-заика. Сабатка не возражал, но дело стало за тем, что лыж у Баськи-заики не было.

— Да я... это что, — заволновался Баська. — Скажи Сабатке, чтобы обождал. Я у Пейтке возьму. Он обещал. В случае удачи поделюсь с ним мясом, вот и все. Хочешь, сходим вместе?

— А ты знаешь, где Сабатка думает устроить засаду?

— Знаю! — заверил Баська. — На Таратинской в-вершине...

— А сколько туда ходу?

— Да мы успеем! Успеем, — упрасивал Баська. — Вот только до Пейтке добежим...

— Ну, пошли, — согласился Карабаш, хотя втайне опасался как бы Сабатка не передумал и не взял других загонщиков.

Первый загон они начали с вершины горы Тараты. Истотно крича и агукая, они промчались по крутому склону, петляя среди стволов и замшелых припорошенных снегом пней. Где-то впереди них черными прыгающими точками мелькнуло стадо косуль.

— А-а-а-а! Э-э-э! О-о! — кричали Баська и Карабаш.

Выстрелов за всем этим не последовало, и тогда они ска- тились в широкую луговину. Там, на месте засады, спокойно сидел на пеньке Сабатка и держал ружье между колен. Сабатка с наслаждением дымил сигаркой. Запыхавшиеся Карабаш и Койла остановились около него.

— Ну, чего-нибудь видели? — равнодушно спросил он.

— Как? — удивился Карабаш. — Да впереди нас бежало целое стадо косуль!..

— Значит, стороной прошли, — спокойно сказал Сабатка и сплюнул.

— Ни одной, ни одной не видели?! — не поверил Баська- заика. — Ведь целое стадо бежало!

Сабатка поглядел на огорченного Баську и расхохотался. Потом он затушил окурок, опять сплюнул в снег и встал.

— Ну вот что, ребята, — серьезно сказал он, поправляя ружье за плечами, — ваши косули точно стороной прошли. Давайте попробуем на горе Демчи-Айра. Один пускай идет по самой гриве и впереди, а другой — ниже и на полкило- метра сзади. А я буду сидеть в засаде. Во-он на том конце долины, чуть повыше скалы, — показал он рукой. — Оттуда им деваться некуда. Прямо на меня пойдут. Ну, пошли!

Карабаш и Баська снова начали подниматься в гору. Снег был тяжелый и рыхлый. Баська на чужих лыжах скоро выдохся. Пока они карабкались по склону, из-под ног шумно взлетали тетерева и рябчики.

— Эх, нам бы по ружью! Сколько бы дичи настреляли! — мечтательно сказал Баська.

— Ладно, — осадил его Карабаш. — Иди-ка напрямую по склону, а я полезу выше. Как только услышишь мой голос, начинай орать. Я тебя тоже буду слушать, чтобы не уйти в сторону.

Пройдя немного, Карабаш попал в густой, точно застыв- ший в вечной тишине, ельник. Огромные мохнатые лапы елей бессильно свесились под тяжестью снега. Задирая голову, Карабаш смотрел, как в зеленой с белым гуще веток мель- казал там и сям пушистый хвост белки. Но вот ельник кончил- ся, и Карабаш выехал на макушку горы. Карабаш невольно залюбовался могучими хребтами, обступившими его со всех сторон. На склонах лежали нетронутые снега, отливали си- невой обнаженные горные породы. Далеко-далеко на юге сверкал освещенный солнцем сахарный пик горы Белухи... Рядом пролетела стайка куропаток. Карабаш оглянулся на шум их крыльев и очнулся, набрал полную грудь воздуха и закричал:

— Ого-го-го-о! Э-э-эй! — и его голос тут же запрыгал,

заплясал среди этого снежного безмолвия, точно отскакивая от скалы к скале, взлетая с одной вершины на другую: «о-хэй-эхо-ой!..»

— У-у-у! Уу-у-у-у! — донеслось снизу, и Карабаш узнал голос Баськи.

Загон начался. Оттолкнувшись палками, Карабаш рванулся вперед. Ему теперь нужно было все время быть впереди Баськи.

Он быстро мчался, огибая камни и деревья, иногда притормаживая на крутых поворотах. И вдруг из-за елок прямо на него выскочили четыре косули. На секунду они замерли, уставясь на него искристыми темными глазами, быстро-быстро нюхая воздух точеными черными носиками, но тут же взвились на месте и исчезли за первым пригорком.

— А-а-а-а! Уу-у-у! Оо-оо! — не жалел голоса Карабаш.

Ниже то визгливо, то хрипло надрывался Баська-заика. Где-то впереди вспороли воздух выстрелы.

Карабаш прибавил ходу и, работая палками, взобрался на последнюю седловину, а потом покатился вниз, откуда раздались выстрелы. Треснул еще один выстрел, и Карабаш услышал радостный вопль Сабатки:

— Ре-бя-яа-та! Сюда-а-а!

Сердце у Карабаша радостно екнуло. Он летел, не чуя ног и опасности. Ловко обойдя большую ель, он только в последнюю секунду разобрал, что несется к краю скалы, трамплином ставшей на его пути. Охнув, он оттолкнулся ногами и полетел по воздуху. Хорошо было это чувство или нет, он не успел запомнить. Земля закружилась перед его глазами, и он рухнул вниз головой. Когда, отплевываясь от снега, набившегося ему в рот, он выбрался из сугроба, голоса Сабатки и Баськи звучали где-то совсем рядом.

— Караба-аш! Караба-аш!

Карабаш посмотрел на скалу, с которой свалился, — она была высотой с добрую сосну. Очень ныла правая нога. Прихрамывая, Карабаш поплелся на звук голосов Баськи и дяди Сабатки и вскоре увидел их, возбужденно гомонивших и топтавшихся возле сваленной туши косули. Сабатка свеживал ее. Распоров ножом брюшину, он вынул оттуда дымящуюся на морозе почки, разрезал пополам, посыпал солью, прихваченной из дома, и, положив в рот, стал аппетитно жевать.

— Немолодой козел-то, — заключил он, почмокав губами. — Надо посмотреть второго.

— Дядя Сабатка двух козлов подстрелил! — радостно сообщил Баська Карабашу.

Они тоже попробовали сырую почку. Карабашу она не понравилась, но, памятуя, что есть сырое мясо — обычай охотников, мужественно дожевал свою долю.

— Козел что надо! Сразу видно! — похвалил он.

— Х-хороший к-козел! — подтвердил и Баська-заика, хотя потихонечку сплюнул в руку кусочек почки и незаметно выкинул его в снег.

— В-вы о-очень м-меткий стрелок, дядя! — чересчур горячо стал нахваливать он Сабатку.

Сабатка, кончив свежевать второго козла, приосанился, набил трубку табаком и заговорил:

— Э-э, убить пару козлов — это для меня пустяки! Вот как на войне я стрелял, это да! Если бы мне сейчас винтовку, с которой я воевал...

Карабаш и Баська с преувеличенным вниманием стали слушать Сабатку — они-то знали, что тот работал в тылу. А Сабатка уже не мог остановиться и упивался своим рассказом все больше:

— А то вот под Москвой как было.... Тяжело было, ой как тяжело! Тогда даже генералы в окоп с винтовкой ложились. И вот, значит, под Москвой послали меня в засаду, как сейчас... Лежу, тишина. Только снег падает. И вот слышу, идут... А пахнет этот хитрее, чем зверь! Но, думаю, не на того напали. Я это... винтовочку наладил и — чик! Один готов. Раз — готов второй. Я р-раз! — третий. Вдруг слышу, кто-то меня сзади трогает за плечо. Да! А мне-то некогда назад глядеть, я фрицев бью. Ну, ухлопал последнего офицера. Прямо между глаз угодил! Оборачиваюсь, а сзади — мать... есная! Кто, вы думаете?..

— Кто? Кто? — выпучил глаза Баська-заика, который, видно, уже успел поверить в рассказ Сабатки.

— А стоял за мной — генерал! Настоящий... Командующий всем московским фронтом, — закончил Сабатка и начал спокойно выколачивать трубку о приклад ружья.

— Г-генерал? И-и ш-што он с-сказал? — обмирая от всего услышанного, едва выговорил Баська.

— Что сказал, — переспросил Сабатка, хитро сощутив глаз. — А сказал, хороший ты стрелок, Сабатка, меткий! И этак... головой покачал.

— А п-потом?

— А потом сел

«Ну то-то сел в легковушку и уехал в Москву.

Карабаш и, не сдержавшись, уязвил враля:

— А как же вы увидели, что ваша пуля попала офицеру между глаз? — спросил он.

— А это не я видел, — спокойно отпарировал Сабатка. — На то специальные люди были. Они и смотрят, куда наши пули попадают. Чтобы бойцы зря патронов не тратили... По-нял? — сказал Сабатка. И, заканчивая на том разговор, приказал: — Кончай болтовню! Давай мясо рубить!

Неожиданная новость взбудоражила всю деревню. Пропавший без вести отчим Баськи-заики, муж Момон, Марал, возвращался домой. Было от чего с ума сойти! Новость эту передавали из аила в аил с таким видом, будто мужья всех вдов воскресли в один день и вернулись в родные края. Целый день деревушка крутилась, жужжала на все голоса и никак не могла успокоиться. Все ходили, точно именинники, и поздравляли друг друга. Баська-заика и его брат Тим, может, никогда во всей своей жизни не слышали столько ласковых и теплых слов.

Но потом эта радость поблекла. За первой новостью пришла другая, которую Макса привез из соседнего села. Марал, говорил он, вроде бы не очень торопится домой, к жене и детям. И тут все стали вспоминать, что отчим Баськи гораздо моложе своей жены. Был он круглым сиротой и в трудные годы женился на Баськиной матери. Говорили, будто застрял он в том селе у молодухи по имени Анисе и гуляет там четвертый день. Шепотки и слухи поползли по деревне, и никто не знал, что будет дальше. Только тот же Макса через пару деньков, приехав с почтой, вдруг сообщил, что он видел Марала, и тот собирается быть дома непременно.

Момон забежала по деревне. Ради такого случая Тырышаков расщедрился и приказал выдать ей десять килограммов ржаной муки, Момон пустила ее на араку. Она подняла на ноги всех родственников — дальних и близких — и всех соседей, даже тех, с которыми долгое время была в ссоре. Тим с Баськой ходили из аила в аил и сообщали:

— К нам завтра отчим приезжает, мама звала вас в гости и просила приготовить араки...

Но люди готовились к этому и без напоминаний Момон. Куда бы ни заходили братья, их встречали взволнованной речью:

— Кудай, кудай! О чем говорить? Ваша радость — наша радость! Сколько есть, все отдадим. Надо же! Человек без вести пропал, теперь возвращается на родину. Встретим как надо! Пусть мама не сомневается, поможем.

Наутро вся деревня потянулась к аилу Момон, который дымил, как фабрика. Каждый, кто заходил в дом, ставил на

стол свою посуду с аракой, и, как обычно, оговаривался:
— Что-то у меня арака не получилась. Но на вкус ничего! Бери, мать Тима. К вечеру еще принесем.

— И на том спасибо, — кланялась счастливая Момон. — С миру по капле и море соберем!

На всех противнях и в чугунках что-то парилось, шипело и булькало. Дым, который не успевала вытягивать печная труба, облаком плавал по избе.

С самого раннего часа изгородь облепила детвора. Повизгивая от нетерпения, во дворе крутились собаки. Карабаш и Койла на правах самых близких Баськиных друзей ни на шаг не отступали от двери избышки. Все нетерпеливо поглядывали на зимнюю дорогу, тянущуюся за рекой, откуда должен был появиться Марал. Ждать пришлось долго.

Но вот детвора на изгороди загалдела:

— Уй, уй! Едут! Едут!

На дорогу из леса вывалилась толпа. Скоро можно было рассмотреть, что впереди нее на чалом худом коне едет главный виновник случившегося. Притороченные к седлу мешки волочились по дороге; конек то пускался трусить, то снова шел шагом, а всадник слегка свешивался то на одну, то на другую сторону.

В аиле у Баськи заволновались. Тырышпаков, оторвавшись от толпы встречающих, первым примчался на своей лошади и, не сходя с нее, крикнул:

— Эй, Момон, встречай своего Марала!

— О, Малал! О, мой Малал! — затараторила Момон, от волнения коверкая слова, и выбежала на улицу. — Вернулся! Вернулся! — кричала она. — А я так оплакивала тебя!..

Выскочив на дорогу, она побежала навстречу идущим, вот поравнялась с конем, схватила Марала, притянула к себе, неловко чмокнула его и, ухватившись за стремя, шла так до самого порога.

Возле аила парни сняли Марала с коня, втащили его в дом и усадили на почетное место. Момон кудахтала точно наседка, снуя по переполненной избе. Сабатка и дед Саламчи разливали араку в чочойки, и все потянули их к Маралу. Женщины запели песню в честь вернувшегося воина. Веселье постепенно разгоралось, но все заметили, что Марал, как вошел, так и сидел с угрюмым видом, совсем не обращая внимания на хлопотавшую жену. И видом своим показывал, что вошел он в этот дом только ради уважения к людям. Когда Момон потянулась к нему с чочойкой, полной араки, Марал чуть пригубил из нее и вернул обратно. Стало тихо. Этот жест поняли все. Если бы Марал был рад встрече с же-

ной, выпил бы араку из жениной чочойки до дна. А тут он отдал лишь дань уважения и не больше. Все молча следили за ним, недоумевая.

Момон подали вторую чочойку, и она опять протянула ее мужу, и он снова едва пригубил и вернул жене. Момон побледнела.

— Песню давайте! Песню! — крикнул Тырышпаков, чтобы прекратить этот бессловесный разговор между супругами.

Женщины снова запели. Но песня была грустной и негромкой, гости были смущены. Не такое они ожидали увидеть на встрече с фронтовиком, да еще, можно сказать, вернувшимся с того света. Момон не выдержала и заплакала.

— Марал! Что же ты? — упрекнул его Тырышпаков.

А женщины пели:

Гусь мой, гусь, куда ты летишь,
Утомленным крылом звеня?
Милый мой, куды ты спешешь,
Полюбить заставив меня?
Лебедь мой, куда ты летишь,
Уставшим крылом звеня?
Милый мой, куда ты спешешь,
Заставляя сердце болеть?..

И вдруг одна из них горько разрыдалась. Вокруг нее столпились старухи, утешая. Другие хмуро вздыхали. Только вчера эта бедняжка получила похоронку.

Марал вытащил из кармана грязный платок, угрюмо высморкался и сказал, не глядя на жену:

— Ты мне ни разу не ответила на письма...

— Письма!? — удивилась Момон, всплеснув руками. — Баська! — вдруг заорала она. — Где ты, чертенок? А ну, скажи! Скажи, куда ты писал, грамотей этакий?

На печи что-то зашуршало, и оттуда спрыгнул Баська-заика, перепачканный известкой и сажей. Упрямо смотря в сторону, он сказал:

— Письма? Я п-писал... Я п-писал...

— Вот-вот! Скажи отцу! — наступала на него Момон. — Может, ты чего перепутал?

— Н-ничего я н-не п-перепутал, — обозлился Баська. — Полевая почта 6729. Вот...

Все присутствующие с интересом обернулись к Маралу. Тот так же спокойно вытащил опять свой платок, громко высморкался и сказал:

— Перепутал. Моя почта была 6279. Куда же ты смотрел, когда писал?

Баська испуганно поглядел на мать, подтянул спадавшие штаны и захныкал:

— Я д-двойку боялся первой писать. Бабка Содонной говорит — это плохая примета... А письмо, говорит, и так дойдет.

Тырышпаков хлопнул ладонью по столу и расхохотался. Момон кинулась к Баське, потом, видимо передумав, заспешила к печке подогреть араку. А счастливый Марал глупо улыбался и не знал, куда ему деть свой грязный платок. Веселье восстановилось.

— Да пойте вы, пойте! — крикнул Тырышпаков.

А Баська, закрепив веревкой штаны, не спеша полез обратно на печку...

Зима вступила в свои права. Укутанные снегом, как ватой, безмятежно спали горы, затихла до весны тайга, только горные речушки, облизывая пенистой волной желтые наледи, весело бежали среди этого безмолвия, уходя на равнине под крепкий лед.

Возле самой деревни ребятишки расчистили большое пространство и с утра до вечера носились на коньках. Стояло полнолуние, и даже поздним вечером было видно, как днем. К вечеру сюда приходили парни. А где парни — там и девушки, хотя бегать на коньках они не решались. Больше всех кичился Макса, у которого в отличие от остальных ребят были настоящие коньки. Ловко раскатываясь и делая красивые виражи под восхищенными взглядами парней и девушек, тяжеловатый угрюмый Макса точно перерождался. Даже русские частушки распевал, вызывая восторг окружающих.

Вор горит, густой горит,
Горит в лесу сосеночка.
Не полюбит ли меня
Молода девчоночка?..

— Ох, этот Макса! Научился же у русских девушек таким частушкам! — кокетливо кричала молодая вдовушка Пороской, которой не сиделось дома и тянуло туда, где веселилась молодежь. Ну, Макса! Спой-ка еще что-нибудь, а?

И Макса не заставлял себя долго упрашивать. Пел другую частушку, да такую, что долго не смолкал хохот парней и прысканье девчат. А Пороской так и закатывалась, хватаясь за живот.

Карабаш хмуро поглядывал на Максу. В толпе девушек была и Маралчи, и Карабаш догадывался, чего ей стоило все

это озорство и безразличие Максы. Но Маралчи с подругами тоже, оказывается, не хотели оставаться в долгу. Едва Макса умолк, вспоминая что-нибудь новенькое, они дружно пропели, видимо, только что сочиненную частушку:

Ты миленок, как теленок,
Как речь с тобой вести?
Изменил своей подруге —
Ни стыда, ни совести!

— Вот молодцы! — выкрикнул Койла. — Что, Макса, съел?!

И поскорее покатился к кромке льда, чтобы выбраться на снег, потому что Макса насутился и, кажется, готов был сорвать на нем свой гнев. Но тут произошло что-то странное. Луна, которая ослепительно сияла над вершинами гор, вдруг начала меркнуть. Какая-то тень надвинулась на нее, и все вокруг сразу потемнело.

— Эй, эй! Смотрите, смотрите! — заволновались ребята.

Парни и девушки стояли, глядя на луну, а ребяташки подняли визг и кинулись к деревне, падая и барахтаясь в снегу и снова поднимаясь. Из аилов выбежали испуганные старики и старухи.

— Неужели затмение?! — крикнул Озой. — Ну да! Так и есть, затмение луны.

Убежав с катка, Карабаш и Койла у первого же аила наткнулись на тетку Дарыйю, которая истово молилась на луну.

— Эй, вы! — крикнула она. — А где наши старики? Что они не видят, что ли? Бегите скорее к деду Штопу и скажите ему, что творится на небе!

— А зачем? — спросил Койла, поглядывая на небо и дрожа.

— Как зачем? Не задавай лишних вопросов, сопляк! Дед Штоп знает, что делать! Ну, что вы стали, разинув рты? Бегите! Скажите, что Дельбеген¹ собирается съесть луну!

Койла словно онемел от сообщения тетки Дарыйи и не двинулся с места. А Баська-заика и Пейтке помчались к дому деда Штопа, чтобы сообщить новость. Карабаш остался с Койлой. Вскоре Баська и Пейтке вернулись.

— Ну, что? — накинулась на них Дарыйя.

— Дед Штоп спит, — ответил Баська. — На печке.

— Вы сказали ему?

¹ Дельбеген — чудовище из алтайского эпоса.

— Нет, — ответил Пейтке. — Он так храпит, что к нему подойти страшно!

— Ах вы, негодники! — завопила тетка Дарыйя. — Скажите ему, что Дельбеген проглотил уже половину луны. Слышите?

Баська и Пейтке исчезли, но вскоре снова вернулись.

— Он проснулся, — сообщил Баська. — Но ищет валенки.

— О, бурхан! — возопила тетка Дарыйя, вскинув руки к небу. — Что можно сделать с такими помощниками? Возьмите у меня на печке пимы и несите их скорей деду Штопу!

Карабаш и Баська кинулись к ней в избу, схватили пимы и теперь все вместе побежали к дому деда Штопа. А там уже собрались старики со всей деревни и поторавливали медлительного деда скорее приступить к заклинанию против действий чудовища. Кряхтя и стоная, дед Штоп натянул пимы тетки Дарыйи и сказал, что ему нужна пила с деревянными ручками. Пилы, оказывается, старики прихватили с собой и подали ему не меньше десятка. Дед Штоп выбрал нужную и вышел из аила. Все повалили за ним.

Выйдя на улицу, дед Штоп поглядел на луну, что-то пробормотал, потом быстро привязал одну ручку пилы к оглоблям саней, стоявших во дворе. Пила, раскачиваясь, повисла в воздухе.

— А молоток где? Давайте молоток! — крикнул дед Штоп.

Ему принесли молоток. Мальчишки притащили на веревке двух псов и привязали их рядом с пилой к саням.

Дед Штоп опять поглядел из-под ладони на луну и начал стучать молотком по пиле. Пронзительный дребезжащий звук поплыл по деревне. Собаки ошетинились, зарычали, а потом, задржав морды, отчаянно завyli. Дед Штоп иногда останавливался и поглядывал на луну, потом с новым усердием принимался орудовать молотком. От грохота и воя собак у людей заложило уши.

Один из стариков вдруг прошептал:

— О, всевышний бурхан! Кажется, Дельбеген отпускает луну...

Койла толкнул в бок Карабаша.

— Смотри! В самом деле луна освободилась!..

Дед Штоп, бросив стучать по пиле, кинулся к собакам и начал пинать их ногами. Собаки подняли еще более отчаянный визг и лай, и можно было подумать, что во дворе

деда Штопа открыли живодерню. Но тут старики зашевелились и закричали. Дед Штоп остановился. Луна сияла в своем прежнем блеске.

— Смотрите, смотрите, как она снова блестит! — говорили старики. — Если бы не дедушка Штоп, не видать бы нам луны! Спасибо дедушке Штопу! Спасибо... — раздавались голоса.

Дед Штоп бросил молоток и в окружении возбужденных стариков пошел в избу. Там он снял пимы тетки Дарыйи, и, выпив две-три пиалы горячего чаю, опять полез на печку. Все на цыпочках выходили из избушки, боясь потревожить сон дедушки Штопа.

На улице Карабаш и Койла встретили Максу. Он шел, размахивая своими настоящими, железными коньками.

— Ну, что? Освободил ваш дедушка Штоп луну? — насмешливо спросил Макса.

— А разве ты этого не видел? — с вызовом ответил Койла.

— Затмение луны — это явление природы. Так сказал Озой. А все эти штучки деда Штопа всего лишь суеверие! — нравоучительно сказал Макса, засмеялся и пошел дальше.

Карабаш и Койла приниженно молчали.

— Н-да, — наконец вздохнув, протянул Койла. — Если бы я знал, что это суеверие — ни за что не пошел бы! А мы ему еще пимы принесли!..

И, подавленные своей ошибкой, они молча поплелись домой.

Ох, и коротки зимние дни! Едва рассветет, засверкает на свету белизна снегов, порой нет-нет да и выглянет тусклое зимнее солнышко, заиграют скупыми красками горы и тайга; и смотришь — потухли краски, полинял день, затянулись горы белесой мутной пеленой. Быстро-быстро гаснет небо. И вот упал уже на долину вечер. В вышине сверкают звезды, здесь, в горах, по-особенному крупные, яркие и очень близкие. Ты еще и не успел как следует нагуляться, подышать морозным воздухом, а пора идти домой. Все живое в это время тянется к теплу, к огоньку. Скучно среди мрака, поземки и холодного ветра. Лучше уж сидеть дома, где веселит душу огонь в очаге, потрескивают полешки.

Да только много дров не нажжешь. Не было осенью ни времени, ни тягла, чтобы запастись всем сполна. Время военное, трудное. В иных домах копят керосиновые лампочки, а в других — еще прадедовские жировые плошки, от кото-

рых больше чаду, чем света. С керосином тоже плохо. Молодежь, правда, не унывает. Собирается где-нибудь поиграть, попеть песни, увидеть милую или милого, обсудить свои сердечные дела. Кто может, несет ложку керосина или жира — вот и свет, вот и веселье, и невзгоды как бы остались за горами. Молодежь любит жизнь. Ей ждать некогда... А другие дома стоят темные, как вымершие. Древние старики и старухи рано ложатся спать и дремлют, как сурки в норах, и вроде спят, да все слышат, все думают, вспоминают... Ребятишкам в темноте скучно, они жмутся к окнам, о чем-то шепчутся, над чем-то смеются, выглядывая на улицу, залитую звездным светом, пока мать или бабка не прикрикнет, не погонит спать...

Взрослые сходятся отдельно. Бывшие фронтовики, вдовы да люди пожилые тоже хотят жизни, слов, тепла. А где еще можно отвести душу, как не в беседе. Где еще можно перекинуться шуткой или веселым словом, как не у соседа, который умеет и любит принимать гостей? Такой дом у них в деревне — у кузнеца Кармана. Человек он в годах, но веселый, умный и рассудительный. В особенности охоч он до разных «мировых» новостей. А тут война, тут последняя военная зима, советские войска уже штурмуют границы Германии, и хоть редки новости в деревне, запрытанной глубоко в горах, но и они просачиваются сюда разными путями, наподобие горных ручейков. Поэтому кузнец Карман всегда радуется газетам, хотя и по складам-то читать как следует не научился. Но разгладит лист корявыми руками, водрузит очки и согнется над ним, шевеля губами, потев над каждой буквой. Глядишь, за вечер пять строк и одолеет. Зато потом разговоров вокруг этих строк в его доме — на два вечера! Обсудят их и так, и эдак, и с той стороны, и с этой... А то придет старик-сказитель с топшууром¹, начнет перебирать звонкие струны, и вот уже полилась героическая песня о гeroe, о его походах и ратных подвигах за счастье народа...

Теперь частенько от кузнеца Кармана к Карабашу прибегал посыльный.

— Э, слушай, Карабаш! Тебя кузнец зовет. Газету новую привезли. Сходи, почитай людям.

Карабаш шел с неохотой. Ему было интересно читать в газете только стихи, но вот его взрослые слушатели не особенно их жалуют. Только он начнет чеканить первые строчки, как какой-нибудь старик замашет руками:

¹ Топшуур — щипковый национальный инструмент.

— Стой, стой, парень! О чем, собственно, тут речь? Ничего не понимаю! Это писал какой-то несерьезный человек. Вроде бы все гладко, а об армии и флоте — ничего! А какую это он речку поминает? На нашу не похоже. Не-ет, читай нам сводку. Что-то я не все понял, наверное. Хочу еще раз послушать.

Карабаш в ярости отшвыривает газету.

— Да это стихи! Стихи это! — в отчаянии кричит он. — Красиво ведь!

— Нам о красоте не надо, — твердит упрямый старик. — Ты нам про военные действия читай. Или про строительство.

А другая тетка обнимает его за плечи и внушает:

— Читай, читай, балам. Вот брат Максы — Бешпек. Такой в детстве неказистый был. Вечно в соплях ходил, а теперь, погляди: чето-вод колхозу! Тысячами ворочает! А все благодаря чтению. Какой-то уголок газеты валяется, а он поднимет и читает, читает... Сама помню! Вот как надо добиваться своего места под небом... А ты?

Карабаш грустно вздыхал и снова брал газету.

В избе Кармана, как обычно, полно народу. Все чинно сидят на лавках, что стоят вдоль стен, и наблюдают за тем, как кузнец Карман сражается с ворожеем Улачи в карты, в двадцать одно. Накурено так — хоть топор вешай! Кузнец Карман сидит без рубашки и, как жук усиками, смешно двигает черными кустистыми бровями. Это он нарочно, Улачи дразнит. «На нервы ему действует», как говорит Карман. Упругий живот кузнеца лоснится от пота. Тощий Улачи, тасуя карты, бешено трясет жидкой бородашкой.

— Ах, Карман! Ах, собачий сын, — бормочет он тоненьким голоском. — Все мои запасы вытряхнул. Все выиграл!

Кузнец Карман оглушительно хохочет и берет у него карту, потом другую и кивает:

— Бери себе!

Улачи, посмотрев свою карту, закрывает глаза, раскачивается и бормочет:

— Красномастные карты мои, чернобровые богатыри мои! Наберитесь сил, наберитесь сил — и сразите врага моего!

Он кидает себе карты и вдруг вздрагивает.

— Перебор! — кричит Карман. — Опять проиграл!

— Тьфу! Тьфу! — сердится Улачи и со злостью отшвыривает карты.

— Хватит, Улачи, — добродушно говорит кузнец. — Отдохни. Вот старуха твоя получит пособие, придешь снова

играть. Хотя ты и знаменитый ворожей, а я тебя все равно обыграю!..

Жена Улачи, бабка Панес, стоит позади мужа и переживает за него. Когда он проигрывает, она сразу отворачивается и плюет в сторону. Но это им мало помогает. Улачи просит ее:

— Женушка, подкинь еще рублик! Видишь, проклятый Карман разошелся... На том рубле удача у него была, может, мне на этом повезет?

Бабка Панес молча вынимает из-под широкой юбки обшитый бархатом кошелек и отсчитывает ему рубль мелочью. Игра возобновляется. Улачи подает карту и шепчет:

— О, чернобородые цари, красноглазые богатыри, помогите мне победить этого Кармана!

И снова проигрывает. Бабка Панес обидчиво забивается куда-то в угол, и ее больше не видно. Ворожей Улачи сконфуженно слезает с лавки. На его место садится дед Токмай.

— Фу, фу! — плюет он в ладони. — Сдавай, Карман! Сейчас я с тобой сражусь!

— Токмай, — говорит кузнец Карман. — А ежели ты проиграешь, не побежишь вешаться?

В избушке долго стоит хохот присутствующих. Но дед Токмай не обижается.

— У меня жена получила в премию овечку, — весело подмаргивает он соседям. — Давай на эту овечку! Овечка хорошая.

Кузнец Карман оборачивается к женщинам:

— Эй, женщины, ставьте воду на огонь. Скоро эту овечку будем резать и дьергём¹ делать!

Игра была в полном разгаре, когда в избушку заявила жена Токмая — Баланка. Узнав, в чем дело, она мигом очутилась возле своего мужа и, схватив его за шиворот, свалила вместе с лавкой на пол. Силушке этой женщине было не занимать!

— Эй, люди! — закричала Баланка, приходя в неописуемую ярость. — Вы только поглядите на этого богача! Он уже на свое стадо уселся играть! А ну, марш домой!

— Вот глупая женщина! — зло огрызается дед Токмай, чтобы не уронить в глазах присутствующих свое мужское достоинство, хотя из сильной руки Баланки ему никак не удастся вывернуться. — Да что я там в темноте делать буду? Или я не имею права посидеть по-людски? Здесь же почтенные люди!

¹ Дьергём — колбаса из овечьих внутренностей.

— Это кто, кузнец Карман, что ли? — язвительно спрашивает Баланка, грозно хмуря брови.

А Карман не уступает ей.

— Погоди, Баланка! Погоди. Твой муж мне уже половину овцы проиграл, — смеется он. — Эй, женщины! Готова ли вода? Где мои ножи, сейчас мою половину разделявать будем!

Смех в доме усилился. Баланка на мгновение опешила, чем не замедлил воспользоваться Токмай. Он выскользнул из ее рук и опять уселся напротив Кармана.

— Сдавай карты! — потребовал он.

Но тут Баланка влепила ему такую затрещину, что он снова оказался на полу.

— Ах так! — завопил дед Токмай. — Все! Где твоя веревка, Карман? Пускай эту женщину судят народным судом! Она за все в ответе!

Он кинулся в сени и сослепу на что-то там наткнулся, послышался грохот падающего ведра. Среди взрывов хохота доносилось из сеней чертыханье Токмая.

— Токмай! — веселился кузнец Карман. — Не там веревку ищешь. У меня на ней пес привязан.

Опять грянул хохот. Вытирая глаза, обессиленные от смеха люди стали понемногу успокаиваться. Карман встал, выпил залпом чай из чугунка и вдруг огляделся.

— Эй, люди! А где же Карабаш?

Карабаш, забравшийся в уголок во время этой суматохи, шагнул вперед на свет.

— Здесь я. Где же мне быть?

— Все! Будем читать газету, — заявил Карман. — Сегодня Макс принес. Эй, люди! Где же газета?

Все засуетились, стали искать завалившуюся куда-то газету. Но тут Карман вспомнил, что сам ее убрал. Он открыл шкафчик, достал газету, добавил огня в лампе и указал Карабашу место за столом.

— Садись сюда, — сказал он. — Читай!

Карабаш развернул газету.

— «Красная Ойротия», — прочитал он прежде всего заголовки.

— Читай все подряд от первой строчки, — сказал Сабатка, попыхивая трубкой.

Карабаш начал читать передовицу. В избе стало тихо, только фитиль в лампе потрескивал. Дымили все нещадно. Дым плавал синими клубами над самой лампой, щипал глаза. Карабаш закашлялся.

— Стоп! — скомандовал кузнец Карман. — Объявляю

перерыв. Выкурить всем по трубке и хватит! Дитя отравите. Иди, балам, подыши воздухом.

Они вместе вышли на улицу. Карман долго смотрел в ночное небо.

— Красота какая! — выдохнул он. — Наш Алтай! — потом он покосился на дверь избы и, подмигнув, зашептал: — Слушай, Карабаш! Вот что... Надо тебе про нашу Эркечи прочитать. О том, что она колхозной землей пользуется для личного дохода и все такое прочее... Понял? И главное — что на нее будто штраф наложили. Ну, скажем, пятьсот рублей! А? Вот потеха будет!

— Как же я читать буду, когда в газете про это нет? — удивился Карабаш.

Карман в восторге от своей выдумки хлопнул его по плечу да так, что Карабаш присел. Поддержав его, Карман сказал:

— Да они же неграмотные, чудак! Написано или не написано — откуда узнают? Да ты не бойся, валяй! Я тебя в обиду не дам. Понял?

Карабаш подумал, подумал и засмеялся. И, действительно, потеха будет!

Карман обнял его за плечи и потащил в избу.

Когда Карабаш уселся за стол, Карман внушительно откашлился и кивнул:

— Читай, парень, дальше...

Карабаш пробежал глазами по газетной странице. В самом низу была напечатана небольшая заметка о плохой подготовке зимовок для скота в каком-то колхозе. Карабаш упер в нее палец и удивленно воскликнул:

— Вот это да!

— Что? Что такое? — заволновались все. Карман незаметно подмигнул Карабашу.

— «Кулачка», — твердо произнес Карабаш.

В избе моментально восстановилась тишина, только пощелкивали семечками женщины. Карабаш, запнувшись, но все же справившись с собой, медленно «прочитал»:

— В колхозе «Красная заря» живет Чокоева Эркечи, которая все время нарушает колхозный устав. Пользуясь землей, предоставленной ей колхозом, она выращивает брюкву... Продавая эту брюкву, она разбогатела и...

— Куда-ай! Бой, бой! — ахнули женщины и заерзали на лавках, забыв о своих семечках. — Неужели это написано о тебе, Эркечи? — заговорили они, оглядываясь на Эркечи, которая сидела тут же на лавке и преспокойно продолжала лущить семечки. — Если сказано колхоз «Красная заря», выходит, о тебе?..

До Эркечи не дошел смысл слов, прочитанных Карабашем, и она, равнодушно сплюнув шелуху на пол, пожала плечами. А женщины уже не могли успокоиться. Карман, грохнув мощной ладонью по столу, приказал Карабашу:

— Читай, читай! Оч-чень интересно!

Карабаш откашлялся, покосился на слушателей и стал «читать» дальше:

— За незаконное использование колхозной земли на Чокоеву Эркечи власти налагают штраф в пятьсот рублей. Кроме того, Чокоева...

Но его прервали:

— Пятьсот рублей? А-ах!..

Карабаш шумно втянул в себя воздух и продолжил:

— ...В том же колхозе живет некий Саймунов Салаты, который держит лишнего коня... любит жить вообще за чужой счет. — Тут Карабаш вспомнил, как Салаты отобрал у них с Каракаем рыбу да еще отхлестал бичом. — За нехорошие поступки Салаты...

— Врет он, шайтан! Все врёт! — вдруг громко закричала Эркечи, до которой, наконец, дошло то, о чем вокруг толкуют. Подскочив к Карабашу, она вырвала у него газету и потребовала: — Где тут написано? Покажи!

Карабаш ткнул пальцем в заметку о зимовках.

— Вот!

Эркечи, полураскрыв рот, уставилась на указанное место. Кузнец Карман поднялся из-за стола, спокойно отобрал у нее газету и засмеялся:

— Да-а, плохи твои дела, Эркечи. Прямо скажем, плохи! Вот что: продай-ка ты лучше свою брюкву по сходной цене. Тут, знаешь, теперь завертится колесо: пойдут комиссии разные, обыски.. Продашь не только брюкву, но и последнее исподнее!.. Продавай! Мой тебе совет.

— А кто это мог сообщить о лишней лошади у Салаты, а? — удивленно качали головами люди. Глаза у всех блестящие, многие в волнении стали набивать трубки, забыв о предупреждении Кармана.

— Ты, однако, соврал, шайтан, а? — допытывалась тетка Эркечи, уставившись прямо в глаза Карабашу.

Увидев, что Карабаш в затруднении, Карман легонько взял Эркечи за плечи и отодвинул от стола.

— Неправду в газетах не пишут, — сказал он и опять захохотал. — Что написано пером — не вырубишь топором!

Эркечи стала просить у него газету, чтобы показать ее новой учительнице, но Карман наотрез отказался дать даже на одну дойку коровы.

— Учительница сама газету получает, — сказал он. — Можешь у нее узнать. А эту мы в правление отнесем.

Тетка Эркечи рвала и метала, но ее никто не слушал, и на все выпады Эркечи раздавался только смех.

Так и не добившись ничего, Эркечи, хлопнув дверью, ушла. Один за другим стали уходить и остальные: не терпелось поделиться новостью дома. Но, прежде чем расстаться с хозяином, возбужденно переговаривались:

— Вот она — правда! В колхозе толком не работала, все норовила туда, где повыгодней... А теперь закон ей покажет! Так ей и надо!

— А этого Салаты-пьянчугу как продернули?! Конь-то свой: одному — дрова, другому — сено, вот и кормится! За чужой счет живет, верно написано!

Когда Карабаш собрался уходить, Карман ухватил его за рукав.

— Э, Карабаш! — расхохотался он. — Скажи, как это ты насчет Салаты догадался? Ну, здорово! Молодец! Знаешь, что? Приходи завтра сказки почитать. Хор-рошую книжку я достал у учительницы! А я скажу, чтобы тебе приготовили что-нибудь вкусненькое.

Так в первый раз в жизни Карабаш узнал силу печатного слова...

У кузнеца Кармана Карабашу доводилось читать не одни только газеты и сказки. Частенько на эти вечера заявлялся кто-нибудь с письмом с фронта, и Карабаш читал его вслух, а порой где-либо в уголке нашептывал бедной солдатке, вытиравшей концом платка слезы, дорогие слова, которые слал ей муж, брат или сын. Потом его просили написать ответ. Карабаш рассказывал фронтовикам о новостях в колхозе, об урожаях или удачах на фермах, о том, что делают сыновья фронтовиков, как живут их дочери и с кем дружат, и о многом другом, что их интересовало. Как-то Карман принес от молоденькой учительницы небольшую карту. Он вывесил ее на самом видном месте, и теперь Карабаш разыскивал на карте тот или иной город, ту страну, откуда писал фронтовик, и отмечал карандашом. Порой, взяв линейку, он мерил расстояния, которые тянулись от этих мест до главного логова фашизма — Берлина.

Встречая Карабаша на улице, сельчане в шутку, а то и всерьез осведомлялись:

— А ну, парень! Скажи, сколько там сантиметров от Берлина осталось?

Кузнец Карман привел в порядок его полуразвалившиеся ботинки, а Койле достал откуда-то валенки с крупными кожаными заплатками, и теперь братья часто пропадали в лесу, ставя силки на зайцев.

Как-то утром их разбудила мать. Растолкав Койлу, она сказала:

— Сходи, сынок, к бабке Содоней, попроси у нее топор. Сегодня откроем яму с картофелем. Что же делать, надо брать!..

Койла с радостным криком скатился с печки, Карабаш быстро оделся.

У них в деревне картошку не возили к аилам, а копали около участка яму, ссыпали в нее картошку и, закрыв соломой и присыпав сверху землей, плотно закрывали досками до весны. Давно Карабаш и Койла просили мать открыть яму. Осенние запасы истощились довольно быстро, и ребята соскучились по горячему рассыпчатому картофелю. Как же, это ведь была главная еда! Но мать отмахивалась:

— Еще рано. Вот март отойдет и откроем.

— А если померзнет? — спрашивал Карабаш.

— Не должна, — отвечала раздумчиво мать, и в глазах у нее сквозила растерянность.

Койла принес топор, Карабаш достал из сених железную лопату, отчистил ее от давно насевшей ржавчины, протер тряпкой. Сели завтракать.

— Боюсь, как бы вода не просочилась в яму. Снег нынче тает днем, — пояснила мать.

— Надо скорее открыть! — заметил Койла.

После завтрака втроем отправились в поле к картофельной яме. Ее быстро нашли среди сугробов — тут был знаком каждый бугорок. Братья дружно расчистили снег. Потом, скинув шубейку, Карабаш принялся рубить топором мерзлую землю. Она звенела, как камень, мелкие кусочки летели во все стороны, попадали в лицо, откалывалась земля трудно. Потом его сменил Койла. Но его слабые руки выдержали несколько взмахов, и мать взяла у него топор.

Мать рубила мелко и быстро. Ловко у нее получалось!

Взяв лопату, она стала разгребать ледяные комья. Показалась прошлогодняя сухая трава, прожившая всю зиму под снегом, а за ней — широкие доски.

— Яма открылась! — обрадованно крикнул Койла.

Поддев топором, мать сдвинула доску, нагнулась и стала нюхать воздух, дохнувший из ямы теплом и прелью.

— Нет, — сказала мать. — Слава богу, не погнила!

Карабаш прыгнул вниз, разгреб сухое сено. Картофелины лежали одна к одной, гочно их только что ссыпали в яму: крупные, ядреные.

Набрав полный мешок, взгромоздили его на санки. Мать бережно заложила яму досками и сказала:

— Надо будет у Тырышпакова лошадь попросить, чтобы вывезти ее отсюда. Так оставлять нельзя.

Придя домой, Карабаш и Койла так набросились на работу, что мать только тихонько посмеивалась. Карабаш с жаром колол на дворе чурки, а Койла взялся мыть самый большой чугунок и вычистил его так, что сверкал он, как новенький. Мать разрешила сварить его полным. Вымытые картофелины блестели в чугунке, как большие куски масла. И когда картошка закипела и дивный аромат распространился по всей избе, все притихли, словно в ожидании сказочного чуда. Скоро полная дымящаяся миска с рассыпчатой белой картошкой стояла на столе, и все торжественно и чинно усадились за еду.

— Эх, еще бы соли... — вздохнула мать.

Соли давно в деревне не было. Бураны и метели занесли все дороги на перевал, и пробраться в соседнее село было невозможно...

Вечером в аиле хозяйничали Карабаш и Койла. Мать, придя с фермы, изумилась: пол и посуда сверкали чистотой, весело потрескивала печь, и чугунок с картошкой уже стоял на столе.

Они собирались ужинать, когда заскрипели под окнами чьи-то шаги, и вскоре в избу вошли бригадир Байдыл и Макса. Карабаш и Койла знали, что сегодня Макса ходил в далекое село за почтой. Тырышпаков еще волновался: пробьется ли он через снежные заносы?

Братья с интересом уставились на гостей. Макса отчего-то остался у порога и громко сопел, опустив глаза. А бригадир прошелся по избе, оглядывая углы, точно приценивался, собираясь ее купить. Потом он обернулся к матери Карабаша и протянул ей конверт.

— Это вам, — сказал Байдыл.

Койла и Карабаш так и подскочили на скамейке.

— Письмо от папки! Письмо! — закричали они.

Карабаш бросился к матери, но Байдыл остановил его.

— Нет, ребята, это не письмо, — глухо выговорил он, и они с Максой быстро вышли из аила.

Мать, стоя у печки, распечатала конверт и склонилась к огню, всматриваясь в строчки. Вдруг руки ее задрожали,

мать пошатнувшись, задела чугунок, и он с грохотом покати́лся по полу. Письмо выпало у матери из рук, и мать бес- сильно опустилась на пол.

Койла громко заплакал.

— Ох, сердце, сердце, — застонала мать.

Карабаш бросился к ней, подхватил, но мать только сто- нала, стискивая зубы и держась за грудь. Карабаш поднял конверт: это было извещение о том, что их отец пал смертью храбрых...

Картошка в чугунке давно остыла, но никто в этот вечер не подсел к столу...

Мать Карабаша слегла. Несколько дней она была в бес- памятстве, кричала, звала детей, отца. Карабаш и Койла не отходили от нее ни на шаг.

Приходили соседи. Помогали мальчикам по дому, давали советы. Кто-то принес чистую простынь и помог постелить матери. Кто-то варил кёчё, чистил чугунки, мыл посуду. Зашел Тырышпаков, постоял у кровати матери, вздохнул, погладил по голове Карабаша. Уходя, оставил кулек ржаной муки. Дом их не пустовал, и мальчикам было легче и неза- метнее переносить горе. Соседки по вечерам собирались у них, сидели около кровати матери, вели свои нескончаемые разго- воры, и поэтому не так страшен был завывающий ветер за окном, не сильно пугала темнота.

Потихоньку приходила в себя мать. Она подолгу лежала неподвижно, глядя в потолок сухо блестящими глазами, но уже не бредила, не металась в забытии. Женщины заговари- вали с ней, но не требовали ответа, гладили ее волосы, за- ставляли выпить глоток крепкого чая, хлебнуть бульона. Мать безропотно подчинялась. На пятый день утром она также тихо и незаметно поднялась и ушла на работу.

Проснувшись и не увидя матери, Карабаш испугался. Он выскочил из избы и увидел ее след, смешавшийся потом с другими следами на дороге. Как был без шубейки, в одних ботинках, добежал он до телятника. Мать была там. Карабаш облегченно вздохнул и вернулся домой.

Часто, сидя в избе у окна, Карабаш вдруг чувствовал, как его охватывает горькая тоска. Слезы сами лились из глаз. Карабаш всхлипывал и думал о том, что вот теперь у них с Койлой нет отца. Нет отца... Он повторял эти слова и не мог к ним привыкнуть. И теперь все чаще, особенно по но- чам, ему виделся отец, каким он его помнил в самые разные дни их жизни. И как отец впервые посадил его на коня, и как

взял с собой на сенокос, и как ходили в лес и ловили рыбу. Отец ловко управлялся с хариусами! Воспоминания были отрывочные, не связанные, но вспоминалось много. Карабаш даже вспомнил запах табака, который курил отец. Его трубку, красиво расшитый матерью кисет. Его привычки, его слова... Раньше, до этого письма, Карабаш меньше думал об отце. Карабаш знал, что отец сражается с фашистами, и сражается мужественно, упорно, защищая его, Карабаша, мать, брата Койлу, их деревню и всю страну. Это наполняло Карабаша гордостью за отца. Отец воевал, и больше не о чем было думать. Карабаш видел, как воевали на фронте в кино. Они иногда бегали в соседнее село смотреть фильмы. Теперь Карабаш пытался представить себе, как погиб отец, и это тоже было связано с виденным, слышанным. «Пал смертью храбрых» — эти слова, несмотря ни на что звучали торжественно, тоже наполняли гордостью за отца. Но вот то, что его больше нет на свете, не укладывалось в сознании. Стало немного яснее, когда Карабаш подумал, что отец просто никогда больше не придет в деревню, как пришел дядя Карабай, Сабатка... Никогда... Самое простое было самым ужасным, самым неожиданным. И хотя это никогда Карабаш до конца представить не мог, тяжелый судорожный комок болезненно сжимал его горло.

Когда картошка снова подошла к концу, Карабаш взял санки и отправился к яме. Раскидывая снег, он вдруг обратил внимание на следы. Кто-то побывал в их яме! Карабаш опустился на колени и стал внимательно разглядывать снег вокруг ямы. Так и есть! Кто-то воровал картошку. Вот разбросана солома, а там несколько картофелин валяются... Это было настолько неожиданно, что Карабашу кровь бросилась в голову. Они с матерью такое пережили, такое вынесли, а тут... Сколько других людей пришли им на помощь, старались ободрить их, облегчить их страдания, а в этот момент нехороший, злой человек крал у них картофель! И Карабашу стало так горько и обидно, что он сел на санки и расплакался...

Дома он никому ничего не сказал. Да и не мог он сказать! Язык у него не поворачивался. Мать ходила как потерянная. Она словно не замечала ни Карабаша, ни Койлу, двигалась, как тень. Да и мальчишки старались не особенно досаждать ей. Они тихонько делали все сами, чтобы освободить мать от ненужных забот: у нее и так все из рук валилось.

Вечером Карабаш сидел у окна, ожидая, когда с фермы

придет мать, и напряженно думал: что делать? Как ему быть? Надо во что бы то ни стало поймать этого человека, этого вора. Но как? Взять с собой Койлу? Но какой от него толк, он еще так мал...

Карабаш оглянулся — Койла уже спал на печке. Позвать Баську-зайку? Нет, Баська побоится. Тогда кого же? Он перебрал всех своих приятелей, но так и не смог на ком-либо остановиться.

За окном падал мокрый тяжелый снег. Он валил так густо, что не видно было соседнего дома бабки Содоной. Карабаш почему-то уверился, что именно сегодня, в этот снегопад, придет тот человек к яме за картошкой.

Время шло, а Карабаш не двигался с места. Может, пойти к кузнецу Карману? А вдруг тот не поверит, засмеет? Или скажет, надо вызвать милицию. Пока придет кто-нибудь из района, от их запасов ничего не останется. А тот человек, наверное, радуется. Доволен, что снег заметет его следы, и никто ничего не узнает и не увидит. Знает, что мать Карабаша убита горем, а ночью занята работой на ферме, и поступок его останется безнаказанным. «Нет! Пойду, — решил Карабаш. — Не бывать этому! Хоть прослежу, узнаю, что за человек...»

Карабаш потеплее обулся, натянул на себя еще материну кофту. Подумав, прихватил с собой топор.

На улице разыгралась настоящая метель. Снег так сильно бил в лицо, что Карабаш дважды терял дорогу, но найдя ее, шел дальше. Сердце у Карабаша стучало, как бешеное. Липкий холодок пробирался по спине. Ему было страшно. Он озибался по сторонам: ему казалось, что тот человек идет за ним следом. Но в поле было бело и пустынно.

Не доходя до ямы, он закопался в сугроб и затаился. Угрюмо свистел снаружи ветер, падал и падал мокрый снег. Шубенка у Карабаша отсырела, и холод начал пробираться под нее. Чувствуя, как у него деревенеют ноги, Карабаш вылез из сугроба. Он понял, что так ему не просидеть до утра. А в том, что вор придет под самое утро, он был теперь уверен.

В конце концов он решил забраться в яму. Там было сухое сено и можно было согреться. Ну, а если вор туда сунется? «Пусть попробует, — думал Карабаш. — У меня топор. Ахнуть не успеет!» Эти мысли его успокоили.

Он раздвинул доски, прыгнул вниз и снова сдвинул их. В яме было достаточно сена. Карабаш зарылся в него и стал понемногу согреваться. Где-то наверху завывал ветер, летел

и кружился в воздухе снег, а здесь было тихо, сухо, и от картофеля пахло летом. Уловив этот запах, Карабаш совсем успокоился и даже счастливо улыбнулся.

Он напряженно прислушивался — не раздадутся ли на снегу шаги? Но было тихо. Карабаша разморило, глаза его начали смыкаться, и он то и дело задремывал. Но, клюнув носом, он тут же вздрагивал, хватался за топор, а сердце, гулко стукнув, останавливалось. Убедившись, что все спокойно, Карабаш даже подсмеивался над собой. Так продолжалось долго...

Вдруг сквозь сон Карабаш явственно услышал чьи-то приближающиеся шаги. Он съехался, забился в самый угол. Сердце его прыгало так, что казалось, вот-вот оно выскочит. Карабаша даже в пот бросило. Но шаги вдруг стихли. Потом опять зазвучали. Карабаш понял, что вор боится и, наверное приглядывается. Вот он сделал шаг и остановился, потом — еще один и опять стал. Карабаш напрягся до предела. А вор все тянул, не решался. «Да кто же это? Кто? — стучало молоточком в голове Карабаша. — Наш, из деревни? А, может это... преступник! Дезертир, прячущийся в горах?» Как только Карабаш об этом подумал, пот залил ему глаза. Он вдруг сразу понял, до чего ненадежно его убежище! Тому человеку терять нечего, навалится на него и прикончит. Яма узкая, деваться некуда, и не убежишь и кричать бесполезно: так далеко от деревни, да и голоса его из-под земли никто не услышит...

Неожиданно доски резко раздвинулись и снежок, припопавший их, посыпался в яму. Темный силуэт склонился над ямой, четко выделяясь на фоне уже сереющего, но еще звездного неба. Карабаш не выдержал.

— А-а-а-аа! — не своим голосом закричал он.

Он даже не слышал, что вор, отпрыгнув, закричал не менее испуганно и пронзительно, рухнул навзничь, но потом, перевернувшись и быстро-быстро на четвереньках пополз прочь от ямы, затем вскочил и кинулся сломя голову в сторону дальнего лога. Его фигура отчетливо различалась на белом ровном поле.

Но Карабаш этого не видел. Обронив топор, он пулей вылетел из ямы и кинулся бежать в противоположную сторону, не переставая кричать от страха и плакать. Снег уже перестал сыпать, стало как будто светлее. Единым духом Карабаш достиг деревни, ворвался в свой аил и, чуть не сорвав дверь, бросился к безмятежно посапывающему Койле. Тот

закричал с испугу, но узнал брата. До самого рассвета они так и не уснули, переживая случившееся. Карабаш принимался рассказывать как было дело, но потом пугался и умолкал. Они непрерывно прислушивались к звукам на улице и успокаивали друг друга, уговаривали, что вор не придет к их избушке и не расправится с ними.

С восходом солнца вернулась с фермы мать. Узнав о ночной истории, она то принималась ругать Карабаша за своеволие, то смеялась, но потом, глянув на сына внимательно, замолчала. Карабаша трясло. Мать велела ему лезть на печь, напоила горячим молоком и растерла какими-то мазями. Успокоившись, Карабаш уснул. А мать и Койла перевезли на санках картошку домой.

Всю ночь яма простояла раскрытой, и мать радовалась, что картошка не померзла. В яме они нашли брошенный Карабашем топор.

В деревне об этом они не сказали ни слова. Но этот случай словно встряхнул мать, будто опять пробудил ее к жизни. Она теперь по-другому смотрела на своих сыновей, чаще ласкала их и втайне даже ими гордилась. Да и природа радовала людское сердце: наступала ранняя пышная весна, победная весна 1945 года...

И вот опять зазеленела трава. Давно открылась земля, бежали ручьи, сквозные голые леса быстро наряжались в нежную зелень, словно готовились к чему-то необычному и праздничному, чего ждали и люди. Вести с фронта шли одна удивительней другой: советские войска стремительно наступали, и уже началась битва за Берлин. Все ждали победы...

Каждое утро, едва солнечный отсвет начинал играть на далеких вершинах, Карабаш и Койла, ежась от холода, бежали к загонам, чтобы выпустить телят, и приступали к своим обязанностям. И утра эти были по-особенному радостными. Никогда еще не было над Алтаем такого высокого синего неба. Стволы берез на холмах сияли такой белизной, точно кто-то по ночам отмывал их с мылом и щеткой. Звонко щебетали воробьи, попискивали ласточки, которые уже умудрились устроиться под крышей аила Карабаша и Койлы. Щебет будил братьев по утрам.

Вода в речушке была еще обжигающе холодной, и ребята осторожно перебирались на другую сторону по камням. Речная луговина выглядела пустынной и голой, как это всегда бывает ранней весной, но уже носились по ней волнующие

весенние звуки. А голос кукушки напоминал о приближении самой прекрасной поры — лете.

Сидя на молодой травке и подставляя лицо ласковым лучам солнца, братья вглядывались в простор и вслушивались в гомон с полей и из леса. Кукушка не заставляла себя ждать. «Кук-ку! Кук-ку!» Кукушка пробовала голос и слово радовалась, что он может звучать так звонко.

Карабаш и Койла хорошо помнили старое алтайское поверье: если первый голос кукушки раздастся совсем рядом — значит, весь год проведешь в слезах; если услышишь его правым ухом — год будет радостный, удачный, если левым — что-то потеряешь.

— Каким ухом слышишь? — спросил Карабаш.

— Правым!

— Ой, врешь! — засмеялся Карабаш. — Это я слышу правым, а ты ко мне боком сидишь. Может, у тебя левое ухо на правую сторону переехало?

— Нет. Это я сейчас повернулся, — отвечал Койла. — А до этого слышал справа.

— Ладно, — сказал Карабаш. — Ты мой брат, и если один из нас слышал правильно, значит, обоим будет хорошо... — помолчав, он добавил: — А я вот не верю, что бумага приходила, что без вести пропал. А он вернулся! Вернулся!

Койла, удивленно взглянув на брата, промолчал. Лицо его погрузнело, он вздохнул. Но скоро отвлекся и уже через минуту с жадным любопытством следил за полевой мышкой, юрко пробирающейся на сухое место, а потом, задрав голову, наблюдал плавный полет орла, поднявшегося с ближней скалы. Просветлело и лицо Карабаша. Все уверенней наступала весна, пробуждалась с радостной улыбкой природа, отходили прочь горести и невзгоды...

Как-то утром Карабаша и Койлу разбудил странный всхлипывающий звук: кто-то плакал у них в аиле. Братья одновременно подскочили на постели.

У очага, сидя на корточках, рыдала мать. Но, странное дело, слезы текли у нее по лицу, а она улыбалась. Увидев, что мать плачет, Койла сморщился и заревел в голос. Карабаш соскочил с постели и бросился к матери.

Но мать, улыбаясь сквозь слезы, сказала Койле:

— Дурачок! Чего ты реवेशь? Деточки мои, война кончилась! Понимаете? Вставайте скорее! Вся деревня идет на митинг!

Койла ошарашенно выпучил на нее глаза. Слезы еще стояли в его глазах, но уже слабая растерянная улыбка блуждала на лице. Он никак не мог поверить в слова матери. А у Карабаша перехватило дыхание.

— Правда... мама?!

— Правда. Правда. — Мать снова заплакала. — Ох, если бы отец дожид до этого дня!

Карабаш сел рядом с матерью и неловко, как беспомощный теленок, уткнулся ей в плечо и заплакал. Но это были слезы облегчения, в них словно растворился тот тугой комок, который долгое время стоял у него в горле и мешал жить...

— Мать Борота! Мать Борота! С победой! — кричала мать Карабаша.

— И тебя с победой, мать Карабаша! — отвечала бабка Содоней. — С победой, милая!

По деревне толпами и в одиночку шли люди. Женщины останавливались, кидались друг другу в объятия и плакали.

Около конторы уже собралось много сельчан. Бригадир Байдыл забравшись на крышу, прикреплял новое яркое полотнище флага. Оно трепыхало на свежем утреннем ветерке, и весь народ, не отрываясь, смотрел на то, как закреплял древко у конька крыши Байдыл, словно он сейчас совершал самое важное, значительное дело.

У крыльца конторы стоял стол, накрытый красным сукном. За столом сидели фронтовики, на их гимнастерках сверкали начищенные ордена и медали. Тырышпаков, обернувшись к Байдылу, кричал ему, перекрывая гомон толпы:

— Да скоро ты там? Байдыл!

Байдыл наконец закрепил флаг и прямо с крыши спрыгнул на землю. Тырышпаков взволнованно пригладил волосы. Толпа утихла.

— Товарищи! — хрипло произнес Тырышпаков. Он вдруг закашлялся, видно, ему перехватило горло. — Товарищи! — справившись с собой, повторил он. — Наши доблестные войска добили врага в его логове. Наш советский флаг — над рейхстагом! Гитлеровская Германия капитулировала. Победа, товарищи! — Тырышпаков опять осекся, точно ему не хватило воздуха. Помолчав, он обежал взглядом притихшую толпу и, набрав воздуха, негромко выкрикнул: — Ура!

А дальше все смешалось: кто-то кричал «ура», другие кинулись обниматься, смеялись и плакали, в воздух летели шапки, кепки и даже женские косынки. Кто-то включил на полную мощность в конторе репродуктор, и оттуда неслись звуки победного марша. Тырышпаков обнимался с фронто-

виками, а дед Каракай, сидя с краю стола, вытирал углом скатерти взмокшее от слез лицо.

Карабаш поискал глазами мать. Ее нигде не было видно. Карабаш забеспокоился. Он обежал толпу, заглянул в контору. Мать он увидал на дороге, поднимавшейся на их улицу. Она шла неторопливо, ссутулившись, вобрав голову в плечи и покачиваясь. «Отец! — вдруг обожгло Карабаша. — Он не вернется!»

Он было рванулся за матерью, но тут же остановился. Что-то подсказало ему: не надо сейчас тревожить мать, не нужно ее трогать. Да и чем он может ей помочь? Ему самому было больно, слезы поневоле навертывались на глаза.

Койла с мальчишками вертелся среди толпы. Карабаш не стал звать его. Он потихоньку пошел к речке, перебрался на другую сторону и согнал телят, разбредшихся по всей луговине. Потом улегся под старой развесистой березой, от которой пахло молодой клейкой листвой, и уткнулся лицом в мощные бугристые выступы ее корней. Карабаш плакал долго и никак не мог унять слез. Ему было жалко мать, брата, который, как и он, теперь стал сиротой. Вот прошла зима, Койла окончил четыре класса, а он просидел дома. Прежде он мечтал, что отец вернется с войны, и им сразу станет легче. Отец помог бы ему во всем, а главное — в учебе. Но теперь отца нет и не будет. И им с Койлой никогда не придется учиться. Надо будет пасти этих телят, потом опять пригонят баранов, как в прошлое лето, а потом, говорил пастух Салаты, они сменят его, когда он уйдет на пенсию.

Выплакавшись, Карабаш перевернулся на спину и бездумно глядел в небо сквозь шелестящую на ветерке листву. Вдруг сбоку, справа от него, четко прокуковала кукушка: «кук-ку, кук-ку!..»

Карабаш даже подскочил на месте. Не может быть! Нет, это было просто невероятно! Вопреки всем его мыслям и горьким раздумьям эта вещая птица обещала ему счастье и удачу. Карабаш решил, что это ему просто показалось, и он перевернулся на живот. И тут же кукушка, словно нарочно перелетев, закуковала с правой стороны.

— Спасибо, кукушка! — закричал радостно Карабаш, вскакивая на ноги и ища ее глазами среди деревьев. Да не легко было ее увидеть в зарослях леса! Но, будто отвечая ему за благодарность, она согласно крикнула:

— Кук-ку! Кук-ку!

Карабаш засмеялся.

— Хош! Хош! — весело закричал он бычку с белым пятном на лбу, который, задрав тонкий хвостик, мчался к кустам у подножия горы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В это лето Карабашу недолго пришлось пасти колхозных телят и баранов. Тырышпаков отослал его в бригаду Байдыла, и все лето Карабаш проработал на сенокосе, на уборке урожая, плотничал с дедом Токмаем, поправляя зимние кошары. За лето Карабаш возмужал, раздался в плечах и загорел до черноты. А Койла один пас свое стадо и отчаянно завидовал старшему брату.

В самую страду в деревню приехали представители районного отдела народного образования и некоторых детей фронтовиков записали в районную школу-интернат. В их числе оказались Баська, Макса и Карабаш; Койлу мать не отпускала: не могла она остаться без помощника. К первому сентября ребятам предстояло явиться к месту учебы.

По осеннему небу потянулись первые караваны журавлей. В один прекрасный день опустели под крышами ласточкины гнезда. Многоголосый крик диких гусей далеко разносился по тайге: они кормились в далеких урочищах, в заводях горных рек, собираясь в стаи. Засинели горные кряжи под первыми холодами. Надвигалась осень. Но теперь она не пугала Карабаша, а настраивала на радостное волнение: менялась его жизнь...

В ночь отъезда Карабаш часто вскакивал с кровати, подходил к окну, смотрел на родную улицу. Деревня спала — ни огонька, ни движения, только изредка взбредивали беспкойные собаки, да ленивый ночной ветерок перебирал на дороге палую листву. В далеком лесу ухал филин. В прежние ночи он кричал так же, и лаяли собаки, и играл с листьями ветерок, но тогда Карабаш не прислушивался к этим звукам.

А сейчас его томило чувство, что все это он слышит в последний раз...

Мать приподняла голову:

— Тебе что не спится, балам?

— Не знаю, мама, — шепчет Карабаш, чтобы не потревожить Койлу.

— Спи, сыночек, спи, — ласково говорит мать. — Завтра в дорогу.

— Не могу, — тихо отвечает Карабаш.

Мать встает с постели и идет к очагу. Разворошив пепел, она сует в тлеющие угли сухие лучинки — вспыхивает яркое

пламя. Зябко кутаясь в старый козушок, мать наливает в чугунок немного молока, ставит на очаг. Карабаш подходит, садится рядом.

Они вместе смотрят на огонь и молчат.

Молоко скоро закипает. Мать наливает немного в чашку, дает Карабашу.

— Выпей горячего молока. Выпей... — говорит она. — Придется ли там его попить?

Карабаш послушно отхлебывает из чашки. Мать смотрит на огонь и мерно покачивается, обхватив руками колени. А Карабаш невольно оглядывается на котомку, которая с вечера лежит на лавке. Целый день мать готовила Карабаша в дорогу: зашила, поштопала всю его одежду, постирала единственную рубаху, наложила заплаты на старую шубейку. Теперь шубейка у Карабаша пестрая, точно сшита из разных лоскутов. В котомке лежит и высушенная в печи, как сухари, картошка и немного топленого масла, и сушеный кислый сырчик. Кажется, все предусмотрено, все уложено. Но мать еще долго сидит на лавке, подперев лоб кулаком, и вспоминает: все ли?..

Сначала мать Карабаша не хотела отпускать в район. Карабаш знал, почему. Думала, он вырастет, станет хозяином в доме, но женщина из района не отступала. Наверное, полдня продолжался у них разговор с глазу на глаз. И мать сдалась:

— Пусть едет! Но только, чтобы учился на чотовода. Не будет учиться на чотовода, так пусть лучше телят пасет!

Женщина тихо засмеялась, сказала: «Хорошо, будет, как вы того хотите». А мать грозил Карабашу:

— Смотри, парень! Там, в районе, говорят, разные люди есть. Картежники, жулики. Не связывайся! Учиться едешь — учись! Ты уже не маленький, сам должен знать. Вон, наш Каралдай. Учился, учился до самой старости, а теперь и семьи прокормить не может! Срамота одна! Если что, лучше у нас помощи проси...

— Ну, чего вы так? — засмеялась женщина из района. — Хороших людей на свете больше чем плохих. Да вы это и сами знаете...

— Так-то оно так, — вздохнула мать. — Да нам всегда спокойней, когда сыновья под боком...

Карабаш вышел молоко, отдал матери пиалу. Мать, как бы вспомнив, спросила:

— Я тебе пятнадцать рублей дала. Где они?

Карабаш подошел к постели, вытащил из-под подушки деньги, показал матери.

— Давай их сюда, — сказала мать. — Я тебе на майке кармашек сделаю, положишь их туда. А то еще потеряешь! — Орудую иголкой, она все поучала его: — Одежду-то не запускай! Ходи опрятным. В интернате от работы не отказывайся. Эта женщина говорила мне, что вы там все сами будете делать: и полы мыть, и печки топить. Не ленись! Будь отзывчивым, добрым. Люди только этим уважение заслуживают. Тогда никто на тебя не будет смотреть косо...

Карабаш молчал, слушая наказания матери. Он и сам пугался неизвестности, и советы матери словно помогали ему определиться в будущей жизни.

Незаметно рассвело. Мать вздохнула, крикнула:

— Вставай, Койла! Пора. Надо Карабаша провожать.

У калитки мать обняла Карабаша, поцеловала. С Койлой они крепко обнялись, сжали друг друга. Койла тихонько плакал.

— Ступай, сынок, — сказала мать. — Догоняй остальных! Вот, спасибо Советской власти, помогает тебе. Ты там поблагодари от меня. Может, и в самом деле выйдешь в люди? И женщине этой, что приезжала, спасибо скажи и другим. Ступай...

Карабаш все оглядывался на родной аил. Мать и Койла прощально махали ему вслед. У Карабаша щипало в носу, на глаза наворачивались слезы, он еле сдерживался. Трудно, ох как трудно было оставлять детство, родной дом: этот привычный и дорогой мир...

Перейдя речушку, Карабаш остановился, поглядел на места, где они столько времени провели с Койлой, оглядел луга и поляны, где бродили его телята, которых теперь будет пасти один братишка, вздохнул и побежал за ушедшими вперед ребятами. Когда он вышел на дорогу в березовой роще, сзади его послышался топот босых ног, Карабаш оглянулся. Его догонял Койла. Штанишки его были мокры от утренней росы, лицо заплакано.

— Брат! — кричал он всхлипывая. — Братка! Ты там не водись с жуликами, ладно? Если хорошо выучишься, станешь счетоводом!..

Карабаш выслушал, обнял брата.

— Ладно, Койла. Не бойся, не буду ни с кем водиться. Я, знаешь, Койла, буду учиться лучше всех. А когда приеду домой на каникулы, привезу тебе подарок. Хорошо?

— Ладно, братка, — сказал Койла и вытер кулачками глаза.

— А теперь иди домой, — Карабаш тронул его за плечо. — Помогай маме.

Ребят Карабаш догнал в русском селе. Здесь были Васька с Максой и несколько мальчишек с нижнего края деревни. Они сидели, скинув с плеч свои котомки, на обочине шоссе и ждали, когда Макса остановит какую-нибудь машину. Эту заботу Макса взял на себя, потому что лучше других мог договориться с шофером: Максу в русской деревне многие знали. Прохаживаясь по шоссе, он первым заговаривал с русскими парнями, что-то им объяснял, прикуривал у них папироски. У него были здесь даже знакомые девушки. Маралчи очень переживала из-за этого, даже плакала. Говорили, перед тем как уехать, Макса написал ей письмо, где просил простить его за «измену» и говорил, что любит ее и хочет, чтобы она его ждала.

С машиной долго ничего не получалось. Грузовики проносились мимо, и водители даже не смотрели в сторону ребят. Иная машина останавливалась. Макса, распахнув дверцу, просил водителя:

— Па-адбрось в район, бр-аток!

— А у вас деньги-то есть? — хмуро спрашивал шофер.

— Денег нет. Зачем деньги? Яйца есть! — возбужденно кричал Макса. И тут же из-за его спины тянулся с десяток рук, предлагая плату в большом количестве. Шофер плевался, захлопывал дверцу, и машина уносилась.

— Что ты ему говорил, Макса? Что? — теребили его ребята.

— Что, что, — ворчал Макса. — Что надо! Один бы я давно уехал, а с вами... — сердился он.

Наконец, какой-то молодой шофер лихо затормозил.

— Вам куда, ребята? Учиться? Лезь в кузов! Какие разговоры! Да зачем, зачем столько? — сопротивлялся он, отбиваясь от яиц, которые посыпались на сиденье. — Мне парочку на завтрак!

Макса стоял на подножке машины и что-то кричал ему под фырканье мотора, а шофер, улыбаясь, кивал: давай назад, садитесь, ребятки!

Мальчишки набились в кузов, и машина тронулась. С каждым метром она набирала ход. Деревья, дома, заборы, телеграфные столбы уносились назад, как будто их выбрасывало из-под колес неудержимой силой. Карабаш, вцепившись в борт, еле сдерживал охвативший его восторг. Ох, скорость! Он еще никогда так не ездил! Ветер звенел в ушах, едва не сорвал шапку с головы. Впервые в жизни Карабаш мчался на машине по знаменитому Чуйскому тракту...

В районный центр они приехали к вечеру. Свет на улицах ослепил ребят, вырвавшихся из темноты. Высунув головы из-за бортов машины, они глазели на шумные толпы людей, на автобусы, которые проносились мимо. Наконец, их грузовик свернул в какой-то переулок и остановился у двухэтажного каменного здания с ярко освещенными окнами.

Ребята приходили в себя от езды и впечатлений, когда дверь дома открылась, и из нее вышла красивая русская женщина со светлыми волосами. Карабаш изумленно уставился на ее ноги. Такой обуви, какая была на женщине, он никогда не видел. Сверху это были тапочки, но на пятках торчали какие-то тонкие баклуши.

— Уй! Как она ходит на них? — прошептал Баська-зайка, которого, оказывается, тоже заинтересовали туфли женщины.

— Это к нам? — весело спросила женщина у шофера.

— К вам. В интернат, — ответил он. — Вот подвез по дороге. Учиться пацанва собралась!

— Ну, слезайте, дети! — позвала их женщина. — И приходите сюда.

Ребята спрыгнули с машины, попрощались с шофером и робко, гуськом потянулись за женщиной в дом. Пока они шли, осматриваясь, по какой-то большой комнате, из коридоров набегала куча ребятишек и с любопытством разглядывала приезжих. Женщина привела их в другую комнату, достала список и, называя фамилии, сообщила каждому, в каком классе он будет учиться. Она неплохо говорила по-алтайски, и это тоже удивило Карабаша.

— Меня зовут Еленой Васильевной. Я ваша воспитательница. Если вам что-то будет неясно, обо всем меня спрашивайте. Поняли? — спросила женщина.

Ребята закивали: поняли, поняли...

Потом она повела их на склад. Шустрый чернявый мужчина выдал каждому постельное белье, по куску мыла и шутливо скомандовал:

— А теперь марш мыться!

Баня стояла на самом берегу реки Семы, протекавшей рядом с интернатом. Это был большой одноэтажный дом, и Карабашу не поверилось, что он может быть баней. Но внутри их обдало паром и запахом мыльной пены. Пожилая женщина собрала их одежду и сунула в огромный жестяной ящик, пышащий жаром. Баська-зайка тоненько запричитал:

— Уй, мои штаны! Они же сгорят! Что вы делаете?

Елена Васильевна засмеялась и сказала ему:

— Не плачь. Не сгорят твои штаны! Отстираются, выйдут, будут, как новые.

Когда ребята вышли из парилки, вся их одежда лежала на лавках аккуратными стопками. Баськины штаны и в самом деле оказались целыми, только пуговицы на них были так раскалены, что он решил надеть штаны, не застегиваясь. Но когда он их напялил, пуговицы уперлись в живот, и Баська завертелся по раздевалке, как волчок, и визжал, пока Макса не дал ему затрещину. К тому времени, видно, и пуговицы остыли.

Елена Васильевна привела их в спальню и показала, как надо застилать постель. Понаблюдав за ребятами, она подошла и к Карабашу.

— Ну, как у тебя дела?

— У меня все, — ответил Карабаш. — Только вот...

Он полез в тумбочку, достал сложенный пододеяльник и протянул ей.

— А это что? — удивилась Елена Васильевна.

— Это лишняя материя, — ответил Карабаш.

— Ты что, получил только одну простыню?

— Нет, две, — ответил Карабаш. — Одну я постелил, а эта лишняя.

Елена Васильевна расхохоталась.

— Одну ты постелил правильно, а этой надо укрываться вместе с одеялом, понимаешь? — она стала заправлять одеяло в пододеяльник.

Карабаш смотрел на нее и чувствовал, как от ее улыбки у него теплеет на душе. Он не спускал с нее глаз. Елена Васильевна перехватила его взгляд, улыбнулась, а потом лицо ее стало грустным, и она ласково провела рукой по его волосам. Обернувшись, она сказала всем:

— Ну, а теперь ужинать!

Так прошел первый день новой жизни Карабаша...

Дом всем понравился. Ребята рассматривали классы, зал, коридоры, комнаты, где можно было готовиться к урокам. Столовая находилась внизу. Везде было чисто, опрятно, и ребята сами невольно подтягивались. В первый день они бежали несколько раз к расписанию уроков и подолгу стояли возле него, на все голоса повторяя незнакомые, но такие приятательные слова: ботаника, география, история... Среди интернатских ребят, съехавшихся из близких и дальних урочищ, были и переростки вроде Максы, и такие, как Карабаш, и малыши. Но больше было взрослых парней.

Карабаша, Баську и Максу определили в пятый класс. С ними вместе учились и совсем взрослые парни, которым всю войну пришлось работать. Теперь они с трудом наверстывали упущенное, пытаясь над заданиями и ответами. Таких переростков в интернате было много и среди парней, и среди девушек. Поэтому в пятом классе училось сразу несколько групп. Многие из «стариков» не выдерживали трудностей и разбегались по своим деревням, чтобы работать в колхозе. Да и не особенно сытно жилось в интернате. Те, кто жил неподалеку от райцентра, частенько отправлялись после занятий за продуктами. Ну а «дальние» терпели, как могли, и завидовали счастливым, у которых водилась домашняя вкуснятинка.

Из всех уроков самым трудным был последний. Казалось, он никогда не кончится, и едва раздавался звонок, как ученики срывались с мест и мчались в подвал, в столовую. Там все шумно рассаживались и нетерпеливо барабанили по столам ложками. Из окошка раздаточной высывалось раскрасневшееся лицо повара тети Евпраксии. Оглядывая свое шумное хозяйство, она начинала кричать:

— А ну тише вы, дети! Ишь, галдят!.. Самтаров, марш из столовой! Ты уже обедал с первой группой. Думаешь, я тебя не узнала?

Тощий высокий Самтаров неохотно выбирался из своего угла. Тетя Евпраксия продолжала его ругать:

— Бессовестный, а еще старшекласник!

— А если я не наедаюсь? — мрачно огрызнулся Самтаров. Он уныло направлялся к выходу, но вдруг останавливался:

— Говорят, директор дал указание, чтобы старшекласникам выдавать еще сухой паек.

— Нет такого указания и не будет! — кричала тетя Евпраксия.

— Ну и жизнь! — вздыхал Самтаров. — А если я не наедаюсь?

Тетя Евпраксия следила за дежурными, которые разносили миски дымящейся похлебки по столам и раздавали аккуратно нарезанные ломтики хлеба, и смотрела, чтобышний раз кто-нибудь из мальчишек не уселся за стол. Девочки были совестливее и не отваживались на обман. А ребятам, хотя тетя Евпраксия всех знала в лицо, изредка удавалось отобедать дважды.

Незаметно пролетел первый месяц учебы. Среди русских ребят, которые учились в интернате, Карабаш нашел себе близкого друга Колю Галкина. Коля был круглый сирота,

родители его погибли в войну, и он долгое время жил в детском доме. Карабаш сосчитать не мог, сколько Коля прочитал книг, и как много он знал интересного! А еще Коля был большим мечтателем и фантазером. Мечтал он о таких вещах, о которых Карабаш раньше ничего и не знал. Коля представлял себя то путешественником, то летчиком, а в последнее время увлекся геологией.

Карабаш старался подражать ему во всем. Пока было тепло, Коля водил его по ближним холмам и скалам, где они собирали камни для коллекции. Про камни Коля знал много и с жаром рассказывал Карабашу о различных породах.

Коля начал заниматься с Карабашем русским языком, и тот оказался очень понятливым учеником. Во всяком случае, зависть Карабаша к познаниям Максы в русском языке скоро прошла, и уже другие алтайские ребята просили у Карабаша помощи.

Как-то идя по коридору, Карабаш увидел своего одноклассника Салумая, сидящего на подоконнике и уплетающего за обе щеки жареное толокно. Родители Салумая жили в двух верстах от райцентра и часто привозили сыну гостинцы. Карабаш попросил у него немного толокна.

— А ты мне помоги по русскому, — сказал Салумай. — И я тебе дам четыре горсти.

Карабаш согласился, и они пошли в комнату для занятий.

Салумай славился тем, что он везде и всегда ходил в овчинном полушубке. Сколько с ним не боролась Елена Васильевна, угрожая вплоть до отчисления из интерната, Салумай не уступал. Тогда на него махнули рукой. Он и сейчас сидел в комнате в своем полушубке, и Карабаш не знал, то ли у него от жары струится пот по лицу, то ли от умственных усилий. Салумай, уставясь в рот Карабашу, слушал о спряжении глаголов и жевал толокно.

— «Я рисую, ты рисуешь, он рисует...» — тыкал Карабаш то себя, то его пальцем в грудь. — Понял?

Салумай подумал, посмотрел зачем-то в потолок и сказал: — Нет. Не понял.

Карабаш снова принялся объяснять, а Салумай рассеянно смотрел на него. Карабаш потряс тетрадкой перед его носом.

— Смотри сюда! Чего ты на меня уставился? Ну, понял? — спросил он, повторив все сначала.

Салумай опять вздохнул.

— Нет. Не понял.

«Ну и тупица!» — разозлился Карабаш, но, вспомнив о четырех горстях толокна, взял себя в руки, начал все сна-

чала и битый час объяснял спряжение глаголов, вкладывая в свой урок все умение и всю душу.

— Ну, теперь-то дошло наконец? — спросил Карабаш, закрывая учебник.

Но Салумай невозмутимо покачал головой.

— Нет, не понял.

Тут терпение Карабаша лопнуло, он схватил книгу и треснул ею Салумая по голове.

— Да в тебя это все дубиной надо вколачивать! — закричал он, жалея свой нелегкий и напрасный труд.

Салумай заревел не своим голосом и кинулся за Карабашем, но запутался в овчине и упал. Карабаш проскочил в свою комнату и заперся.

— Открой! — рычал Салумай, барабанив в дверь кулаками, и жаловался проходившим ребятам: — Я ему четыре горсти толокна дал, а он каких-то простых глаголов объяснить не может. Обманщик!

На шум пришла Елена Васильевна и потребовала, чтобы Карабаш открыл дверь. Тот вышел в коридор.

— Что у вас случилось? — спросила Елена Васильевна.

Выслушав их, она не стала спорить, а только сказала:

— Идемте со мной.

Злобно косясь друг на друга, Салумай и Карабаш поплелись за ней в учительскую.

— Ну, вот что, — сказала там Елена Васильевна. — Миритесь.

Салумай обиженно засопел.

— Пусть объяснит глаголы еще раз, — сказал он.

— Ты что, не хочешь помочь товарищу? — спросила Елена Васильевна у Карабаша и сделала удивленное лицо.

— Да я ему полтора часа вдавливал. И все без толку!

— Ты хоть что-нибудь понял? — спросила тогда Елена Васильевна Салумая.

— Как не понять? Понял, — обиженно ответил Салумай. — Только за четыре горсти толокна он должен объяснить четыре раза, а сам объяснил только три. Это неправильно. Вот. И еще дерется!

Елена Васильевна отвернулась, чтобы спрятать улыбку. Дверь в коридор была открыта, и из столовой доносился вкусный запах пшенной каши. Настало время ужина. Карабаш и Салумай заволновались, затоптались на месте.

— Вот что, друзья, — сказала Елена Васильевна. — Будете сидеть здесь, пока не помиритесь. Хоть до утра! А я пока схожу в столовую, проверю, как там дела...

Она не успела даже встать с места, как Карабаш и Салумай кинулись друг другу в объятия и стали клясться в вечной дружбе.

Наступили холода. Дни, не успев разгореться, быстро гасли. Ребята отсиживались в своих теплых комнатах. Иногда им удавалось попасть в клуб, где каждый вечер показывали новые кинофильмы. Едва загорались первые фонари, как у клуба скапливалась молодежь. Те, у кого были деньги, вставали в очередь в кассу, а другие толкались у зашторенных окон, надеясь в просветах увидеть хоть кусочек экрана. Некоторым мальчишкам удавалось как-то проникать в зал без билетов, и таких киномеханики называли «зайцами».

Незаметно подошли зимние каникулы. Стояли сильные морозы, и Елена Васильевна не разрешила ребятам из дальних горных деревень ехать домой. Карабаш и его односельчане остались в интернате. Карабаш расхаживал по коридорам и разглядывал морозные узоры на стекле. Пышные пальмы распускались за ночь на окнах, и Карабаш, глядя на них, представлял себе джунгли, о которых не раз говорил ему неутомимый рассказчик Коля Галкин.

Коля ворохами таскал книги из районной библиотеки. Друзья читали вслух и мечтали. Книги были про путешествия, о героях, об открытии новых земель, о первопроходцах. Но иногда Карабаша начинала мучить тоска, и он отправлялся бродить по школе в поисках Баськи и Максы, чтобы вспомнить вместе с ними о своей деревеньке, о родных и друзьях, которые там остались. Однажды, зайдя в комнату, где жил Макса, Карабаш увидел его, лежащего на койке и угрюмо разглядывающего потолок. Лицо Максы было расстроенное и печальное. Карабаш удивился: он никогда не видел таким Максу. Наверное, Макса тоже тосковал о деревне, о частушках, которые он там пел, об игрищах и Маралчи...

Карабаш понимающе вздохнул и тихонько окликнул Максу:

— Макса, ты что это поскуучнел?

— Не твое дело! — вдруг заорал Макса.

Его печальное лицо, настроившее было Карабаша на дружеский лад, стало злым. Карабаш насупился. Нет, несправим этот Макса! Так же груб, упрям, нет в нем никаких товарищеских чувств...

— Ты не очень-то! — рассердился и Карабаш. — Раскипятился! По-человечески ничего спросить нельзя. Вот рисую тебя в газете, тогда узнаешь!..

— Ну и рисуй! — огрызнулся Макс. — Па-адумаешь, редактор! Если учимся в одном классе, это не значит, что ты мне ровня! Все равно я старше тебя! Рисуй, — повторил он. — Вот возьму и уеду завтра домой навсегда. Буду работать. Надоели мне ваши книжки!.. — в голосе зазвенели слезы, что уж и вовсе не было похоже на него.

Карабаш промолчал. И в самом деле Максе было трудно. За эти военные годы он очень отстал, а учеба ему всегда давалась нелегко. Лучше бы подумать, как ему помочь, посоветоваться об этом с Колей: тот всегда предложит что-нибудь дельное. Не зная, как утешить Максу, Карабаш поплелся к двери.

— Не дадут человеку побыть одному! — с раздражением выкрикнул ему вслед Макс и тяжело повернулся к стене.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Весна подступила так неожиданно, что Карабаш и не заметил. Весенние запахи и звуки здесь были не такими, как в родной долине, но и они волновали и радовали душу. Солнце стояло над долиной и целый день уже не пряталось ни за тучи, ни за вершины гор. Над головой сияла бездонная синь, властно раздвигая облака. В долине осталось мало снега — его выдули первые теплые бураны, только на склонах гор еще лежали серыми пятнами огромные ноздреватые пласты. Но с ними уже расправлялось беспощадное весеннее солнце. Дороги и тротуары высохли, и вскоре поднялась на них первая пыль.

В садиках возле домов распускалась черемуха, обволакивая село сплошным душистым белым облаком. А вскоре и скалы за рекой Семой покраснели от буйно зацветшего маральника. Парни и девушки переходили вброд мелководную Сему и притаскивали охапки ярко-красных цветов. Они были везде — и на столах в столовой, и в чайной, ими украшали свои кабины шоферы, а парни и девушки прикалывали их к кепкам и воротникам пальто. С каждым днем становилось теплей, и интернатские ребята снимали с себя пальто, полушубки и шапки.

Близилась пора экзаменов, но в комнатах усидеть было трудно. Ребята и девочки из интерната собирались группками и поднимались на окрестные горы, с которых всё районное

село было видно, как на ладони. Листая учебники, ребята нет-нет да и поглядывали на местных мальчишек-рыбаков, суевившихся возле плотины электростанции. Старики выби-
рались на берег речушки и щурясь на солнышке, вели свои
нескончаемые беседы.

Карабаш и Коля Галкин облюбовали себе высокую скалу. В ее расщелинах еще хранилась прохлада и даже прятался снег, а на открытых местах уже зазеленела травка, и камень нагревался так, что можно было лежать на нем, как на грелке. Проэкзаменовав друг друга с большой требовательностью, ребята ложились на спину и долго-долго смотрели в синее небо.

— Давай помечтаем? — предлагал Коля.

— Давай, — соглашался Карабаш. Он закрывал глаза и чувствовал, как нежные солнечные лучи мягко пощипывают кожу. Лежать так до того приятно, что даже шевелиться не хочется. Коля говорил:

— Вот закончу школу, поеду учиться дальше — на геолога или летчика. Буду как Чкалов! Какой был человек! А тебе кем хочется?

Карабаш давно знает эти Колины мечты и даже немного ему завидует, потому что сам ни о чем таком никогда не думал. Карабаш вздыхает.

— Мне надо стать счетоводом.

— А почему счетоводом? — в который раз удивляется и даже сердится Коля. — Счетоводом может стать каждый...

— У меня мама этого хочет, — говорит Карабаш. — Она другого ученья не признает.

— А вот и признаёт! — горячится Коля. — Ты представляешь: появляешься в деревне ты, Карабаш, в форме летчика или моряка!

— Звучит, — соглашается Карабаш, и ему на мгновение является эта картина: Барамаш и Бандюш тут же умирают от зависти; вот бабка Кабайчи просит прощенья за то, что гонялась за Карабашем с прутом; мать все время всплескивает руками, любуясь сыном; а Тырышпаков...

— Так что же? — настаивает Коля.

— Это еще когда будет! — вздыхает, очнувшись, Карабаш. — А мне надо сейчас в колхозе работать.

— Э-э, дурья башка! — возмущается Коля. — Без настойчивости ничего не добьешься! Ну, хочешь, мы с тобой в большой город убежим? Вот кончим шестой — и убежим. Хочешь? И в такой город, чтобы он стоял на берегу моря. Большого, синего моря... Настоящего! Поедем?

— А что мы там будем делать? — спрашивает практичный Карабаш.

— Поступим в летнюю школу.

— Это ты, а я?

— Ну, ты... в морскую! Выучишься на моряка, будешь плавать по всем морям и океанам! Увидишь много стран, людей...

— Да как мы до этого города доберемся, Коля? — удивляется наивности друга Карабаш. — У нас же денег нет. Где их взять?

Коля тут же оживляется.

— А мы их заработаем. Можно заготавливать дрова для интерната. Ведь там платят! Я, когда был в детдоме, всегда зарабатывал немного на заготовке дров.

— Пожалуй, денег накопить можно, — подумав, рассудительно сказал Карабаш. — И в том городе мы тоже проживем. Я умею подшивать валенки.

— Ах, Карабаш! — засмеялся Коля. — В больших городах валенок не носят. Там почти не бывает снега. Его убирают. Но главное у нас с тобой решено: мы копим деньги на поездку! Правда?

— Да, — твердо сказал Карабаш. Ему действительно захотелось уехать в большой город и стать ученым человеком. Знал бы об этом Койла, его братишка!

Мальчики замолчали, предавшись каждый своим мечтам, а над ними нежно шелестела на свежем весеннем ветерке высокая лиственница.

Карабаш ходил счастливый. Еще бы! Он хорошо сдал экзамены — вот порадует мать и Койлу!

Коля Галкин и в самом деле подрядился на лето на заготовку дров. Вместе со своими прежними детдомовскими друзьями он собирался в лес. А Карабаш рвался домой. Прощаясь с Колей, он сказал:

— Не сердись, Коля. У меня дома... мать. Ей надо помочь. А деньги... Деньги я зарабатую!

«Домой, домой», — радостно стучало сердце Карабаша. Он видел уже радостные лица матери и Койлы, уже говорил с ними о своей жизни и учебе в интернате. Скорей увидеть родную деревню, родные горы, где знакомы каждая тропинка, каждый буторок и даже придорожные камни!

Сидя на приступке возле чайной в ожидании шофера, который вызвался подбросить его до родных мест, Карабаш то

и дело вынимал из-за пазухи табель и разглядывал его: хорошие там были оценки! В мешке у него лежали подарки: матери — несколько пачек чая, а Койле он купил губную гармошку.

Шофера он ждал так долго, что успел проголодаться. А здесь, неподалеку, как назло продавались коврижки и пирожки. Карабаш, проглотив слюнки, еле удержался от соблазна. У него и так оставалась какая-то мелочь, и он боялся истратить лишнюю копейку. Пускай хоть немного, но он привезет матери денег.

— Есть сладкие пирожки! Коврижки вкусные! — кричала продавщица. Карабаш поднялся и перешел на другую сторону улицы, чтобы не слышать этих призывных слов.

Наконец, шофер показался на крыльце чайной.

— Эй, где тот парень, что со мной поедет?

Карабаш быстро забрался в кабину.

И вот машина ревет, мчась по извилистому, но ровному, как доска, асфальту Чуйского тракта. Кузов грузовика доверху набит большими фанерными ящиками. Шофер едет из самой Монголии. Кажется, что запыленный капот машины, ее крылья и фары покрыты еще налетом въедливой желтоватой пыли монгольских степей. Шофер, попыхивая папироской, твердо держит руль в загорелых сильных руках и весело косятся на Карабаша.

— Ученик? К мамке едешь?

— Да! Домой, — отвечает Карабаш, не отрывая жадных глаз от дороги.

— Как учился? — спрашивает разговорчивый шофер.

Карабаш молча вытаскивает свой табель и, развернув, показывает шоферу.

— О-о! — удивляется тот. — Молодец! Смотри, пятерки и четверки! Хорошо, — вздыхает он. — Учись, дружок. Я в твоём возрасте не смог учиться, все работа, работа... А потом война проклятая!.. Одних братьев пятеро, мал мала меньше. А ты не отступай! Без образования человеку нельзя. Учись, понял?

Карабаш, взволнованный этим разговором со взрослым человеком, молча кивнул.

Когда машина остановилась у перевала, через который дорога вела в его деревню, Карабаш прыгнул на землю и протянул шоферу зажатые в кулачке, отложенные заранее деньги.

— Не надо! — поморщился тот. — Оставь их себе, купишь конфет, дружок! Бывай!

Перевел скорость, нажал на педали и умчался...

Увидев знакомые места, Карабаш разволновался. Он даже присел, не в силах сдержать дрожь в коленях. Вон дорога, по которой он ехал на таратайке с Мавроньей Макаровой. А вот и развилоч, где он запутался и свернул в противоположную сторону. Теперь-то он не спутает!

Карабаш подобрал палку, подцепил на нее котомку, башмаки и зашагал в сторону деревни. День был в разгаре. Солнечный, прекрасный летний день: стрекотали кузнечики в траве, порхали, словно брошенные чьей-то рукой бумажки, белые бабочки. Высоко над перевалом плавно кружил коршун. А вот и знакомый родник в тени раскидистой черемухи. Карабаш припал к нему, напился чистейшей холодной воды, от которой ломило зубы. А вот у дороги растет сочная пучка, которой они объедались с братом в детстве. Карабаш сорвал стебель, ободрал сухую кожу и с наслаждением принялся жевать влажную мякоть.

Он не почувствовал, как одним махом поднялся на перевал. И замер. Его родина открылась во всей своей первозданной красе. Далеко к горизонту уходили от него могучие горные кряжи, опутанные сетью густой тайги, стремительные речки озорно прыгали с гор, играя белопенными водоворотами. На стыке тайги и сочных пастбищ белели островки березовых рощ, таящих тень и прохладу. Карабаш вздохнул полной грудью живительный воздух своей родины и по старому обычаю трижды поклонился ей. Где-то деловито стучал дятел. Карабаш сел на землю. Долго он всматривался горящими глазами в необозримую даль, вслушивался в тишину горного края.

— Нет, — прошептал он. — Не могу я больше. Не могу жить в райцентре. Стану счетоводом. Буду сидеть с бумагами в конторе, ездить по бригадам. Хочу жить дома.

Он встал, схватил котомку и побежал вишпрыжку под гору. Вот и последний взгорок, который он преодолел также бегом, и родная деревня предстала перед Карабашем. Ее домики взглянули на него веселыми глазами сверкающих на солнце окон.

Первые несколько дней Карабаш только и делал, что отлеживался дома. Приятно ему было видеть счастливые лица матери и Койлы, слышать, как одна за другой наведывались соседки, и, не заходя в дом, заговаривали с матерью:

— Приехал Карабаш? Окончил свою учебу? Надо же!

— Вот не думала, что из него толк выйдет! — отвечала им польщенная вниманием мать. — Оказывается, хорошо

учился. Лучший ученик! Только худой очень стал. Ой, худой стал! Это учение просто так не дается. Не знаю, чем и кормить...

Койла ни на шаг не отходил от брата, все выспрашивал о большом селе райцентра, об интернате, о ребятах, с которыми Карабаш учился, и все изумлялся и ахал от новостей, которые выкладывал ему Карабаш. Мать сердилась:

— Койла, балам! Не мешай брату. Может, он какое задание обдумывает. Вчера много чегеня выпил, может, у него и живот болит! Целый год молока не пил! Устал от черной пицци и тяжелой учебы. Не трогай его, балам...

Карабаш был счастлив от такого внимания, хотя ничего у него не болело и никакого задания не было. Но он не останавливал мать.

Койла с большой неохотой оставлял брата, и, взяв губную гармошку, исчезал из дома. Во дворе он часами пиликал на ней, приковывая внимание деревенской ребятни.

Наконец, мать начала заводить разговор издалека, намереваясь вывести планы старшего сына:

— Ты, Карабаш, наверное, не все лето будешь свои задания обдумывать? Время-то в колхозе горячее. Председатель тобой очень интересовался. Все спрашивает: как ты да что?.. Просил как-нибудь зайти.

— О чем хотел поговорить? — важно спросил Карабаш.

— Уж не знаю, о чем. Только просил зайти. По-моему, насчет работы...

— Ясное дело! — так же важно выговорил Карабаш.

Пообедав, он отправился в контору. Выбрал нарочно такое время, чтобы застать Тырышпакова одного, поговорить с председателем с глазу на глаз. Конечно, Тырышпаков сейчас предложит ему «чистую» работу...

Тырышпаков был в конторе. Увидев вошедшего Карабаша, он поднялся из-за стола и пошел навстречу.

— Ну, герой! — воскликнул он. — Как успехи? Как учился, парень?

— Успехи хорошие. Трудно, конечно, — это не телят пасти, — чуточку даже насмешливо ответил Карабаш. — Кто выдерживает, а кто и нет — бежит от учебы.

— Да-а... Трудно, брат. Трудно учиться, — согласился председатель. — Ну, а теперь чем думаешь заняться?

— Вам видней, — уклончиво ответил Карабаш. — Мог бы и по бумажной части помочь. У нас в классе по счетоводству занятия были, — соврал Карабаш, давая понять Тырышпакову, что некоторые в его конторе занимают должности, не соответствующие своему образованию. Конечно, Ты-

рышпаков догадался, что Карабаш намекает на полуграмотного Бештека.

— Так-то оно так, — согласился председатель, задумчиво потирая лоб и возвращаясь на свое место за столом. — Прямо загадку ты мне задал... Что тебе предложить — ума не приложу!

Вдруг он звонко шлепнул по столу ладонью и обрадованно воскликнул:

— Как же я раньше об этом не подумал! Слушай, дружок, попаси-ка ты другую свинью с поросятами, а? Опыт у тебя уже есть, к тому же знания... Это такая скотина, что к ней в деревне никто, кроме тебя, подхода не найдет! Все огороды опять перерыла!

— Что?! — закричал Карабаш. — Меня? С моими оценками к свиньям?! Да лучше за баранами снова ходить! А это... это... — Карабаш не нашел больше слов и выхода своему возмущению и вылетел из конторы, крича чуть не на всю улицу: — Да провалитесь вы со своими свиньями вместе!..

— Стой, стой! — кричал Тырышпаков, выскакивая за ним на крыльцо. — Карабаш! Да нет у меня специалиста по этой части! Пойми!.. Выручи, дружок!..

Но Карабаш его уже не слышал.

С горя он побрел на луг к брату, который пас колхозных телят. Койла бросился к нему, не чая услышать от брата важные новости.

Они мрачно сидели на берегу, побрасывая в воду камни, и Койла все не мог успокоиться и кипел возмущением за своего старшего брата.

— Ий-эх. Если бы я имел твое образование, братец, я бы им показал, как оскорблять ученых людей... Паси им свиней! — передразнивал он Тырышпакова: — Выручи... Помогите... Обрадовался тому, что человек выучился! Как же!..

Карабаш удрученно молчал. А солнце продолжало гореть в вышине. Телята весело взбрыкивали и крутили хвостами, носясь по облитому светом зеленому лугу. Сверкала река, маня в свои прохладные синие воды, жег ноги песок, источал пахучее тепло шершавый прибрежный камень, и не могло мальчишеское сердце не откликнуться на этот радостный призыв.

Скинув штаны, братья прыгнули в речку, подняв тучи искрящихся брызг. Потом они лежали на песке, подставив свои худые спины горячим ласковым лучам. Подрагивая посиневшими от долгого купания губами, Койла уговаривал брата:

— Бра-атец! Плюнь ты на это образование! Куда оно денется? Опять же слава колхозу. Где в округе найдется такой грамотный пастух? Ну, скажи, где? Мы с тобой новую грамоту получим. Попасем свиней, а, братка?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Осенью в интернат приехали учиться новенькие. Макса выглядел среди них малолеткой. Новички съехались с самых отдаленных урочищ. Нынче этих парней и девчат сменили в поле и на фермах их отцы и братья, вернувшиеся с фронта, и отпустили их учиться.

У этих взрослых ребят были свои сложившиеся привычки. Ходили они не группами или стайками, как прошлой осенью сверстники Карабаша, а большей частью парами. Девушки даже не скрывали того, что дружат с парнями. Но так же, как Карабаш и другие ребята в прошлом году, они тщательно обследовали здание: классы, столовую, спальни и так же долго рассматривали расписание уроков. Ребята были рослые, загорелые, крепкие и словно принесли с собой запахи и ароматы тех далеких урочищ, откуда приехали сами.

Карабаш с Колей Галкиным расхаживали среди новеньких с высоко поднятыми головами, как подобало «старожилам». Парни и девушки, разинув рты, глазели на них, молча удивлялись и, наверное, втайне завидовали, потому что у обоих приятелей из распахнутых ворот торчали краешки матросских тельняшек. Салумай и Ченчай уже предлагали им меняться на что угодно, но друзья наотрез отказались. А Баська мечтал хоть потрогать тельняшку, а, может, даже надеть, если Карабаш ненароком оставит ее возле койки. Но Карабаш теперь спал в рубашке. На то были свои причины...

Не успели Карабаш с Колей свидеться после летней разлуки, как Коля затеребил его:

— Знаешь, у нас в райцентре появился настоящий моряк! Его фамилия Котов. Я все узнал. Он живет недалеко от чайной. Ему, как участнику войны, привезли две машины дров, а пилить он не может, у него еще рана не зажила. Давай поможем ему, он, может, даст нам тельняшку?..

Они отправились к Котову. Моряк сидел в беседке. Подтакивая друг друга, Карабаш и Коля направились к нему. Коля Галкин покашлял в кулачок, и моряк Котов обернулся:

— Вы к кому, пацаны?

Коля отчего-то застеснялся.

— Товарищ моряк, — пролепетал он. — Мы вот с приятелем хотим вам дрова испилить.

— Вы что, из интерната? — полюбопытствовал моряк. Коля кивнул.

— Ну, тогда я сейчас мать позову, — сказал Котов.

На его зов из дома вышла высокая седая женщина.

Котов, кивнув своей бескозыркой на ребят, сказал:

— Вот тут гаврики хотят подзаработать, мама. Пускай разомнутся.

Старуха обрадовалась ребятам и повела их за сарай.

— А плату вы чем возьмете? Картошкой или как? — спросила она.

— Об этом потом, бабушка! — ответил Коля.

Поплевав на руки, друзья ухватились за пилу, и работа закипела. Вечером, когда они пошли умыться, старуха вынесла полмешка картошки.

— Нам картошки не надо! — заявил Коля.

Мать Котова оторопела.

— Как? Картошкой не хотите? — заволновалась она. — Или вам денег надо?

— И денег нам не надо, — покачал головой Карабаш.

— Мы хотим с вашим сыном поговорить, с товарищем моряком, — сказал Коля.

— Пожалуйста, пожалуйста, — еще больше удивилась старушка и пошла звать сына. Котов вышел на крыльцо.

— Вы чего, мальчишки?

— Товарищ моряк, нам тельняшка нужна. Ну, хоть кусочек какой дайте... — попросил Коля.

Котов расхохотался и присвистнул.

— Вот оно что! Что же вы сразу не сказали? Дрова взялись пилить...

— А мы что хотим сделаем! — угодливо сказал Коля.

— Значит, о море мечтаете, чертенята? — прищурившись, спросил Котов.

Коля вздохнул, а Карабаш, потупившись, молчал.

— Ладно! Есть у меня одна. Так и быть, отдаю вам, берите. Только как вы ее поделите?

— Ничего! Поделим, — закричали ребята.

Он вынес тельняшку и строго приказал:

— А кортошку возьмите! И разговорчики! Флоту нужны справные парни. Чтoб лопать как надо!

— Есть лопать как надо! — отрапортовали друзья.

В тот же вечер они разрезали тельняшку Котова на две половины, распороли майки и подшили к ним спереди куски тельняшки. С этого дня они ложились спать в рубашках, чтобы ребята не обнаружили неполноценность их дорогого наряда.

Ночь давно наступила, на койках затихли соседи Карабаша, а ему не спится. Тоненько посвистывает рядом Баська. Из угла несется мощный здоровый храп. Карабаш невольно улыбается, прислушиваясь к нему. Это из новеньких. Когда парень появился в комнате, его кто-то спросил:

— Тебя как зовут?

— Меня звать Колхозом.

— Как? Как? — удивились ребята.

— Колхозом, — спокойно повторил тот.

— Зачем же тебя так называли?

— А я знаю? — добродушно ответил парень. — Родился, когда у нас организовали колхоз, вот и называли.

— А Трактором почему тебя не называли? — пошутил кто-то.

— Есть у нас и Трактор, — пояснил парень. — Он в другой комнате. А еще Пионер есть, Ликбез...

— Ну и ну! — хохотали ребята. И долго не могли успокоиться.

Карабашу видится родной аил, видятся лица матери, брата Койлы, вспоминается длинное лето, которое ему довелось пробыть дома. Ах, как хочется снова туда, домой! Но тут же Карабаш спохватывается. Нет, он больше не вернется в деревню. Ни за что! Он до сих пор помнит клятву, которую дал себе в первый же день, когда ему пришлось гнать колхозную свинью с ее поросятами на лужайку... Как сейчас помнит он улыбку хитрого Иондрая, заведующего фермой, с которым первый раз в жизни ездил в райцентр. К нему на ферму пришлось идти Карабашу за этой свиньей.

— Как оценки, приятель? — засмеялся тогда Иондрай. — Не от хороших дел, видно, тебя ко мне прислали, а?

Карабаш с силой зарывается в подушку. «Вот назло всем вам буду учиться! Уеду вот с Колей в город. Выучимся на кого-нибудь!» — со злостью думает он и едва не стонет от стыда и обиды. А Тырышпаков тоже хорош! Попаси, говорит, свиней, лучшего специалиста у нас нету!.. Что он, издевался, что ли?

Карабаш вспоминает, как он опять уезжал из деревни, как пришлось идти в контору за расчетом. Там и застал он Тырышпакова. Старался не смотреть в его сторону, так было обидно, так злился на него. Но Тырышпаков сам подошел. Обнял Карабаша за плечи и сказал кладовщице:

— Ты ему, Кызнак, побольше круп дай. И масла. Больше масла! Денег мы, дружок, не даем, — пояснил он Карабашу. — Нет сейчас в колхозе денег. И не скоро еще будут. А продовольствием тебе поможем. Больше того: колхоз бе-

рет на себя обязательство снабжать тебя продуктами, только учись, сынок. Учись, Карабаш. Нам грамотные люди позарез нужны! И не сердись на старого председателя. Не сердись... Будем мы еще с тобой тысячами ворочать, будем. Дай срок! Ты только, брат, учись...

И тут Карабаш даже сел на постели. Потом снова лег. Его обожгла догадка. Тогда он Тырышпакова почти не слушал, вырывался у него из рук, отворачивал лицо. А сейчас ему показалось, что председатель сделал все это нарочно. Ну, конечно, нарочно! На, мол, не задирай нос! Не кичись... Подумаешь, пять классов кончил. Захотел Бештека лишить куска хлеба, на его место сесть, полодырничать захотелось, повольготней пожить... Ну да! Да, конечно, это так. Как еще понимать его слова: «Колхоз обязуется всеми продуктами снабжать тебя, только учись...»

Карабаш обхватил голову руками. Щеки его горели, как огонь. Опять стыдно. Ой, как стыдно! Не понял он Тырышпакова, ни за что обидел такого человека...

Баська что-то забормотал во сне, перевернулся на другой бок и затих. Карабаш немного успокоился. Повернувшись на спину, он уставился в белеющий во тьме потолок, и кажется, что проступают на нем линии рек и горные гряды, как там, на перевале, когда он смотрел на синеющие дали родного края. И вспоминается ему обратная дорога в интернат мимо порывевших стройных деревьев, точно накиннули они на плечи выгоревшую лисью шубу. А на току день и ночь молотят, слышатся протяжные, берущие за сердце, песни девушек, провожают и они в своих песнях благодатное лето, славят богатую осень и любимый свой, священный Алтай... И вспомнилась Карабашу длинная бабушкина легенда. Полностью он ее не помнит, конечно. Бабушка не рассказывала ее, а напевала, полузакрыв глаза, чуть раскачиваясь в такт мелодии. Красивые слова были в той песне, звучные, яркие... «Ах, Алтай, Алтай... Хребты твои седые выпрямились под копытами сытых табунов, поразбежались древние морщины на склонах твоих гор; от того, Алтай, сини твои горы, что задымили их юрты кочевого народа, оглохли пещеры-уши от дикого конского ржания... Орошены твои долины слезами твоих сынов и дочерей — оттого они так душисты и буйно разрослись сочными травами. Леса твои оберегают нас от врагов... Все здесь древнее, родное, близкое! Но не стареет земля Алтая. Умыты горы молочными туманами, и пики их дотянулись до самого поднебесья! Луга и пастбища вечно наполнены звонкими песнями — это птицы Алтая славят его красу и мужество. А ущелья, как мудрые старцы, хранят

тайны и предания седой древности... Сколько поколений выросло на твоём подоле, о, Алтай! Сколько конских табунов отбили копыта по твоим нехоженным дорогам, сколько юношей гарцевало, красуясь на них, сколько песен схоронено в твоей горной груди, о, Алтай! Сколько влюбленных было у подножий твоих величавых гор!.. Счастливые, они срывали твои диковинные цветы и дарили друг другу, не ведая, чья красота раскрывает их сердца навстречу друг другу... Много утекло воды в твоих реках, Алтай! Много... Иные давно покинули родину, а другие уснули вечным сном в складках твоей земли. Всем нашел ты приют, о, Алтай!.. Но не старела земля, не старилась. Новые цветы и травы поднимались на ней каждую весну, новые поколения дарили тебе хвалебные песни... Было время, много слез и крови пролилось на твоей земле, о, Алтай! Не успевала остыть тропа от копыт коней завоевателей, как на ней снова прорастал мирный ячмень, и круглые айлы вновь пускали дымки к твоим вершинам!.. Снова расцветала жизнь на Алтае!.. И опять призывно кричали табуны на горных кряжах, а дети пели новые песни:

Злой ветер повалит каргану,
Но она поднимется весной!
Боярышник померзнет на холоде,
Но опять отогреется по весне!
Из черных глаз покатится слеза,
Но в день весны забудется она!

Так пела эту песню бабушка Карабаша. И Карабаш помнит, как, ласково посмотрев в его испуганные глазенки, она поднимет вверх палец и скажет: «Чу! Ты слышишь, Алтай, новые песни? Их поет новое поколение... И мой внучек поет эти песни...»

Карабаш улыбается в темноте. Ему радостны эти воспоминания. А потом его мысли обращаются к матери. Он видит ее добрые глаза, ласковые натруженные на работе руки, слышит ее голос. Вот она готовит его в дорогу, беспрерывно снуя по избушке: все что-то перекладывает, разглаживает, штопает, подшивает, надкусывая нитку, и ворчит, чтобы не выдать слез:

— Вон Койла тебе ячменя нажарил. Возьми в дорогу, не скупись. Говорят, в интернате у вас суп варят из капусты. Разве это суп? Конечно, не суп. Койла, принеси брату сушеной баранины. Да заверни, не забудь, балам!

Потом она подходит к стене, снимает рамку, подает Карабашу пожелтевшее от времени такое дорогое для нее фото.

— И это возьми. Всего-то и осталось от отца... Может, в городе можно увеличить и сделать несколько штук? Смотри, не потеряй. Последнее тебе доверяю...

А потом стоит у порога, прижимает к груди его голову, шепчет жарко:

— Ну, ничего, ничего, сынок. Учись. А мы тут с Койлой уж как-нибудь...

Карабаш заплакал. Скорее не заплакал, а у него сами собой полились слезы. Он вспомнил о письме брата Койлы. Карабаш достал его из-под подушки и развернул. В темноте, конечно, ничего нельзя было увидеть, да этого и не нужно было. Карабаш помнил наизусть корявые, полупечатные буквы Койлы. Он писал: «Дорогой и любимый брат, мы посылаем тебе 200 рублей. Смотри, не играй в карты и с жуликами не водись. Эти деньги тебе на дорогу в город. Учись. Твой брат Койла». Вот и все, что было в этом небольшом письме Койлы.

Летом дома Карабаш так и не решился сказать матери о том, что они с другом собираются уехать в большой город, чтобы поступить там учиться дальше. Но об этом они проговорились Елене Васильевне. Воспитательница неожиданно отнеслась ко всему серьезно.

— А вы молодцы, — сказала она. — Хорошо придумали. Но учтите: трудиться вам сейчас придется каждому за двоих. Ведь вам нужно за один год два класса окончить, чтобы поступить в училище. Я постараюсь помочь вам. А ты, Карабаш, напиши обо всем маме. Она должна знать.

И вот пришло письмо от матери и Койлы. Судя по всему, мать и братишка совещались в отношении его вдвоем, никого особенно не посвящая, и от того, что они одобряли этот поступок, у Карабаша было особенно радостно на душе. Слезы еще не высохли на щеках, а он уже улыбался...

Ченчай, который после обеда играл во дворе интерната с ребятами в снежки, увидел группу девочек, направляющуюся из школы по домам, и у него тут же созрел план:

— Давай, остановим их! Надо проверить, нет ли у них лишних тетрадей и карандашей.

Орда Ченчая настигла девчонок в переулке, и сразу поднялся такой гомон, будто птицы, не дождавшись весны, вернулись обратно. Девочек было гораздо больше. Сначала они подняли страшный визг и стали разбегаться, но одна из них, беленькая, стройная, которую все называли Вале́й, крикнула:

— Девочки, да что же вы! Не бойтесь! Бей их!

И первая напала на Ченчая. Она так ловко орудовала сумкой, что Ченчай скоро оказался на снегу, другие девочки отважно расправлялись с остальными, и мальчишки начали позорно отступать. Но раньше всех удрал с поля боя Ченчай. Не мешкая, он кинулся в интернат и ворвался в комнату Карабаша.

— Наших бьют! — завопил Ченчай еще с порога и побежал по коридору, крича во все горло. — Наших бьют!

Карабаш сорвался с места: в интернате существовал неписанный закон — защищать своих.

Когда он и еще пять мальчишек прибежали к месту сражения, там никого не было.

— С кем же вы дрались? — спросил Карабаш одного из «гвардейцев», который был вместе с Ченчаем. У бедного малого от царапин и пощечин так распухло лицо, точно он побывал на пасеке.

— Там их много было! Не разберешь...

Вдалеке маячила на дороге лишь одинокая фигурка какой-то девочки.

— Вон! Вон она! Самая главная у них! — показал побитый мальчишка.

— Окружай! — приказал Карабаш и сам, пригнувшись, помчался вдоль забора за уходящей «хулиганкой».

Несколько ребят, обогнав девочку, встали у нее на дороге. Девочка остановилась, беспомощно оглядываясь. Кольцо вокруг нее сжималось.

Побитый «гвардеец» Ченчая, который, спотыкаясь, бежал за Карабашем, шептал с придыханием:

— Вот возьмем ее в плен... и отпустим за десять тетрадей. Не меньше! Будет знать, как драться!..

Карабаш, приняв грозный вид, размашисто подошел к девочке.

— Сейчас тебе даст командир! — пригрозил ей один из мальчишек.

Валя стояла, опустив голову и глядя на носки своих ботинок. Она как-то съежилась, ожидая, что вот-вот на нее посыплются удары. Карабаш стоял напротив и размышлял, что же делать. Если бы она сопротивлялась...

Но тут Валя подняла глаза и взглянула прямо в лицо Карабашу.

— Эх, вы! — с какой-то тоской сказала она. — Семеро — на одну девчонку!.. Как вам не стыдно!

У Карабаша словно язык отвалился. Он... Он... он никогда

не видел таких глаз. Спокойных, серых, глубоких. В них даже не было и тени страха. Напротив, они сияли, словно где-то внутри, глубоко, горел сильный огонь.

— Не прикидывайся, не прикидывайся! — завопил побитый мальчишка. — Царапаются, как кошки! А потом...

— Замолчи! — неожиданно для себя крикнул ему Карабаш.

Команда смешалась. Этого никто не ожидал. Все с удивлением уставились на Карабаша.

А Карабаш не мог отвести глаз от лица Вали. Он смотрел на ее пуховую шапочку, на косички, выбившиеся из-под нее, с голубыми бантиками на концах. Что-то новое, удивительное рождалось в его душе. Он и сам не понимал, что происходит. Но им овладела странная робость перед Валею, непонятное смущение.

— Что же вы, смельчаки? — насмешливо переспросила Валя.

И тогда Карабаш совершил поступок с точки зрения всей мальчишечьей братии совершенно необъяснимый. Он взял у Вали портфель и глухо проговорил:

— Ну, чего стоишь? Идем!.. — и так посмотрел на мальчишек, что они невольно расступились.

Ошалев, они стояли и смотрели им вслед. И только побитый мальчишка, выждав, когда Карабаш с Валею отошли подальше, присвистнул.

— Фюи-ить! Поняли? Нет?

...Ах, как хорош этот синий-синий предвесенний вечерний снег! Где-то высоко в небе бродит луна, то прячась за темными плывущими облаками, то высунувшись краешком из-за какого-то огромного дерева. А над горными вершинами блестят яркие звезды. Как удивительно прекрасно небо! Тишина стоит такая, что, кажется, кроме твоего дыхания, других звуков нет на свете. Ты один в этом темном синеватом мире, и ничто не тревожит тебя...

В какой-то узкой кривой улочке заплакал ребенок. А вон в подслеповатом окошке мелькнул огонек. Наверное, проснулась мать и встала к своему ребенку. Поди, устала, бедная, придя с работы, а маленький кричит, не дает спать... Ах, как он жалобно плачет! Душа переворачивается от его крика. Даже слезы готовы вернуться на глаза. Фу! Что за блажь... Никогда со мной не было такого!

На главных улицах сияют огни. Отчего-то ярко они сегодня горят! Как никогда. Нет, это вовсе не огни. Это удиви-

тельные цветы, которые по весне рассыпаются по склонам гор на родине Карабаша и так же манят к себе, как огоньки в городе. Наверное, в клубе окончился последний сеанс. Плотной лентой движутся по улице люди. Слышен смех, громкие голоса. Люди спешат по домам... А вот тебе совсем этого не хочется. Как приятно бродить по снегу. Взбираться на сугроб и потом, проваливаясь по колено, идти, идти все дальше по целине. Кровь так и бежит по каждой клеточке. Дыхание становится бурным, тебе хочется все больше движения, все больше... Кажется, нет преград, которые могли бы остановить тебя...

Карабаш с ходу садится на снег, смеется и жадно хватается его губами. У чайной фырчат моторы. Хлопают дверцы машин — шоферы идут немного подкрепиться перед дальней дорогой, перед непроглядной ночью, что ждет их впереди. Ах, какая чудесная, чудесная ночь... Давно Карабаш такой не помнит!

Все лицо его горит, а губы шевелятся и что-то шепчут. Какое-то слово вертится все время на языке. «Валя... Валя...» — повторяет на все лады Карабаш, вслушивается в это слово, любит его. Как хорошо произносить его! А главное — этого никто, никто не слышит. Ты произносишь его — и оно принадлежит только тебе, этому воздуху, этой синеватой ночи... Веет ветерок, набегая с предгорий. Ох, до чего пахуч и приятен этот ветерок!

Постепенно гаснут в райцентре последние огни: словно сказочный корабль уплывает за горизонт. Где-то внизу на белом снежном покрывале чернеет ниточка темных тополей, частоколом ограждающих Чуйский тракт от набегов степного ветра. Карабаш стоит один-одинешенек в огромном снежном поле. Небо еще выше поднялось над головой. Мерцают звезды, точно звенят в беззвучном воздухе. Звон этот, долетая до земли, превращается в ледянистые снежинки и опадает на землю, продолжая мелодию беззвучной песни.

Карабаш очнулся. Слабый морозец начал донимать его. Запахнув поплотней шубейку, он побрел к селу, чутьем выбирая дорогу среди волнистых наносов. Село встретило его темными сонными окнами, за которыми прятались тепло и уют. Карабаш шел неторопливо, и ему было хорошо одному. И он радовался этому ощущению, оно казалось ему счастьем...

В интернате его встретили испуганные глаза дежурных. Еще никто из учащихся не возвращался так поздно. Запахивая халат, прибежала Елена Васильевна.

— Карабаш! В чем дело? Скажи, что с тобою случилось? — тревожно допытывалась она.

Карабаш посмотрел на нее и вдруг улыбнулся. Елена Васильевна облегченно вздохнула, и, приложив руку к сердцу, сказала:

— Фу! Как ты напугал меня! — И опять встревожилась. — Только скажи мне: все хорошо?

— Все хорошо, — ответил Карабаш и улыбнулся снова улыбкой счастливого человека. Елена Васильевна только покачала головой.

Карабаш пришел в комнату, сел на постель и долго сидел, не раздеваясь, потом тихонько позвал:

— Ченчай!

Ченчай тут же соскочил с кровати, приблизился к нему и тревожно пригнулся, ожидая.

— Ченчай, — сказал Карабаш шепотом. — Обещай мне, что ты никогда больше не будешь трогать девочек. Никогда!

— Это почему же? — настороженно поинтересовался Ченчай и даже оглянулся: не слышит ли их кто-нибудь.

— Потому что бить девочек — это все равно, что бить свою сестренку, Ченчай. Понял?

Ченчай недоуменно помолчал, потом собрался что-то возразить, но Карабаш остановил его.

— Ченчай, — сказал он. — Тебе нравится моя тельняшка? Я ее тебе дарю. Можешь одеть ее и носить.

Карабаш нацупал тельняшку в тумбочке и сунул ее в руки ошарашенному Ченчаю. Тот даже присел на корточки. Наверное, ощупывал тельняшку, все еще не веря своему счастью. Потом он привстал, дотронулся до плеча Карабаша и, подняв сжатый кулачок, свистящим страстным шепотом произнес:

— Карабаш! Клянусь, что этих девчонок не трону больше никогда!

— Ченчай, — сердечно сказал Карабаш. — Ты мне лучший друг!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Скоро экзамены... Спрашивать будут и за шестой и за седьмой класс. Коля Галкин вгрызался в учебники и целыми днями просиживал за столом. Приближалась главная полоса в его жизни, и он к ней готовился со всей настойчивостью, на какую был способен. Того же он ожидал и от Карабаша. Но с Карабашем давно уже что-то случилось. Он ходил, как потерянный. Коля его совсем не узнавал, очень сердился, но ничего не мог поделать. Не успеешь оглянуться, а Карабаш уже исчез. И где это он ходит? Коле очень хотелось бы это

знать, да Карабаш не рассказывает. А Коля не такой, чтобы лезть в душу... И он упорно склоняется над учебником... Ох, этот Карабаш. Ну и пускай!

А Карабаш не мог дожидаться звонка с урока. Как только он раздавался, Карабаш стремглав летел к двери. И не прошло минуты, как он торчал у парадного входа в школу. Первыми появлялись маленькие ребятишки, потом выпархивала стайка девочек. Если среди них была Валя, Карабаш поспешно прятался за угол или за дерево, а если не успевал спрятаться, то принимал безразличный вид и со скучающим выражением занимался какой-нибудь ерундой, лишь бы не догадались, что он здесь оказался не случайно.

Карабашу все время хотелось видеть Валю. Ему нравилось, как она говорит, смеется, как весело отбрасывает за спину косички с бантиками. Когда он ловил взгляд ее блестящих серых глаз, у него сладко и невыносимо тонко ныло в груди. С тем же скучающим видом он незаметно следовал за девочками, с которыми шла Валя.

Вот и сейчас он маячит у дверей школы. Но Вали все нет и нет. Пробежали ее подружки, степенно ушли учителя. А Вали не видно. Карабаш забеспокоился. Он подкрался к окнам и стал заглядывать в Валин класс. Неожиданно сбоку зазвучали голоса, это в зале репетировал хор. Карабаш заглянул в окно зала и увидел выстроившихся на сцене девочек. Они готовили, наверно, программу к майским праздникам. Валю он увидел сразу. Она была в белом платье, принаряженная, такая красивая, что у Карабаша захватило дух.

В степи под Херсоном высокие травы,
В степи под Херсоном курган...

Карабаш слушал, как поют девочки, и мучительно завидовал этому матросу Железнику, о подвиге которого рассказывала песня. Какое-то смутное чувство, похожее на ревность, кольнуло его, он ощутил вдруг себя глубоко несчастным и одиноким. Слезы готовы были вырваться из его глаз — так стало ему жалко себя. Вот Валя с таким увлечением поет эту песню, столько души вкладывает в каждое слово, что кажется в недостижимой от Карабаша дали. Он отошел от окна и, понурив голову, побрел, сам не ведая куда.

На улицах стоял пьянящий черемуховый аромат. Земля еще не везде просохла, из теневых уголков пахло прошлогодними травами, прелью, сырым деревом. Карабаш свернул в глухой переулок и улегся на свежую, едва поднявшуюся зелень. Мелодия песни все еще звучала в нем.

Он неостывно смотрел в небо, слушал эту песню в себе, вытирал отчего-то слезящиеся глаза и ничего не замечал вокруг...

Коля Галкин встретил его негодующим возгласом:

— Карабаш! Что ты в самом деле, думаешь заниматься или нет? Может быть, ты изменил свое решение? Тогда скажи!

Карабаш ошарашенно посмотрел на Колю и встрепетнулся.

— Нет, нет, Коля, — заторопился он. — Я и не думал отступать. Даже наоборот, — вдруг с горячностью воскликнул он, — мне, как никогда, сейчас надо уехать!..

Коля посмотрел на друга долгим взглядом, но ничего не сказал.

Остаток дня Карабаш упорно сидел над книгами, но если бы кто-нибудь наблюдал за ним, то заметил бы, что за все время Карабаш едва перелистнул одну страницу. Наконец, Карабаш не выдержал и вышел на улицу.

Ноги понесли его в Валин переулок. Уже стемнело. Кое-где на улицах зажглись фонари. Карабаш, сдерживая дыхание, прошел мимо дома Вали. Во дворе никого не было, и он проскользнул в калитку.

Карабаш увидел Валью в окне. Она сидела и читала книгу. Он издалека посвистел, а потом запел какую-то песню. Валя даже не изменила позы. Карабаш не знал, что делать. Он чувствовал — ему нужно, просто необходимо поговорить с Валею. Он еще сам толком не знал, о чем он будет говорить, но надеялся, что тема найдется.

Шло время, а Карабаш так и не мог ничего придумать. Пора было идти на ужин. В Валиной комнате зажегся свет. Теперь окно закрыла занавеска. Карабаш осторожно перебрался через заборчик палисадника и заглянул под занавеску. Валя сидела за столом и что-то писала, а ее бабушка вязала у печки. На полу с клубком шерсти играли котята. Бабушка и Валя оглядывались на них и смеялись. На широкой лавке у двери сидел какой-то полный мужчина и дымил козьей ножкой. «Отец, что ли? Не похож», — подумал Карабаш. Он тихонечко поскреб стекло.

— Кто это там? — удивилась бабушка и, подойдя, прислонилась к стеклу лицом, прикрывая от света глаза ладонями. — Кошка, что ли, наша вернулась?

Карабаш отпрянул в тень. Бабушка отошла от окна и направилась к печке. Карабаш осторожно постучал по раме. Встревоженная бабушка снова вернулась к окну и распахнула створки. Карабаш метнулся за угол дома.

— Да кто же это? — переспросила бабушка. — А темень-то какая! Или это у меня с огня?

«Как же мне ее вызвать?» — с отчаянием думал Карабаш. Он уже снова собрался постучать в окно, но вдруг загрохотала дверь и на пороге появился мужчина, что курил в Валиной комнате. Он сразу увидел Карабаша.

— Ты чего здесь шаландаешься?! — крикнул он громовым голосом.

Карабаш в два прыжка очутился у заборчика. Сзади его послышался мощный топот. Карабаш не успел спрыгнуть, неожиданно поскользнулся на влажном дереве, и вслед за тем метла с хлестом шлепнула его по икре. Хорошо, что еще так отделался...

— Я вам покажу, воришкам таким! — гремел сзади него мужик.

Карабаш мчался по темному переулку не оглядываясь...

У входа в интернат он снял сапоги и на цыпочках поднялся к себе в комнату. Его соседи давно храпели.

Карабаш, не раздеваясь, прилег на койку, заложил руки за голову. Хорош, нечего сказать! За воришку приняли... Ему было грустно и стыдно. Валя, наверное, сидит сейчас и смеется вместе с бабушкой над каким-то забулдыгой, неведомо как проникшим в их палисадник. Стыдно и нехорошо Карабашу... Но вот мысли его принимают другое направление. А что, если все не так? Что, если Валя сейчас догадалась, кто к ним приходил? Уткнулась, наверное, в ладони и рыдает. Огорченно вздыхает ее бабушка. Раздосадованный мужик грустно чешет в затылке. Бабушка говорит Вале:

— Успокойся, милая! Не плачь. Никуда он не денется. Если любит — придет!..

— Нет! — кричит Валя. — Вы его совсем не знаете, какой он гордый! Он хотел хорошего, а вы его оскорбили!

— Знаем, знаем, — утешает бабушка. — Не убивайся, Валечка!

— Нет, не знаете, — рыдает Валя. — Он теперь никогда не придет! Никогда! Он лучше погибнет, чем простит унижение...

Она убегает от них и запирается в комнате. Не пьет, не ест, не выходит. А Карабаша, действительно, нет. Все обеспокоены. Наконец, Валя решает искать его. Вот она выходит в черном красивом платье, в черном платке, который так идет к ее светлым волосам.

Валя приходит к Елене Васильевне, и та узнает от Вали, что Карабаш исчез и, наверное, его уже нет в живых. Обе плачут. Особенно переживает Елена Васильевна.

— Валя, — говорит она. — Какой это был хороший мальчик! Какой хороший! Что же нам теперь делать? Он так рисовал! Это я... я во всем виновата! Он просился у меня на вечерний сеанс, а я не отпустила! Если бы я знала, что это ради тебя, Валя, я ни минуты не колебалась бы!.. Он был лучшим учеником у нас в интернате!.. Он окончил два класса за один учебный год...

В дверях уже стоят печальные ребята, и впереди всех — его друг Коля Галкин.

— Он, наверное, застрелился из самопала, — тихо говорит Коля Галкин. — Я сам видел, он его взял и ушел на речку. Надо искать его там, на лугу.

И Карабаш видит себя лежащим на красивой цветущей поляне, где девочки любят собирать цветы. Волосы на его бледном лбу шевелит ветер. Лицо его спокойно и полно достоинства. Кудрявая березка что-то бормочет над ним, шептестя листочками. Прямо над его головой на коре вырезано: «ВАЛЯ». И всем ясно, что, умирая, он произнес последним ее имя...

В учительской с мягким звоном бьют старые часы: бум-м, бум-м, бум-м... Полная луна заглядывает в окна интерната. Она освещает на подушке улыбающееся лицо Карабаша. Он давно спит, и ему видится уже другой сон. Видится ему, что над ним склоняется печальный лик луны, на котором проступают черты дорогого материнского лица. Губы матери тихо шепчут:

— Спи, балам. Я вижу, ты любишь... Все будет хорошо.

У чайной, как обычно, многолюдно. Толпятся люди на остановке автобуса, шоферы хлопают дверцами своих машин, фырчат моторы, разворачиваются грузовики, выезжая на асфальтовое шоссе Чуйского тракта. Уже вечернеет. Где-то за крайними домами тарахтят в поле тракторы. По улице белой цепочкой, точно собравшиеся со всего села невесты, идут выпускницы с охапками рдеющего маральника. Ветер с реки Семы доносит шепоток воды и терпкий запах черемухи. Девушки поют:

Через рощи шумные
И поля зеленые
Вышел в степь донецкую
Парень молодой...

Карабаш стоит, прислонившись к огромному тополи, вслушивается в песню, и ему кажется, что девушки поют про

него. Вот он снова у этой чайной, и опять его ждет дорога. Но теперь не в милые родные края, а далеко, в чужой незнакомый город, куда едут они с Колей Галкиным. Рядом Елена Васильевна и несколько интернатских ребят, провожающих Карабаша и Колю. На душе Карабаша грустно и хорошо... Он сжимает в кармане Валину записку, которую накануне передал ему Коля. Слов в записке немного, только они согревают Карабаша своим радостным обнадеживающим смыслом. «Карабаш, я обязательно напишу тебе. Обязательно. Валя». Коля не сказал Карабашу, как попала к нему записка. Может, скажет потом...

Елена Васильевна дотрагивается до его плеча.

— Поступишь в училище, учишься хорошо, Карабаш. Помни, только трудолюбием можно чего-то достигнуть. В большом городе сложнее жить... Теперь у тебя будет стипендия. Деньги в столовую плати вперед, не задалживай, — поучает она его. И в ее тоне Карабашу слышится уже знакомое. Вот так отправляла его в интернат мать. — Трудно будет — пиши! Обязательно поможем! Только ты не отступай, крепись. Помни о маме, о брате. Как им не тяжело было, а всегда помогали тебе. Всегда были рядом... Держись!

— Я буду стараться, Елена Васильевна, — чуть басовито отвечает Карабаш.

— Получите образование, станете нужными стране людям, — продолжает Елена Васильевна. — Хоть бы мне на вас тогда одним глазком глянуть!

Карабаш рассмеялся:

— Даже двумя глянете, Елена Васильевна. Мы обязательно встретимся. Много раз...

На крыльце чайной появляется пожилой шофер. Остановившись, он закуривает папиросу, попыхивает несколько раз, раскуривая ее.

— Ну, кто здесь едет? — громко спрашивает он.

Елена Васильевна, подхватив под руки Карабаша и Колю, чуть не тащит их к грузовику. Она обнимает каждого, крепко целует. Провожающие ребята тискают Колю и Карабаша и говорят им добрые прощальные слова.

— Вы уж, пожалуйста, поосторожнее, — просительно обращается Елена Васильевна к шоферу, стоящему на подножке. — Они учиться едут. Это наши отличники. Из интерната, — объясняет она. — Я вас очень прошу.

— Чего там. Доведем! — отвечает шофер, садясь в кабину. Мотор заводится сразу, но шофер еще разгоняет его, подгазовывая. И Карабаш понимает, что шофер просто дает еще времени всем проститься, посмотреть друг на друга.

Фигурки провожающих становятся все мельче и мельче, поднятые руки трепещут в воздухе.

Мотор поет свою песню, набирая скорость. Стремительно летит под колеса дорога. Близится поворот, за которым скроется небольшой городок, ставший ребятам родным. Карабаш и Коля стоят в кузове и, вытянув шеи, высматривают уже едва различимые фигурки у чайной...

Проносится мимо первый перевал, через который ведет дорога в деревеньку Карабаша к его родной избушке. С покосившимися маленькими окнами старая избушка, самое дорогое на свете — избушка матери! Пройдут годы, и дети хозяев твоих, или намыкавшей горя женщины-вдовы, выросшие на твоей неказистой, обшарпанной печушке, выучатся, разбредутся по всему белу свету. Увидят большие города, пройдут по длинным дорогам огромной земли, а в сохранившейся в памяти избенке останется все, как прежде, не меняясь ни в чем и никогда... И старый ковшик будет стоять на лавке, и сто лет назад подгнивший столб у плетня так и будет валиться на бок, но стоять, стоять! — до твоего возвращения, и те же снимки на стене, и старые часы-ходики, с давно поржавевшим механизмом и безгласые вот уже много лет!.. И покосившаяся печь будет греть душу одинокой старушки-матери — не одно тело жаждет огня из ее зева! И обветшала ставня на окошке будет скрипеть в долгие зимние вечера, подчиняясь степному ветру.

Какой сын или дочь не мечтают, вернувшись в родные края, увидеть все то, среди чего они росли, и что давало им силу и надежду...

Нет, не такие мысли тревожили сейчас Карабаша. Он еще недостаточно прожил на свете, чтобы по-настоящему дорожить бесконечно близкими и прекрасными вещами. Это я, автор, вмешался и дополнил их. Это меня они взволновали. Это мне вспомнились такое же босоное детство и такие же картины родной деревни и материнская избушка... Но я знал, пройдет время, и Карабаш тоже все это вспомнит. Важно, что обоим нам это было дорого и оставалось с нами навсегда...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	3
Глава вторая	37
Глава третья	58
Глава четвертая	69
Глава пятая	94
Глава шестая	127
Глава седьмая	137
Глава восьмая	144
Глава девятая	153

К $\frac{70803-023}{M138(03)76}$ 92—76

Лазарь Васильевич Кокышев

ДЕТИ ГОР

Повесть

Редактор Н. Т. Гавриловец. Ответственный за выпуск З. Ш. Шинжина. Художник В. Д. Запрудаев. Художественный редактор В. И. Ортонова. Технический редактор М. Г. Шелепова. Корректор А. А. Чулчушева.

Сдано в набор 17/IV 1976 г. Подписано к печати 17/VI 1976 г. Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 10. Тираж 50000 экз. Заказ 1787. Цена 51 коп.

Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, г. Горно-Алтайск, ул. Горно-Алтайская, 36. Горно-Алтайская типография, пр. Коммунистический, 27.

51 коп.